
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 4 ЯНВАРЬ 1986

РОССИЯ

Мастер животноводства 1-го класса Наташа Смирнова

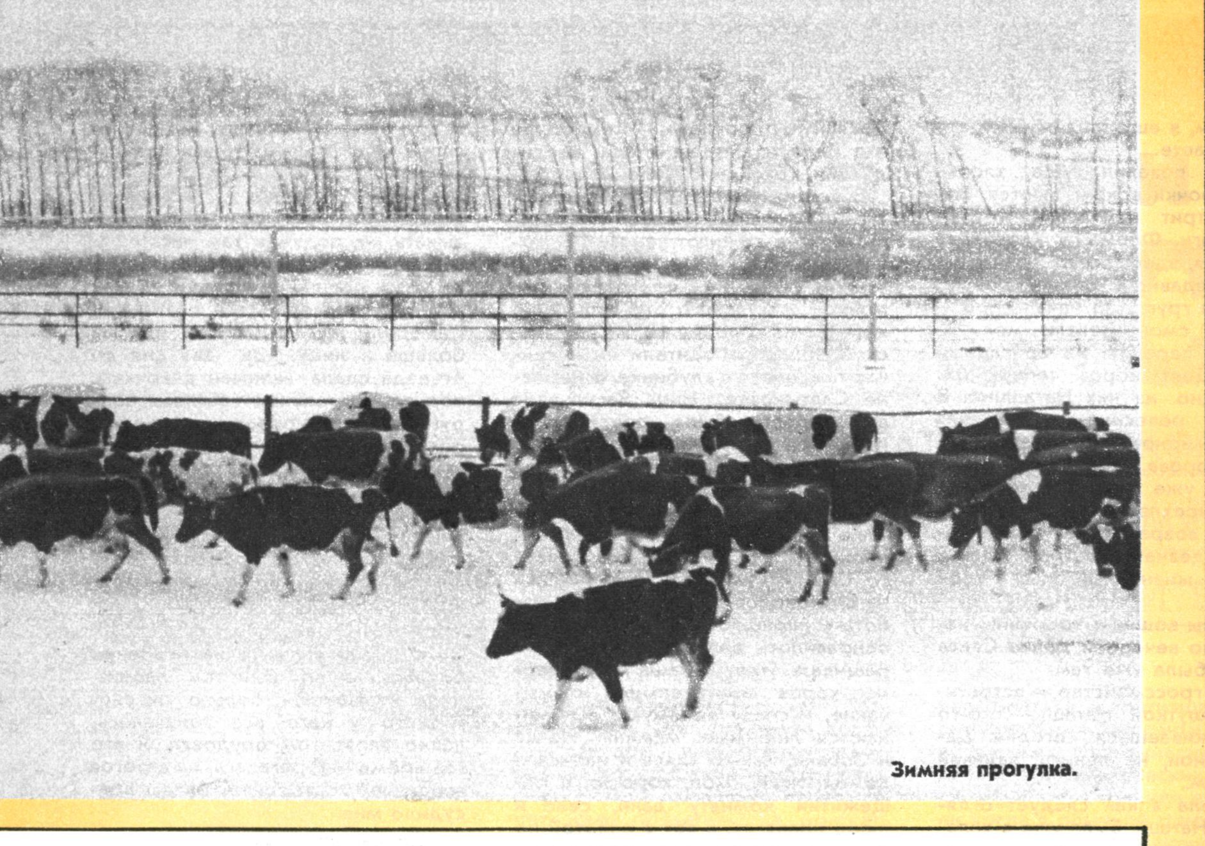

Фото
И. ТУНКЕЛЯ

НАТАШ

Первый раз пьют из ведра.

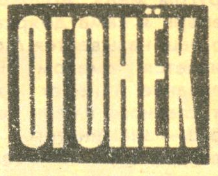

Зимняя прогулка.

А — ЧЕМПИОН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (3053)

18—25 ЯНВАРЯ

В НОМЕРЕ:

— У меня и в детстве всегда молоко на виду было, потому что мама работала дояркой, и сейчас кругом меня молоко, потому что теперь я сама доярка, и поселок-то наш называется Молоково,— заливается смехом Наташа.— Хоть название и не от молока идет, а от славного имени земляка здешнего — знаменитого полярного летчика В. С. Молокова. Но это не всякий знает, была вот я в Праге, там наше Молоково воспринимались ближе к молоку...

Наталия Смирнова не просто доярка. Она лауреат премии комсомола Подмосковья, на международном конкурсе молодых мастеров машинного доения заняла первое место. Это было в Чехословакии.

Мы идем с Наташей на ферму. Она живет в колхозе имени Горького Ленинского района. С утра выпал снежок, припорошил деревья, дома. А они здесь такие нарядные, что впору картины писать: всяк на свой манер, и узоры резные, и покрашены ярко — стоят, друг перед дружкой красуются. Кругом белым-бело. И такая чистота и светлота от нетронутого снега, будто в царство снежной королевы попали. Не верится, что в каких-нибудь двадцати километрах Москва.

На Наташе пушистая, снегу под стать, светлая шубка и такая же мохнатая шапка, сапожки на каблучках.

— А ты модница,— заметила я.

— У нас все девчонки так одеваются,— говорит Наташа,— зарабатываем прилично, столица рядом, купить есть где и что. Да когда же еще и одеваться-то, если не в молодости, ведь мне чуть-чуть только за двадцать, и, между прочим, я еще не замужем, сами понимаете...

Снежок повалил гуще, хлопья точно бабочки вокруг вьются. Наташа смотрит на часики и убыстряет шаги. Ферма в Молокове небольшая, здесь всего 311 коров. Совсем недавно у каждой доярки была своя группа. В начале прошлого года смонтировали молокопровод и перешли на бригадный подряд. Доят коров теперь три звена. Одно из них Наташино. В нем три ровесницы, звеньевая Наташа Смирнова, Вера Киндина и Света Гуторова. Самая «солидная» Вера; она уже замужем, воспитывает четырехлетнего Мишутку. А Света по возрасту на годок постарше, девчата острят: давай командуй, жизненный опыт у тебя побольше.

Когда мы вошли в коровник, напарница по вечерней дойке Света Гуторова была уже там.

— Эй, гроссмейстер,— встретила она шуткой Наташу,— что-то ты задерживаешься сегодня. Давай, чемпион, не ленись, задавай комбикорм.

Не успела я как следует оглядеться, а Наташа была уже в халатике, кокетливо повязанной косыночке. Я ее даже и не признала сразу. Вот что значит молодость, пяти минут не минуло, как пришли, а Наташа уже работает. С характером она девушка и трудолюбивая. На ферме два года всего, а успехи налицо. В прошлом году три подружки надоили по 5875 килограммов от коровы, самую малость приотстали от своих учителей: звено Нины Ивановны Волковой получило по шесть тысяч. Теперь молодежь старается выполнить высокие обязательства в честь XXVII съезда партии: ко дню его открытия завершить двухмесячную программу, тем более что Вера и Наташа стали кандидатами, готовятся в члены партии.

В уютном тепле стоят черно-пестрые коровы, ухожены и красивы. Вкусно хрупают сеном. По молокопроводу бежит молоко. Девушки привычно справляются с дойкой. А я думаю о Наташе. Она не местная, родилась в Саратовской области. Родители ее и сейчас там живут в глубинке, в деревне Салтыковке. Нина Васильевна в молодости была дояркой, теперь почту разносит, отец всю жизнь проработал трактористом, здоровье подвело — заведует складом. Сюда, в Молоково, Наташа попала после окончания Мичуринского СПТУ № 2, где вместе со Светой Гуторовой они учились на цветоводов-декораторов. А работать пришлось в теплице, не понравилось девушкам овощи выращивать. Идет Наташа мимо фермы, коров видит, слышит их мычание, и сразу почему-то вспоминаются любимые мамины Ночка и Зорька. Как-то взяла и написала домой: живу, мол, хорошо, в общежитии комнату дали, село и люди нравятся, а вот с работой не повезло, без интереса хожу в теплицу, не пойти ли мне на ферму?

Вскоре получила ответ. Нина Васильевна описала все домашние хлопоты, пожаловалась, что отец опять прихворнул, а в самом конце не без радости приписала, что ей, матери, приятно, что дочка ее профессию вспомнила. И Наташа пошла в доярки. И не раскаивается. Она вообще боевая, где бы ни работала, что бы ни делала, всегда с комсомольским задором, наверное, потому ей и оказали честь представлять нашу молодежь на международном конкурсе.

Эту новость узнала Наташа от своей наставницы Нины Ивановны Волковой.

— Ну, Наташка, собирайся, едешь за границу класс показывать, не подведи там нас.

Долго не расходились девчата в то утро, пошли к Наташе домой, собирали чемодан, все платья перемерили, все выбирали, что ей больше к лицу. За два дня до отъезда сдала экзамен девочкам, под одобрительные возгласы подруг «прорепетировала» все на коровах и поехала за медалью. И вскоре привезла ее. Золотую. Дома уже знали, что Наташа победила всех. Председатель колхоза Виктор Федорович Исаев устроил в Доме культуры собрание. Пришла молодежь, комсомольцы попросили Наташу рассказать, как это было.

— Девчат я как-то не особенно боялась, а вот был там парень, дояр из Польши, больно уж сноровисто у него все получалось, ловко аппаратом орудовал. Я его все время остерегалась, но строгое жюри самые высокие баллы присудило мне.

...Дойка заканчивалась. Наташа вымыла руки, переоделась, и мы снова вышли на заснеженную улицу.

— Пойдемте ко мне чай пить,— предложила Наташа.

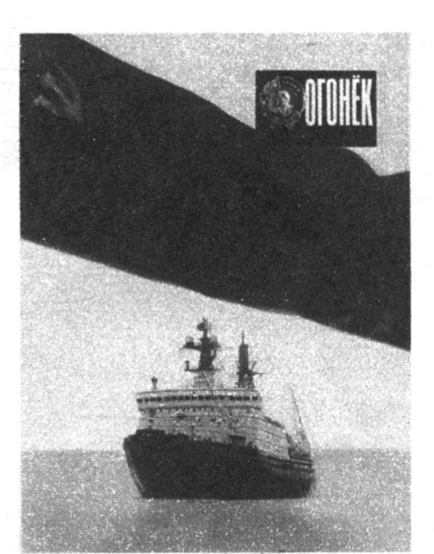
Я бы с удовольствием пошла но мне надо было торопиться на автобус в Москву. У Дома культуры мы расстались. Сделав несколько шагов, я оглянулась, но Наташа уже затерялась в толпе парней и девчат. В памяти всплыли ее улыбка, озорные глаза с искорками и комсомольский значок.

З. КРЯКВИНА

Наташино звено. Слева направо: Света Гуторова, Наташа Смирнова, Вера Киндина.

АРКТИЧЕСКИЕ МИЛИ «РОССИИ»

АТОМНЫЙ БОГАТЫРЬ-ЛЕДОКОЛ В ПОРТУ ПРИПИСКИ

ПОДГОТОВКА К ПЕРВОМУ РАБОЧЕМУ РЕЙСУ

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Бывает же такое: вот уже середина зимы по календарю, а новейший наш атомный ледокол, даже забравшись за Полярный круг, со льдами еще не встречался. Прошел несколько морей, огибая Скандинавию, одолел семи — девятибалльные штормы, сквозь пургу пробивался, а главного своего «противника» и в глаза не видал.

— Прячется, наверное,— шутят моряки,— побаивается. Ну что ж, не он к нам, так мы к нему...

До «него» от Мурманска рукой подать. Дыхание близкой Арктики сковало землю тридцатиградусными морозами, но живет, не унывает самый крупный из заполярных городов мира, готовит работу для атомного богатыря, загружая суда, которые во главе своего первого каравана вести ему в Дудинку.

Работа эта начнется на год ранее первоначально намечавшихся сроков. Настоящий трудовой подвиг совершили корабелы прославленного Балтийского завода, сделавшие стране, съезду замечательный подарок, стоимость которого измеряется не просто сотнями тысяч сэкономленных рублей, но главное — очередным доказательством того, какими воистину неисчерпаемыми резервами таланта, инициативы богата наша страна, способная в предельно сжатые сроки решать самые технические, социально-экономические задачи.

— Не только ленинградцы, вся страна строила «Россию»,— подчеркивал, провожая корабль в рейс, директор Балтийского судостроительного завода имени Серго Орджоникидзе Герой Социалистического Труда В. Шершнев.— Сложнейшее оборудование, аппаратуру, различные узлы и детали мы получали едва ли не со всех уголков нашей Родины. Это был искренний, воистину всенародный отклик на призыв ленинградцев «Пятилетку — досрочно!». Ускорение, намеченное нами, базировалось на твердой уверенности в том, что и наши поставщики сумеют перейти на новые, созвучные требованиям времени темпы работы, проявить в ней и творчество, и новаторство.

Расчеты эти полностью подтвердились. Не одному — десяткам заводов, научно-производственных объединений, конструкторских бюро пришлось пересмотреть свои обязательства, отыскать в чертежах и металле те минуты, часы, что в сумме и дали столь впечатляющий результат — самый совершенный в мире атомный ледокол мощностью в 75 тысяч лошадиных сил.

Мне не раз приходилось бывать на нем на всех этапах строительства, и потому с уверенностью могу утверждать, что скорость, взятая балтийцами,— это естественный итог передовой научно-технической политики предприятия, если хотите, материальное воплощение нового образа мыслей и рядового рабочего, и ведущего инженера, одинаково заинтересованных в том, чтобы каждый прожитый день был яснее, весомее предыдущего.

«Россия» строилась намного быстрее своих в общем-то похожих предшественников не только потому, что коллективу уже была знакома работа, но прежде всего потому, что во многом изменился сам характер ее, отношение к ней.

Курс партии на ускорение научно-технического прогресса, решительные меры по укреплению дисциплины дали себя знать вполне реальными процентами возросшей производительности труда, полученной на основе использования смелых конструкторских решений, заметного сокращения сроков воплощения на практике замыслов ученых.

Да, были в работе трудности, и немалые. Вспоминается, как перед спуском корабля на воду разыгралась вдруг стихия. Налетели с Атлантики редкие по силе ветры с дождями, снегами, несколько раз подряд выходила из берегов Нева.

Несколько дней «украла» таким образом непогода. А ведь не по дням — по часам расписан был ход строительства. И все-таки сумела вовремя справиться со своей работой бригада В. Ладоненко, которой была доверена одна из самых сложных, точных операций — запрессовка гребных винтов, отлично проявили себя в эти напряженные дни ребята из комсомольско-молодежной бригады электросварщиков Н. Пегашева, другие коллективы.

Но не за счет штурмовщины и авралов преодолевались трудности. Их следствие — почти неизбежный брак, а все системы, узлы «России» отличают высочайшая надежность, отменное качество. Это подтвердили и недавние ходовые испытания. Тон, как говорится, задала Балтика, встретившая новичка семибалльным штормом, ну, а все остальные «переживания» были делом рук человеческих. Создатели корабля не щадили его, и вряд ли когда в обычной трудовой жизни рулевому устройству, двигателям да, собственно, всем важнейшим механизмам придется испытать такие сумасшедшие перегрузки. Тем не менее они выдержали, сдали этот экзамен на «отлично».

— Качество корабля — это совесть людей, создающих его,—точно заметил ветеран предприятия Н. Сорокин.— С этой заповеди начинаем обучение любого мальчишки, пришедшего в наше заводское ПТУ, в справедливости ее он убеждается на личном примере таких мастеров, как Герой Социалистического Труда И. Жирнов, полный кавалер ордена Трудовой Славы А. Потапов, лауреат Государственной премии В. Иванов... Ну, а что значит в нашем деле моральный фактор, можно судить хотя бы по тому, что уже пятнадцать (!) лет подряд Балтийский завод успешно справляется со всеми государственными планами, досрочно сдает заказчикам корабли самой сложной конструкции.

— На совесть потрудились балтийцы,— подтверждает первый помощник капитана «России» В. Гудков.— Год работал с ними бок о бок и многих охотно включил бы в наш экипаж — надежный, умелый народ. Кстати, симпатия эта была взаимной: многие ребята изъявляли желание стать моряками, и просьбы некоторых мы удовлетворили — вчерашние судостроители К. Кривонос, В. Семченков, Н. Суворов, В. Быченков отправились с нами в рейс.

Выбор капитана понятен. За плечами у ребят служба на флоте, хорошая трудовая закалка и море. Север для них не дань романтике, а, наверное, судьба. Она же привела к Земле Франца-Иосифа, на Диксон, Новую Землю двадцатилетнюю Марину Терентьеву. Кусочек хлеба, выпеченного ею на камбузе «России», храню как сувенир. И жалею, что не попробовал прекрасных, по отзывам, пирожных, пирожков, которыми она угощала экипаж, гостей на праздничном ужине в честь подъема флага. А те из знакомых, что ходили с ней к суровым островам еще на ледоколе «Ленин», особо хвалят и ее фирменный квасок.

Кстати, большинство из нынешних «россиян» давно и хорошо знают друг друга. Сорок четыре из них с «Сибири», тридцать четыре — с «Леонида Брежнева», двадцать четыре — с «Ленина», остальные — новички.

И когда выпускники Ленинградского мореходного училища С. Богданов, О. Сысоев говорят, что чувствуют себя здесь как в дружной семье, это не расхожая фраза, а истина. Северный морской путь — путь особенный. Случайные люди отсеиваются быстро, а те, что остаются, убеждены: не сталь сокрушает льды, побеждают их люди, спаянные искренней заботой друг о друге, живущие единой целью, в общем, экипаж.

Василий Александрович Гудков плавал на всех без исключения атомоходах. Мечтал о них еще мальчишкой, когда они, собственно, еще были мечтой. В пятьдесят первом году приехал из родных Холмогор в Мурманск, поступил в ремесленное училище, и с тех пор сердце его отдано двум городам: Мурманску, где ждет жена, и Ленинграду, где живут дети и внуки. Видится с ними, понятно, редко, так что минувший год был вроде подарка. И вот снова в поход.

— Как он начался?

— Крепко штормило. Вокруг Скандинавии шли неделю и времени не теряли, еще раз проверяли в режиме максимальной нагрузки главные и вспомогательные механизмы, аппаратуру внешней связи.

— Самые памятные события последних дней?

— Естественно, подъем флага. Торжественная церемония состоялась 21 декабря возле Таллина. Это главное. Ну и еще я бы упомянул трогательную телеграмму с Черного моря от тезки — «России» пассажирской. Бывают же такие совпадения: мы — в первый рейс, она — в последний.

Совпадения бывают... Вот и в Мурманском порту встали рядом с ледоколом «Ленин» — нашим атомным первенцем, тоже родившимся на невских берегах. Скоро вместе браться за общую, богатырскую работу. Вместе с «Сибирью», «Леонидом Брежневым», а чуть позже и с первым в мире атомным лихтеровозом, первым атомным ледоколом с малой осадкой... Разными дорогами, но единым курсом идти им — последовательным курсом нашей страны на мирное использование энергии атома, освоение необжитых районов Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Важность этой задачи подчеркнута и в проекте новой редакции Программы КПСС. «Россия» готова к ее выполнению...

О. ПЕТРИЧЕНКО

Авианосец «Корал си», на который Пентагон возлагает основные функции по осуществлению широкомасштабной провокации против Ливии.

эхо недели

ПОД ПРЕДЛОГОМ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Слова «Ливия» и «терроризм» в США сделали синонимами. Сделали умышленно, абсолютно не утруждая себя при этом поисками реальных доказательств какой-либо связи Ливийской Джамахирии с террористическими актами, ответственность за которые ей приписывают. Так было во время недавнего захвата воздушными пиратами египетского авиалайнера, так происходит и теперь, после трагических событий в аэропортах Вены и Рима, где неизвестными лицами были совершены террористические акты.

Безусловно, терроризм заслуживает всяческого осуждения; здесь двух мнений быть не может. Но означает ли это, что ответственность за действия отдельных лиц должно нести какое-либо определенное государство? Любому здравомыслящему человеку такая постановка вопроса покажется абсурдной. Однако в Вашингтоне вопрос ставят именно так. В чем же дело? А в том, что террористические акты одиночек используются в качестве прикрытия для терроризма государственного, направленного против страны, независимая политика которой не устраивает США.

В Пентагоне не скрывают, что уже намечены цели для бомбовых ударов. К берегам Ливии приблизилась эскадра боевых кораблей США во главе с авианосцем «Корал си». По сообщениям американской печати, диверсионные части получили конкретные задания по уничтожению объектов в Триполи и других ливийских городах, а комитет начальников штабов США разработал несколько вариантов нападения на средиземноморскую республику.

В нашей стране эти действия получили свою принципиальную и объективную оценку. Как сказано в опубликованном Заявлении ТАСС, «такого рода акции нельзя расценить иначе, как несущие угрозу миру и безопасности не только в Средиземноморском бассейне, но и за его пределами».

...Приказа открыть огонь не было. Но американские силы, сосредоточенные в этом районе, остаются в полной боевой готовности.

А. СОКОЛОВ

Массовая демонстрация в Триполи, участники которой заявили, что никакое давление извне не способно заставить ливийский народ отказаться от его принципиального антиимпериалистического курса.

Телефото АП—ТАСС

Стефани Пелтиер в Москве

Фемида, как известно, ведет правый суд с завязанными глазами. Это для объективности и справедливости. В случае же с Леонардом Пелтиером американская Фемида ни тем, ни другим качеством не отличалась. По явно ложным показаниям, подтасованным агентами ФБР, невинный человек был осужден на два пожизненных срока только за то, что осмелился бороться за права своего народа — индейцев Америки, загнанных властями в безводные и дикие резервации страны. Но и там аборигены Нового света преследуются американской администрацией, терпят лишения и гнет.

Попрание прав человека в Америке — случай не единичный. Явление это массовое. Дело Леонарда Пелтиера всколыхнуло не только совестливую Америку, в защиту борца выступили люди многих стран, в том числе и нашей. Вот почему по приглашению Советского комитета защиты мира в Москву приехали жена Леонарда Пелтиера — Стефани Отомн-Пелтиер, адвокат Пелтиера Джон Привитер и член совета директоров Международного совета индейского договора, представитель совета в Комиссии ООН по правам человека Билли Вапепа.

— Мы выражаем большую признательность за приглашение посетить Советский Союз,— сказала сразу же по прибытии в аэропорт Шереметьево-2 Стефани Пелтиер.— Мы знаем о той широкой кампании солидарности с Леонардом Пелтиером, которая развернулась в вашей стране, и поэтому рады появившейся у нас возможности непосредственно поблагодарить советских людей, советскую печать за постоян-

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Стефани Отомн-Пелтиер и Билли Вапепа в Московском городском Дворце пионеров.

ную поддержку нашего дела, за активное участие в борьбе за свободу индейцев, брошенных в тюрьмы по политическим мотивам, в том числе в борьбе за освобождение моего мужа.

Красивая, смуглая, черноволосая женщина ведет неспешную беседу. Стефани Пелтиер — истинная дочь индейцев. Расскажите о своем народе, прошу я ее.

— Я принадлежу к индейскому племени копи. Это мужественные, смелые и в то же время, я хочу подчеркнуть это, миролюбивые люди. Ведь в переводе слово «копи» означает «мир». У копи богатые культурные и политические традиции. Последнее примечательно тем, что мой народ никогда не подписывал никаких соглашений с правительством Соединенных Штатов. Неприятие войны — это у нас в крови. Так, во время корейской войны мои соплеменники были первыми, кто отказался идти в американскую армию. Многие из них были тогда брошены за решетку. У нас есть свой своеобразный свод законов, что-то вроде морального кодекса, который помогает нам выстоять и сохранить национальную индивидуальность.

У нее печальные глаза, полные боли и тоски. Но мягкая улыбка озаряет ее, когда разговор касается мужа — Леонарда Пелтиера.

— Леонард — сильный, благородный человек,— говорит она.— Тюремщики не смогли запрятать за решетку его добрый юмор и жажду жизни. Совсем недавно, в последнюю встречу с ним, он улыбался мне, был бодр и полон надежд. После десятилетнего пребывания в одиночке он все же верит в торжество справедливости и правды. Он очень тоскует по своим детям. Он их очень любит. Власти отняли у него детей, жену, друзей, свободу, но они не смогли сломить его. Физически он, конечно, ослаб, но духом стал крепче.

Миллионы советских людей уже сказали свое слово в защиту мужественного борца американских индейцев. Благодаря инициативе «Комсомольской правды» госдепартамент США попросту завален письмами-протестами юношей и девушек нашей страны. Пионеры и школьники собирают подписи с требованием освободить Леонарда Пелтиера. Как сказывается эта мощная поддержка на ходе судебного дела? Адвокат Пелтиера Джон Привитер уже восемь лет посвятил борьбе за освобождение невинно осужденного. Кто-кто, а он хорошо знает казуистику американской Фемиды.

— Ваша солидарность приносит большую пользу,— отмечает Привитер,— Леонард Пелтиер переведен в другую тюрьму, с менее жестким режимом. Сейчас он может видеться с женой, детьми, корреспондентами. Это, конечно, хоть небольшая, но победа. Теперь необходимо добиться пересмотра дела и его повторного слушания. Нас поддержали 55 конгрессменов, 35 религиозных организаций и деятелей. За пересмотр дела выступили сенатор Джесси Джексон и вдова Мартина Лютера Кинга Коретта Кинг.

Билли Вапепа родом из индейского племени кикапу. С болью в голосе рассказывает он о безжалостном истреблении соплеменников, проживавших в районе Великих озер, армией Соединенных Штатов. Оставшихся в живых кикапу власти переселили в штаты Канзас, Оклахома и Нью-Мексико.

— В резервациях, куда согнали индейцев,— говорит Вапепа,— люди живут в ужасающей нищете, голодают. В своей стране мы как в колонии. В школах наших детей обучают только на английском языке. Учителя преподают историю Соединенных Штатов, ничего не говоря школьникам о богатой истории индейских племен. Мы боремся за самоопределение. Это означает, что мы сами хотим определять свою судьбу, мы не желаем, чтобы этим занималось правительство.

Встреча подходит к концу. Я спрашиваю, какие новые акции предпримут борцы за освобождение Леонарда Пелтиера.

— Наша борьба идет в различных направлениях,— говорит Стефани Пелтиер.— Так, шестого февраля, к десятой годовщине заключения Леонарда, намечается поход индейцев в Вашингтон через всю страну. В нем примут участие не только индейцы, но и все те американцы, которые понимают, что за свои права в нашей стране нужно постоянно сражаться. Нам очень нужна и важна международная поддержка. Я верю, что в этом году, который ООН объявила Годом мира, мой муж вернется домой, к своим детям, ко мне и продолжит борьбу за попранные права своего порабощенного народа.

В. ДУНАЕВ

Статья доктора экономических наук Н. Перекалиной «Балл за качество» («Огонек» № 31, 1985) поддержана читателями. Они разделяют озабоченность автора уровнем многих товаров народного потребления.

БАЛЛ ЗА

Читатели согласны и с тем, что для оценки массового товара следует установить более четкие, понятные каждому показатели. И всячески поддерживается то положение статьи профессора Н. Перекалиной, которым предлагается создать какой-то норматив, регламентирующий взаимоотношения в цепочке «производитель — торговля — потребитель». Как оформить статус покупателя, чтобы с его мнением считались, чтобы оно, это мнение, стало определяющим, главным? Как встроить покупательскую оценку в сам процесс производства того или иного товара? Сейчас потребитель отстранен от этого, брак он получает, так сказать, готовеньким, в магазине; и только на финише он волен высказать это свое мнение. А это слишком поздно. Понятно, выявить ту стадию, на которой мнение потребителя еще может что-то изменить, нелегко. А кто сказал, что вопросы качества просты? Если бы было так, не списывалась бы бракованная обувь, не были бы заполнены сверх меры гарантийные мастерские часами, фотоаппаратами, цветными телевизорами...

Пока же существует диктат производителя, пока завод или фабрика, объединение или ведомство все сами определяют, все сами решают. Но ведомственный оптимизм не всегда совпадает с точкой зрения покупателя. Когда потребитель не влияет на качество товара, на его оценку, как рассчитывать на объективность критериев?

Заходишь в тот же обувной магазин, вроде полным-полна коробочка, есть и туфли и сапожки, сандалеты и ботинки, а выбрать обновку по ноге и по вкусу удается не всегда. Об этом и писала профессор Н. Перекалина, в таком ключе рассуждают и читатели.

Иную позицию заняли министерства и ведомства. «К чему волнения? Зачем обсуждать этот вопрос?» — таков основной (хотя и не высказанный) мотив ответов, полученных из союзных министерств торговли и легкой промышленности, а также из Госстандарта СССР. «Действующая в настоящее время система стандартов постановки на производство продукции легкой промышленности способствует повышению качества и технического уровня выпускаемой продукции», — заверяет редакцию член Госкомитета по стандартам Ф. Коваленко, словно не ведая о том, что от «способствуя» до «обеспечивая», от желания до исполнения дорога подчас так длинна, что в начале пути и не увидишь, повлиял ли стандарт на качество, улучшил ли его? Что делается на финише, там, где заводской контролер ОТК ставит свой, тоже заводской штамп: дескать, все в порядке?.. А ведь сколько выходит с конвейера уродцев!

Невнимательно читали статью в Госстандарте? Едва ли. Скорее, сработала инерция мышления, уверенность в непогрешимости стандарта, в том, что он неукоснительно исполняется. А это далеко не всегда так.

Осведомлены в этом, не может быть иначе, промышленность и торговля. Но и здесь не пожелали вникнуть в публикацию, не разделили высказанную журналом тревогу. Заместитель министра легкой промышленности СССР А. Ефимов замечает (сперва отдав должное «своевременности и актуальности изложенных в статье вопросов»), что «проводимые работы по управлению качеством продукции позволили в целом по отрасли улучшить качество некоторых товаров», что за первое полугодие «по сравнению с соответствующим периодом прошлого года» доля продукции, «по которой приняты рекламации», снизилась «по платьям, сарафанам, брюкам, изделиям верхнего трикотажа, шерстяным и шелковым тканям». А по той же обуви? Ведь о ней прежде всего и более всего говорилось в статье «Балл за качество». Заместитель министра об этом помнит, он пишет, что есть комплексная программа «Обувь», предусматривающая «разработку и пересмотр стандартов и других нормативно-технических документов с учетом введения повышенных... требований к обуви...». Но если вспомним письмо Ф. Коваленко, заявляющего, что действующие стандарты «способствуют повышению качества», то к чему Минлегпром ломает голову над пересмотром? И того более. «В настоящее время в легкой промышленности внедряется 40-балльная система оценки уровня продукции», — сообщает А. Ефимов. Одолевают сомнения: как покупателю-то уследить за теми тонкостями, которые таят эти 40 баллов? Есть ли уверенность в мобильности или хотя бы в обозримости такого показате-

опыт друзей

К. БАРЫКИН,
специальный корреспондент «Огонька»

«Пирин», «Младост» и другие

Андон Андонов, заместитель генерального директора объединения «Пирин», ответил быстро, словно знал мой вопрос заранее:

— Не отстать от моды? Конечно, можно...

Андонов чуть помедлил и добавил: «Если идешь в хорошей обуви...»

— В ботинках от «Пирина»? — уточнил я.

— Вам нравятся эти туфли?

Мокасины были хороши. Ладные, без претензий, с той долей изящества и элегантности, которые и есть вкус модельера и умение мастера.

— Ну, вот и хорошо,— сказал товарищ Андонов.— Очень хорошо, когда мнения совпадают... Но еще лучше — когда не совпадают,— несколько неожиданно заметил он.

И рассказал, что час тому назад в этой комнате в спорах (еще как спорили, подумал я, посмотрев на пепельницу) и в единогласии обсуждался комплект одежды и обуви — он просится на заводской конвейер.

— Решили — и эти туфли пустим в производство...

— Значит, через год можно приезжать в Софию за обновкой? — пошутил я, зная о темпах освоения новинок иными нашими обувными фабриками.

— Когда заканчивается ваша командировка? Через неделю? Тогда такие мокасины вы купить не успеете, но через двадцать дней они поступят в наши фирменные магазины.

Следующий вопрос, как понимаете, появился сам собой:

— Как же быстро осваивается новинка?

— На дорогу от образца до серии в среднем уходит около месяца. Но когда мы знаем, что покупательское признание зависит от того, как скоро модель попадет на прилавок, ну, тогда можно постараться и все сделать недельки за две...

Доводилось мне разбираться, как проходит новинка свои тернии, и, привыкнув к тому, что то или иное изделие должно получить десяток виз, быть согласованным не в одной инстанции, удивился и порадовался тому, что можно и иначе. Скор, ответствен и профессионально смел здесь ареопаг, решающий судьбу новой вещи.

— Неужели не спорите?—вспомнил я пепельницу с недокуренными сигаретами.

— Почему же, спорим! Но это скорее черта болгарского характера, чем производственная необходимость...

Тут позволю пояснение, авторскую ремарку. Для «Пирина» конвейер, серия, производство не синонимы понятию «много». Тем более очень много! Вошло в практику и поддержано ею — поначалу запускается пробный «шар»; пока он катится по фирменным прилавкам (у «Пирина» по всей стране расставлены свои пикеты — хорошие магазины), к товару присматриваются не только покупатели, но и служба, изучающая спрос. Ее камертон настроен так, чтобы уловить не только сиюминутное отношение к той или иной вещи. Здесь стремятся проследить тенденцию, чтобы прогнозировать свою работу — хотя бы на ближайшую перспективу.

И тут дело не только в самой вещи, но и в отношении к ней. Главный человек в торговле — покупатель. От него-то и зависит судьба того или иного товара да и процветание фирмы, его производящей. В Болгарии покупатель имеет (не всюду, конечно! В любой стране торговля остается торговлей) особый статус — это я понял, походив по магазинам. Вообще говоря, в идеале торговля и начинаться-то должна

Новая рубрика **балл за качество**

КАЧЕСТВО

ля, управляем ли он? Уж очень громоздкое следует объяснение: тут и особо модные изделия, реализуемые по договорным ценам; и новые товары улучшенного качества с индексом «Н»; и товары массового, серийного производства, а также продукция, подлежащая снятию с производства. Может, специалист во всем этом разберется, но покупатель-то снова оказывается в стороне...

По мнению Минлегпрома, торговля с достаточной полнотой и ответственностью представляет тех, кто затем у нее, у торговли, приобретает тот или иной товар. Неверно это! Торговля, озабоченная выполнением плана, пока не стала полномочным представителем покупателя, не всегда защищает его интересы — примеров тому уйма. И не случайно этот вопрос обойден в письме члена коллегии Минторга СССР А. Раннева, он отмечает лишь, что с «предложением об оценке качества продукции... путем опроса населения можно согласиться как с одним из методов изучения покупательского спроса». Тут выявляется еще одна неувязка: в экономических заметках «Балл за качество» менее всего говорилось об изучении покупательского спроса. Автор сетовал, напомним снова, на то, что покупатель сейчас отстранен от оценки вещи на тех стадиях ее изготовления, когда еще можно что-то поправить, что-то улучшить, что-то изменить.

...Итак, и ответы вроде бы есть, но и проблема не снята. Читатели предлагают не отказываться от темы до той поры, пока не обозначатся варианты, дающие основание сказать: вопрос решается... **Открывая рубрику «Балл за качество», редакция намерена расширить рамки разговора, вынести на суд не только товары, но и качество работы в сфере услуг, в торговле, в жилищно-коммунальных службах.**

Мы будем руководствоваться положением проекта Основных направлений, где сказано: «Существенно улучшить качество изделий, повышать их технический и эстетический уровень...»

Редакция приглашает участвовать в разговоре, в обсуждении проблемы, в поисках ее решения как читателей, так и представителей промышленности, службы быта, торговли, Госторгинспекции.

ОТДЕЛ ЭКОНОМИКИ БЫТА

ЗАВОД ОТМАЛЧИВАЕТСЯ

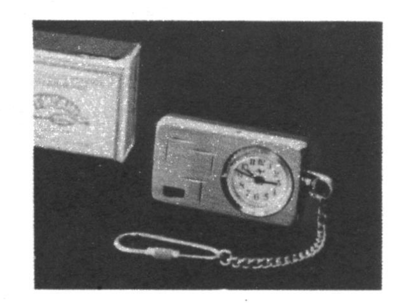
Решил я приобрести хорошую фотокамеру. Выбор пал на «Киев-20». Долго ждал и хлопотал, наконец купил — в Курганском универмаге. Едва отснял одну катушку (36 кадров), как отказала кнопка фиксации шкалы чувствительности пленки. Сдал фотоаппарат в магазин, вернули мне деньги. Через некоторое время снова появились «Киев-20». Купил вторую камеру. Проверил, вроде бы в порядке, но лишь дома установил, что после 16—18 кадров рвется перфорация. Работать невозможно. Снова везу в магазин, снова нет замены, снова отдают деньги. Снова жду... Снова завезли «Киев-20». В магазине зарядил аппарат и «прощелкал» все 36 кадров... Но при первой же съемке выяснилось, что не действует обратная перемотка. Заодно барахлила кнопка включения экспонометра и батарейка «села», разрядилась за сутки. Затем отказал затвор; что-то щелкнуло, и курок оказался заблокированным.

Решил отправить аппарат в Киев на завод. Прошло три месяца. С завода ни слуху ни духу...

Н. СЕМЕНОВ

село Памятное, Курганской области.

ЗВОНКИЙ «ЛУЧ»

Это очень простые часы, нет в них ничего мудреного. Может, именно эта простота и позволила сделать миниатюрный (длиной в пять, а высотой в три сантиметра) будильник удобным и дома, да и в пути-дороге. К тому же есть у будильника цепочка — это часы-брелок.

На фоне многочисленных часовых «новинок» (нередко унылых по форме, повторяющих друг друга) такой недорогой будильник привлекателен. Отметили его и покупатели — миниатюрный «Луч» Минского часового завода на прилавках не залеживается.

К. КОСТИН

Минск.

с покупателя — об этом догадаться нетрудно. Сложнее учесть это в повседневной работе магазинов. «Да, торговля начинается с покупателя!» — подтвердили мне в «Пирине».

— А хорошая торговля — с капризного покупателя.

И объясняли: когда покупательница привередничает, когда, прежде чем остановить свой выбор, она (сомневаясь и примеряя, примеряя и сомневаясь; советуясь с соседкой и с зеркалом) переберет с десяток пар обуви, вот тогда порядок, тогда это торговля... А магазин при этом терпеливо ждет, не подгоняет расхожей фразой: «вас много, а я один».

Торговля — это когда магазин ищет покупателя, а не наоборот.

Средний доход болгарина, так сказать, среднестатистический бюджет, позволяет ему есть и одеваться хорошо и добротно, что он и делает. Но когда речь заходит об особо модных товарах, тут болгарин, даже если он не из Габрова, где, как говорят, умеют считать не только левы, но и стотинки, все равно семь раз прикинет-подумает, прежде чем сделает одно приобретение. И это разумно, это правильно. Потому что хорошо ведет хозяйство только тот, кто умеет считать.

— Не все уходят от нас с покупками, — теперь мы беседуем с директором одного из магазинов «Пирина». — Не стану лукавить, это огорчает. Но каждый непокупатель — наш критик. А критика все же помогает.

В магазинах ведется оперативный учет мнения тех, кто пришел за покупкой. И эти данные не залеживаются, быстро передаются на предприятия, руководству объединения. Неожиданность остромодных изделий и спокойная обоснованность массовой обуви... Неделю тому назад мелькнула на телевизионном экране дамская сумочка, а сегодня я увидел ее у одного из директоров «Пирина».

— Станете выпускать?

— Сначала сделаем пробную серию. Авангардная модель — нужна осторожность...

Сумочка была экстравагантна. Я не сразу принял ее, потому и молчал.

— Если с такими выйдут на улицу и не очень молодые женщины, это будет не новинка, а анекдот. Навязывать такую модель нельзя. Ее можно деликатно предложить.

...«Пирин» может одеть человека с головы до ног в «облекла» и в «обувки». И одежда, и обувь тут из кожи. «Пирин» делает все — от футляра для ключей до (пусть ныне не очень модного, но все еще пользующегося спросом) кожаного пальто и дубленки.

В болгарских Центрах новых товаров и моды (магазины так и называются), в фирменных предприятиях самого «Пирина» («сейчас их двадцать шесть», — не заглядывая в блокнот, сказал Андон Андонов), в крупных универмагах убеждался, что «Пирин» не только наделил себя напряженной программой, но и осуществляет ее.

Рабочая формула модельеров и конструкторов, производственников «Пирина» — «элегантно и функционально». Чтобы в тех же, к примеру, туфлях можно было пошагать и в пир, и в мир, и в добрые люди. И реклама — тому в подтверждение: «Для официальных случаев и повседневного пользования — обувь с маркой завода «Сырп и чук». Она удобна и красива...» Остается пояснить, что «Сырп и чук» — это тоже «Пирин», одно из его предприятий.

— Какие показатели «Пирин» ставит на первое место? — спросил я. — Удобство? Практичность? Модность?

— Если иметь в виду обувь, то, похоже, на первое место выходит такая характеристика, как удобство, — ответили мне. Но тут же:

— Но если удобные туфли неэлегантны, кто их купит?

...И в «Пирине», и в беседе с генеральным директором другого объединения — «Младост» — Александром Дионисиевым, я чувствовал прежде всего стремление к новизне, к новому изделию. Да, «Пирин» не одинок в своем искреннем желании потрафить покупателю. С ним соперничает «Младост». А может, «Пирин» соперничает с «Младостью»... Вроде бы разный у них покупатель, но дух дружеского, но весьма острого соревнования живет.

«Младост» — это не в последнюю очередь «остросюжетные» изделия. Они находятся на пике моды, в чем-то формируют ее.

Александр Дионисиев с этого и начал разговор. А потом перешел к цифрам и фактам. Он сказал: «Ежегодно обновляем около семидесяти процентов изделий. Самый короткий срок, который отводится на то, чтобы поставить модель на заводской конвейер, — месяц».

— В среднем же на освоение модели уходит от двух месяцев до полугода. Сроки ставим в зависимости от степени новизны товара, от его дизайна, от сезонности. Но также и от реалий: от готовности производственных линий, от их гибкости, от обеспеченности материалами. Когда все это сходится, модель осваивается быстро; если начинаются сбои — вот тогда и затягиваем...

Программа «Младости» — 1200 видов одежды, обуви, изделий для спорта и туризма, детских игрушек. У объединения есть свой фирменный стиль. Это прежде всего раскованность формы, демократизм моделей. В обувном ряду очень хороши кроссовки, товары для спорта, для прогулок...

«Младост» тоже имеет свои магазины, и это подтверждает азбучную истину: в неразрывности производства и торговли, в их деловом партнерстве — успех такого дела, как выпуск товаров широкого, массового спроса.

...Хороши торговые улочки и переулки, что в центре Софии. Яркими галереями света они пронизали первые этажи домов. Небольшая дверь, а войдешь в нее и попадешь в пассажи с магазинами, с киосками, с торговыми островками, вдруг предлагающими именно то, что и надо бы приобрести, но все никак не выберешь времени. А тут зашел, а навстречу — этот подручный, с мелочами, прилавок.

— Импульсивные покупки составляют немалый процент товарооборота, и с этим надо считаться, — подтвердили экономисты.

Киоски с канцелярской мелочью и парфюмерией, цветочные лотки, стеклянный куб — с фотопленкой, с проявителями. Такая форма работы дает до восьми — десяти процентов экономии покупательского времени.

Словом, новое ищут не только представители промышленности. Все более активна болгарская торговля. Она приблизила себя к покупателю, исходя из той же формулы: покупатель — главный человек в торговле. «Не он для нас, а мы для него», — сказали мне в софийском ЦУМе.

София — Москва.

 Новая рубрика **балл за качество**

«ОБЕСПЕЧИТЬ СОЗДАНИЕ И ОРГАНИЗОВАТЬ ВЫПУСК НОВЫХ ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ ЗЕРНОУБОРОЧНЫХ КОМБАЙНОВ».

Из проекта Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года

В. ДЯДЮШЕНКО

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

«РОСТСЕЛЬМАШ»

От проходной до главного конвейера шагов пятьсот. И каждый шаг — история. На месте, где вырос завод, конники Буденного в жестоком бою громили белых. И те, кому суждено было умереть в тот день за революцию, и те, кто остался жить и строить будущее, думали об одном: о социализме, о мире, о хлебе. Когда-то Максим Горький сказал строителям завода первых советских комбайнов: «Вы кирпичи кладете, а в буржуазных газетах такой вой идет — про ваш завод пишут, удивляются, не верят. А нам доказать надо! Всему миру доказать, и, я верю, докажете. Много надо еще усилий и упорства, чтобы жить полной человеческой радостью. Будьте дружны, воспитывайте и закаляйте молодежь! Больше работы над собой, больше сознания, что делается небывалое в истории человечества дело...»

В музее комбайнов видишь машину, которая в 1937 году была признана лучшей в мире. А в годы Великой Отечественной войны завод в Ташкенте и в Чирчике выпускал снаряды для «катюш». И часть целины поднята плугами, изготовленными этим же заводом...

Четвертую реконструкцию переживает завод. Уже введены в строй почти шестьдесят тысяч квадратных метров производственных площадей — это два прежних завода, детища первой пятилетки! Еще столько же будет! И все это — под станки с программным управлением, под автоматические линии, для роботов... И все это ради новой модели комбайна, имя которому «Дон».

«Дон» — седьмая по счету модель в истории завода. Самая производительная, как и должно быть. Главное, эта машина позволит за счет сокращения сроков жатвы и потерь собирать ежегодно миллионы тонн зерна ДОПОЛНИТЕЛЬНО.

РАССУДИТ ПОЛЕ

Из впечатлений минувшего лета особо запомнились поездки на машиноиспытательные станции, где проверяют технику завтрашнего дня. Зерноградская МИС. Рокот комбайнов постепенно утих. Наступил перерыв. У костра сидели комбайнеры, а неподалеку стояли «Доны». Говорили о новинке. О достоинствах, недостатках. С оценками не торопились. Но, суммируя сказанное, выделяли главное: хлеба меньше будет пропадать. И радость: «Надо же, для комбайнера какой комфорт в кабине!» И вопрос: «Как же работать на машине с электроникой?» Волновалась молодежь — им работать.

Через несколько дней, уже под Армавиром, довелось увидеть «Дон» в деле и услышать, что о нем говорят люди постарше. На огромном поле — семь новых комбайнов. Подбирали валки. У кромки поля разговор вели специалисты КубНИИТИМа и местные механизаторы. Профессионализм, жизненный опыт позволяли тем и другим судить категорично. С одной стороны, восхищение машиной, с другой — осторожность: не выпустить бы «недоросля»...

Спор постепенно затих. По полю, с удивительной легкостью подбирая валки, сновали машины. Над ними то и дело загорался сигнал: бункер полон!

ПЕРВОЙ СРАЖАЕТСЯ МЫСЛЬ

Иван Киреевич Мещеряков — главный среди авторов «Дона», генеральный конструктор по зерноуборочным машинам. При первой встрече удивил мягкостью характера. Мещеряков обычно внешне спокоен. Но в споре резок, категоричен. Особенно когда не верят в его ГСКБ и в тех, кто из множества вариантов выбрал «Дон».

— Нельзя больше терять хлеб из-за растянутых сроков уборки, из-за нынешних комбайнов,— говорил Мещеряков.— Нельзя больше ориентироваться только на ремонт с помощью кувалды и гаечного ключа!..

Так говорил человек, сумевший зажечь идеей «Дона» людей обеспечить разработку, испытания, подготовку к серийному выпуску принципиально новой машины. За пять лет вместо обычных двенадцати. Тем удивительней было услышать от И. К. Мещерякова: «Такой стране, как наша, нужны самые разные комбайны... Диктуют условия. Селяне сами выберут, что нужно. Но главная модель, по-моему, сейчас «Дон». По большому счету это только начало».

НОВОЕ ПРИВЫЧНЫМ НЕ БЫВАЕТ

И все-таки в «Донах» сомневаются. И об этом надо говорить. Сомневающихся в общем-то три группы. Одни — за улучшение старой техники. Другие, говоря метким словом Е. Евтушенко, из разряда «кабычегоневышлистов». Третья группа — сами селяне. Те, для кого «Дон» делают. И пока не видевшие, к сожалению, новый комбайн в работе. Вот и в Эстонии, в республиканском Агропроме, ростсельмашевцев встретили гостеприимно, но настороженно. Нужна ли, мол, здесь, где хлеба производят не так много, новая машина? Им говорят: «Необходима». Сроки уборки сверхкороткие, а урожайность год от года растет. «Нивы» не поспевают. «Дон» ждут во многих хозяйствах. Ждут и сомневаются. С этих сомнений и начался разговор в Таллине, куда и были приглашены ростсельмашевцы. В разговор вступил испытатель комбайнов, кавалер ордена Ленина и Трудового Красного Знамени Николай Лукьянович Курохтин:

— Я по своему комбайнерскому опыту сужу: «Дон» лучше всех существующих у нас машин...

Курохтин привел с десяток примеров, когда природа и погода останавливали машины других марок, в том числе и зарубежные. А «Дон» шел вперед, легко собирал то, что при старой технике погибло бы.

— В Казахстане, например,— вспомнил Курохтин,— при работе спаренными жатками сформировали валки мне по грудь! А тут дождь. Проросло все. Можно плакать, можно вилами ворошить, а убрать все равно не успеешь — потеряешь зерно. «Нивы» помыкались и отошли в сторону. А мы на «Донах» двинулись вперед.

Спор закончился просьбой: присылайте быстрее новые комбайны.

В пользу «Дона» неоднократно высказывались те, кто на этих машинах поработал уже несколько сезонов: и дважды Герой Социалистического Труда оренбургский комбайнер-механик В. М. Чердинцев, и Герой Социалистического Труда Н. В. Переверзева. За новую машину голосуют колхозы «Россия» Новоалександровского района Ставропольского края, имени Ленина Зерноградского района Ростовской области, а также совхоз «Октябрьский» Курганинского района Краснодарского края. А вот мнение из-за границы:

«Прага. Большие урожаи зерновых вызывают все более серьезный спрос с техники. Поэтому земледельцы республики с интересом наблюдают за первым уборочным экзаменом нового советского комбайна «Дон-1500» на наших полях. Речь идет о конструкции высокого мирового уровня. Первые результаты экзаменов, например, показали, что при пропускной способности 10 килограммов массы в секунду потери оказались в пределах нормы — 1,5 процента... При мгновенных перегрузках, с чем часто сталкиваются на жатве, у «Дона» не падают обороты двигателя, не повышается расход горючего, нет риска поломок и больших износов, как это имеет место на комбайнах, ныне работающих на наших полях. Земледельцы отмечают также превосходную кабину с кондиционированием и широкое использование электроники в новом советском комбайне» («Руде право»).

НЕСКОЛЬКО СРАВНЕНИЙ

Чем же завоевывает симпатии «Дон», хотя он и не без недостатков? О необходимости их устранения и обеспечения своевременного выполнения намеченных заданий шла речь недавно на заседании Политбюро ЦК КПСС. В коллективе завода со всей ответственностью относятся к реализации важнейшей программы. Семейство комбайнов, о котором идет речь, включает базовые модели «Дон-1500» и «Дон-1200», а также их модификации для работы в Нечерноземной зоне, крутосклонную, клещевиноуборочную и рисоуборочную машины. Новые комбайны имеют жатки с захватом 6,7 и 8,6 метра, платформы-подборщики, копнители, измельчители. Предусмотрены приспособления для уборки подсолнечника, кукурузы, сои, сорго, крупяных культур, люпина и семенников трав. Средний намолот у комбайна «Дон-1500» в 2,3 раза, у «Дона-1200» — в 1,6 раза выше, чем у серийной «Нивы», а дробление зерна в 1,5—2 раза меньше. Производительность американского комбайна «Джон-Дир-8820» меньше ростовского почти на 46 процентов.

Анализ работы комбайнов в КубНИИТИМе показал, что в одинаковых условиях за счет увеличения полноты сбора комбайны «Дон-1500» в сравнении с СК-5М «Нива» с каждого гектара намолачивали дополнительно: ячменя — 2,96 центнера, пшеницы — 2,57 центнера; «Дон-1200» — соответственно 0,6 и 0,5 центнера.

П. Белоусов. Род. 1912. В. И. ЛЕНИН ЗА РАБОТОЙ НАД КНИГОЙ «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» В ЖЕНЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ, 1978.

Центральный музей В. И. Ленина.

П. Басанец. Род. 1926. РОДИНА В ОПАСНОСТИ. 1985.

Художественная выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

Высоко оценивают специалисты и механизаторы комфортные условия работы на комбайнах семейства «Дон». Кабины просторны. Фреоновые кондиционеры, тонированные стекла, теплоизоляция и хорошая герметизация кабины обеспечивают температуру воздуха в кабине не выше двадцати четырех градусов. Пришлись по душе хлеборобам и другие решения: гидропровод ходовой части, молотильный барабан диаметром 800 миллиметров, подборщик транспортерного типа, объемистый бункер, высокопроизводительное выгрузное устройство, электронная система предупреждения отказов.

ПРОВЕРКА УСКОРЕНИЕМ

Но вернемся на «Ростсельмаш». Его архитектор А. Куцов дал справку: только на головном заводе около тысячи дверей. И с улыбкой добавил: «Главная ведет, конечно, в сборочный цех». Ничем не примечательная, она почти не закрывается. И гости завода, и его хозяева — все идут сюда. Заглянуть в будущее.

Сразу у входа главный конвейер: река «Нив». Пока. Первые сто комбайнов «Дон» ростсельмашевцы обязались выпустить к XXVII съезду партии. Их собирают тут же, рядом с действующим конвейером. В этом главная проблема: вся подготовка к серийному производству «Дона» велась и ведется без остановки производства. Работы идут сразу на тридцати — сорока «площадках». Тысячи ростсельмашевцев работают в уплотненных условиях, приобретают на время другую специальность, нужную заводу сегодня. Прибавьте ко всем трудностям обновления каждодневные составы с новой техникой, которую надо сгружать, монтировать, отлаживать. В действие вводятся четыреста тридцать станков с числовым программным управлением, почти семьсот автоматических и поточно-механизированных линий, более девяноста механизированных участков, пятнадцать гибких систем. Коллектив и в этих условиях выполняет план, обязательства и думает о будущем, о «Доне». От каждого из ростсельмашевцев зависит, будет ли «Дон» только очередной современной конструкцией, или с конвейера станет сходить еще и надежная машина, сработанная на совесть. Здесь на былые победы смотрят с новых позиций ускорения.

ДЕПУТАТ «РОСТСЕЛЬМАША»

В стране многие знают ветерана «Ростсельмаша» Петра Кондратьевича Колесникова, Героя Социалистического Труда, почетного гражданина Ростова-на-Дону. На работу Петр Кондратьевич выезжает рано. И так более шестидесяти лет! С перерывом на войну. Войну прошагал от и до... Среди других ростсельмашевцев П. К. Колесников не выделяется. Они выделяют его. Не случайно его именем названа одна из профсоюзных премий.

Колесников выпускал все марки ростовских комбайнов.

— Понимаете,— говорит Петр Кондратьевич,— люди растут вместе с новыми машинами. Проволочка с началом серийного выпуска — это же застой для тысяч людей! Ускорение дела — доверие, которое окрыляет...

В опытной партии новых комбайнов есть детали, сработанные Петром Кондратьевичем. Пять лет назад он ушел на пенсию, но услышал про «Дон» — и вернулся. Ему восемьдесят лет, а он работает сразу на трех станках и еще ежедневно один час — за погибшего на войне друга... Скромность, душевная чистота этого старого человека отразились и на домашней обстановке. В небольшой комнате просторно, уютно: мало мебели, много воздуха. В центре — стол со стопкой писем, книгами, телефоном. У депутата Колесникова много дел, большая почта.

— Пишут о разном,— говорит Колесников.— Чаще просят помочь... Стараюсь уважить, особенно тех, кого обидели.

— Петр Кондратьевич, а какой вопрос самый трудный?

Колесников смеется:

— Думаете, квартирный? Нет, тут закон, службы разные... А вот спрашивают, когда «Доны» наши на поля выйдут. Сразу не ответишь. За нашим коллективом задержки не будет. За последние годы многое на заводе изменилось. Меньше валу стали кланяться, больше качеству. Трудно, но за «Доном» поспеваем. А вот смежники, строители — тут сложней. На словах — за, а на деле... Я уже на иные предприятия выезжал, встречался с рабочими, руководителями, депутатами, через ихние заводские газеты обращался... Но все-таки есть еще кто подводит!

И ветеран перечислил:

— Белоцерковский завод резинотехнических изделий, кировоградский «Гидросила», «Таджикгидроагрегат»...

ПРАВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В каждом большом деле есть человек, отвечающий за все. На «Ростсельмаше» это Ю. А. Песков, генеральный директор объединения. «Огонек» рассказывал об этом человеке. Конечно, время меняет, совершенствует человека, если он сам хочет идти в ногу с ним.

Генеральный директор массивен, но и подвижен. Говорит обычно негромко, но может «взрываться» такими децибеллами... Погорячившись, обязательно и внятно извинится. Таков Песков. Один из генералов социалистической индустрии. Иным разговаривать с ним трудно, как всегда нелегко общаться с человеком, нацеленным только на новое, а значит, ломающим все старое. Ломает Песков вчерашний подход к сегодняшним делам. Новая машина втягивает в ускоренное движение сотни предприятий, организаций, учреждений. Естественно, немало тех, кто на широкий шаг переходить не хочет. Спрятаться таким от «Дона» невозможно, поэтому тормозят. Типичный довод: «Дон» не идеален! Но разве это возможно — создать машину, в которой нельзя ничего улучшить? И все равно пора приступать к выпуску. С точки зрения Пескова, такой момент настал.

БРАТ БРАТОМ СИЛЕН

Тридцать лет назад ростсельмашевцы, быть может, первыми в стране подписали договор содружества со смежниками из Таганрога и Харькова. Вскоре из этого родилось знаменитое соревнование под девизом «Руда — металл — машины — хлеб». Программа «Дон», возросшая роль смежников в делах ростсельмашевцев потребовали расширить такое содружество. От первого договора смежников перешли к идее «договор шестисот»— столько теперь смежников связано с «Ростсельмашем»!

Движущей пружиной нового соревнования стал агитрейс «Дон» — на конвейер!», организованный нашей заводской газетой «Ростсельмашевец». Итог — улучшение ритмичности и качества поставок. Срабатывает, как говорится, человеческий фактор. Люди начинают дружить. В Макеевке, например, все началось со сменно-суточного собрания. К его участникам обратился кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени В. М. Стороненко. На Лебединском горно-обогатительном комбинате рабочих «Ростсельмаша» представлял Герой Социалистического Труда К. Е. Уланов, на Череповецком металлургическом — Герой Социалистического Труда З. П. Еременко, на Вильнюсском заводе топливной аппаратуры — кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени В. П. Шумский. И говорили-то везде недолго. Но какой эффект имели слова! Ответили побратимы на них делом.

В Риге — неожиданный поворот. Там весомое слово сказал... композитор Раймонд Паулс, внук красного латышского стрелка (они вместе с Первой Конной освобождали Ростов). Обращаясь к участникам агитрейса, он отметил: «Все мы причастны к хлебу. Все мы в долгу перед ним. А ваша рабочая эстафета — это не только экономика, это еще и пример единства народов нашей страны».

НЕТ В УСТАВЕ СЛОВА «ОТСТУПАТЬ»

Когда-то в партийной организации «Ростсельмаша» было восемь коммунистов. Сейчас в объединении их десять тысяч. В парткоме завода днем чаще всего тихо: работающие здесь расходятся по цехам. После смены ситуация меняется: в партком идут люди от станков. Что же влечет их сюда? Телефонограммы? Это редкий жанр в партийной работе. Обязанности? Да, но не все может дисциплина. Притягивает стиль работы партийного штаба. Приглашенные на заседание парткома никогда не бывают просто слушателями, которых вызвали «на ковер» поучить уму-разуму. Здесь в цене ответное мнение. Конечно, желательно емкое, короткое, конструктивное. И самокритичное. На «аппаратчиков» и «людей с мест» здесь делить не принято. Конечно, не все идеально. Как и вся партия, партком «Ростсельмаша» переживает сейчас сложный процесс ломки стиля. Задача — приблизить свою работу к трудовым коллективам! К заботе о людях.

Послушаем, что говорят партийные работники завода.

СНОВА О СТАРОМ АРБАТЕ

На опубликованную в № 37 журнала «Огонек» статью В. Потресова «Новая жизнь Старого Арбата» редакция получила много писем от читателей. В них выражается признательность за публикацию своевременного материала, который должен способствовать улучшению организации работ по созданию в столице первой пешеходной улицы, более рациональному ее использованию.

Получила редакция письмо и от В. А. Нестерова, заместителя начальника Главного архитектурно-планировочного управления г. Москвы. Он пишет:

«Главное архитектурно-планировочное управление сообщает, что создание первой в Москве пешеходной ул. Арбат включает комплекс разнообразных работ:

— строительство подземного коллектора, других инженерных сооружений и мощение улицы;

— благоустройство улицы — озеленение, малые формы, освещение, мелкорозничная торговля;

— реклама и различного рода информационные установки;

— реставрационные работы по фасадам зданий;

— функциональное использование зданий (в первую очередь нижние этажи).

В период строительства регулярно, каждую неделю проводились оперативные совещания, на которых решались организационные вопросы. Вместе с этим единого заказчика по всем разделам работы не было, как справедливо отмечено в статье. Многие вопросы готовились и решались на параллельных совещаниях в различных главных управлениях, участвующих в работе по Арбату. Были такие встречи с представителями Союза художников, Министерства культуры СССР, с целью привлечения организаций Художественного фонда к разработке предложений и проектов оформления ул. Арбат и помещений первых этажей, но эта работа осталась почти на начальной стадии.

В настоящий момент выполнен первый этап работ по созданию пешеходной ул. Арбат.

В 1986—1987 гг. работа будет продолжена. Предусматривается строительство кинотеатра «Художественный», капитальный ремонт некоторых зданий, частичная замена элементов мелкорозничной торговли, развитие системы наглядной информации, интерьеров предприятий торговли и другие работы.

С учетом опыта работы на первом этапе создания пешеходной ул. Арбат в настоящее время подготовлено решение Мосгорисполкома, предусматривающее в числе других вопросов вопрос об организации службы единого заказчика. Это решение находится сейчас на согласовании с заинтересованными организациями и в ближайшее время будет передано в Мосгорисполком».

Хочется надеяться, что с появлением у Арбата единого заинтересованного заказчика перечисленные в ответе В. А. Нестерова работы будут выполнены. Вместе с тем практически без ответа остались важные вопросы об использовании Арбата как своеобразного культурного центра. Не ответило ГлавАПУ и еще на один вопрос, который тревожит наших читателей,— о сносе старых домов в заповедной зоне Арбата. И зачем сносить построенный выдающимся русским архитектором Ф. Шехтелем кинотеатр «Художественный»?

Надеемся, что и эти вопросы не будут обойдены вниманием создаваемой службой единого заказчика.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

Рабочая пятиминутка.

Т. П. Заргана, инструктор парткома:

— Что изменилось после апрельского и октябрьского Пленумов ЦК КПСС? Заметнее стали люди инициативные, толковые, принципиальные. Важно поддерживать их в неизбежных конфликтах со старым.

Г. В. Жильцова, заведующая сектором учета:

— Начинает меняться состав вступающих в партию. Не по возрасту или образованию, а по главному показателю — убежденности, готовности проявить себя в споре, поступке.

На фоне больших перемен идет подготовка серийного выпуска «Дона». Секретарь парткома завода Анатолий Николаевич Котов вернулся из цехов. Полон впечатлений от встреч с людьми.

— «Дон» выходит на финишную, то есть на конвейерную прямую. Подготовка к съезду партии, обсуждение предсъездовских документов, обострение борьбы с рутиной и другими негативными явлениями — все это будит в людях веру в себя. Направляем энергию в деловое русло. А это не у всех получается...

Опять кадровый вопрос, главный и для партии, и для программы «Дон»:

— Многие руководители упрямо продолжают смотреть под ноги. Не хотят заглянуть в завтрашний день. На этом мы больше всего теряем. И в темпе, и в смысле нервов, и, главное, в результатах. Надо повышать требовательность,— продолжает Котов.— А без компетентности она пустой звук. Отсюда линия парт-

Перед экзаменом на полях. Слесарь-сборщик И. Шерстобитов, конструктор Е. Ященко и инженер В. Антоненко (снимок сделан минувшим летом).

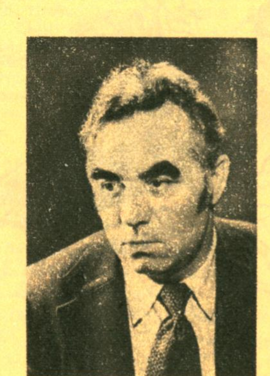
кома — больше информации для коммунистов. Зная правду, пусть даже неприятную, им легче будет воздействовать на тех, кто тормозит дело.

Второй резерв ускоренного движения секретарь видит в развитии соцкультбыта. «Ростсельмаш» — коллектив молодежный. Предпочтение отдается строительству семейных общежитий, детских садов. Вдвое сократилась текучесть, почти нет на заводе теперь и «временных», которых со всей страны привлекали... Что дальше? Приближение услуг к рабочему месту. Первые шаги — комнаты психологической разгрузки, цеховые сауны, продажа товаров на территории завода. Но нет здесь пока должной наступательности.

Ростовчане, о которых было рассказано, устремлены в завтра. Они неотступно, каждый на своем месте делают свое большое дело — создают нового степного богатыря. Пожелаем ему доброго пути и урожайных нив.

Земные начала

Владимир ДЕМИДОВ

ВДВОЕМ

В небе погромыхивает гулко,
Но уже тепло,
И дождь утих.
Сахаром посыпанная булка
И одна тропинка на двоих.
Нам теперь и весело,
И сладко.
Лишнего с собою не берем.
Рубашонки,
Меченные латкой,
За спиною вздулись пузырем.
От ромашек
До чернильных пятен
На лице улыбчивом твоем
Мир прекрасен и во всем понятен
Потому, что мы с тобой вдвоем.

ЛАЗОРЕВЫЙ ЦВЕТОК

В донскую степь,
Где ветры спорили,
Я вышел раннею весной
И увидал цветок лазоревый
На склоне балочки одной.

Пять лепестков живого пламени
В росе, от неба голубой,
Над одиноким стеблем плавали
И землю красили собой.

И вдруг не стало одиночества
От волшебства того огня,
И я забыл, что есть мне хочется,
Что мама в хате ждет меня.

МОЕМУ СЫНУ

Запомни:
Этот город был одет
В огонь того великого сраженья,
Что мир спасло.
И здесь погиб твой дед
За двадцать лет
До твоего рожденья.
Он был одним из тех,
Чьи имена
По-прежнему звучат
в строю солдатском,
Не скорбный камень
На могиле братской —
Им памятником стала
Вся страна.
Те города,
Куда они врага
Не пропустили по веленью долга,
Седой курган
И эти берега,
Где корабли покачивает Волга.
Давай с тобой послушаем,
О чем
Шумит листва над тем седым
курганом,
Где женщина,
Повитая туманом,
Высоких звезд касается мечом.

●

Я не знаю, за что мы любили
Переулки и улицы те,
Где деревья чернели от пыли,
Но упрямо рвались к высоте,
Почему нам казалась красивой
Та земля, что от угля темна,
И какою невидимой силой
Нас к себе привязала она.
Нынче видится все по-иному,
Неизменной осталась в судьбе
Лишь привязанность
к отчему дому,
К этой трудной земле и к тебе.
Может быть, потому
что мы старше
Или после столичных огней
Стали узкими улицы наши,
Встречи с ними — родней
и больней.
Это там я, смеясь и ликуя,
В теплый ливень, что степью
пропах,
Холодок и ожог поцелуя
Уносил на счастливых губах.

●

Даже небо, если вы вдвоем,
Сыплет звезды в синий водоем,
Сыплет так, чтоб в тихом свете их
Было видно только вас двоих.
А когда в разлуке вы, оно —
Словно затемненное окно.
Может, для того мы и живем,
Чтобы с кем-то быть всю жизнь
Вдвоем?

●

Женщины, любившие меня, —
Вечные хранители огня,
Та, что подарила жизнь, и та,
Что ребенка моего качала.
Их огонь — любовь и доброта —
Два бессмертных на земле начала.

У житейских тропок и дорог
Все они одаривали светом,
Даже те, которых не берег
Или чьим пренебрегал советом.

И за это с высоты годов
Я им руки целовать готов.
Я всю жизнь у вашего огня,
Женщины, любившие меня.

●

В тот год на хуторе казачьем
В непроницаемой ночи,
Бывало, с хохотом и плачем
Кричали сытые сычи.
Крестились бабы:
«Это к горю...
Не приведи, не дай, господь!»
А я безмолвно с ними спорю,
Свой страх стараясь побороть.
Кого среди живых не станет
И хутор молча понесет
В мир,
Отгороженный крестами
От всех волнений и забот?
Но убеждался я воочью,
Неловко радуясь тайком:
То, что пугало темной ночью,
Казалось утром пустяком.
А над землей свистели пули,
Бедою полнилась она.
И лиха мы с лихвой хлебнули,
Когда дошла до нас война.
Теперь на камне и металле
Не счесть имен моей родни
Там, где сычи отхохотали
И где отплакали они.

●

Науку эту знали малыши:
Когда кружится «мессер»
Над поселком,
Прижмись сильней к земле
И не дыши,
Она спасет от пули
И осколка.
Я припадал к ней,
Пыльной и сырой,
Я обнимал ее,
Как мать родную.
Я знал:
Пока землица подо мной,
Я буду жить,
Беда меня минует.
С годами землю чувствую
Сильней,
Во мне ее живительная сила,
Всем, что имею,
Я обязан ей,
Она меня хранила
И учила:
Куда б тебя дела ни завели,
Как ни были б твои дороги
Круты,
Не отрывайся от родной земли
В лихие
И счастливые минуты!

ЗАТЕРКА

Когда я высевки толок,
Толченные не раз,
В глазах кружился потолок
И свет вечерний гас.
У нас той осенью
Муки
Не стало к октябрю.
И говорила мать:
«Толки!
Хоть затерку сварю».
И я,
Пока хватало сил,
Согнувшись калачом,
Труху сухую молотил
Железным толкачом.
Она грубее отрубей
И тверже, чем камыш,
И в ступе
Как ее ни бей,
В муку не превратишь.
В кастрюле пенилась вода,
Туманная на цвет, —
Моя военная еда,
Мой ужин и обед.
Вилась пыльца за толкачом,
Как тоненькая нить...
С тех пор я знаю,
Что почем,
И не могу забыть.

КУКРЫНИКСЫ. Иллюстрации к «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

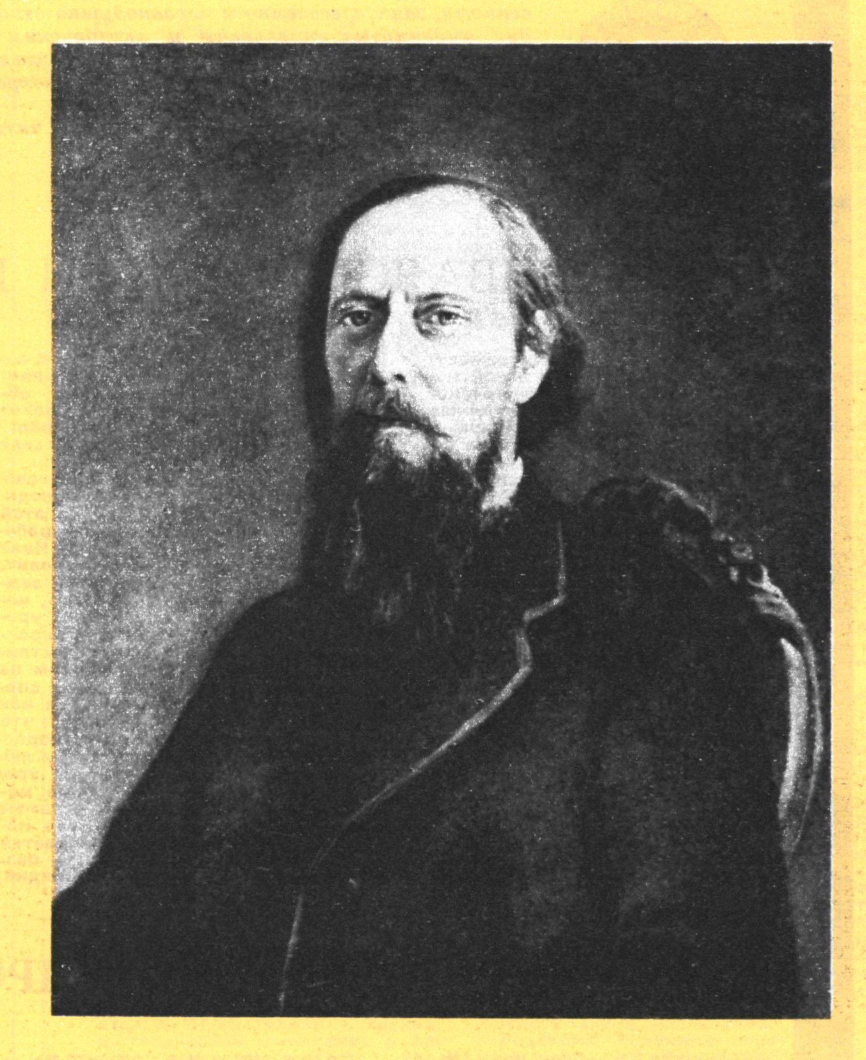
«Это огромный писатель, гораздо более поучительный и ценный, чем о нем говорят. Широта его творческого размаха удивительна.

Щедрин шел в ногу с жизнью, ни на шаг не отставая от нее, он пристально смотрел в лицо ей и — горько пророчески хохотал надо всеми и всем».

А. М. Горький.

«Внесем это имя в список истинных подвижников человечества, повесим этот портрет на стенах наших рабочих и крестьянских клубов, и по крайней мере избранные сочинения, написанные Щедриным, сделаем живой частью всякой библиотеки. Ведь если Щедрин труден в некоторых отношениях, то зато с ним очень легко... Это человек неистощимой веселости, блестящего остроумия...»

А. В. Луначарский.

В СТАРИННОМ ПОШЕХОНЬЕ

А. ПРЯНЛИЧ

«Я люблю эту бедную природу, может быть, потому, что, какова она ни есть, она все-таки принадлежит мне; она сроднилась со мной, точно так же, как и я сжился с ней; она лелеяла мою молодость, она была свидетельницей первых тревог моего сердца, и с тех пор ей принадлежит лучшая часть меня самого»,— писал о своих родных местах Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Спас-Угол. Дальнее Подмосковье. Родовая вотчина Салтыковых. Здесь жили многие поколения предков писателя, «настоящих поместных дворян, которые забились в самую глушь Пошехонья, без шума сбирали дани с кабальных людей и скромно плодились». На фамильном кладбище сохранились еще безымянные могилы некоторых из них, а также отца Михаила Евграфовича, его бабушки, братьев и сестер.

В Спас-Угле 15 января 1826 года у коллежского советника Евграфа Васильевича и жены его Ольги Михайловны Салтыковых родился сын Михаил. Усадьба, где провел он первые десять лет жизни, считалась богатой в окружении мелкопоместных владений соседей. И сегодня мы можем увидеть старую часть парка, пруды, помнящие писателя.

Единственное здание, сохранившееся в селе со времен его жизни, церковь Спас-Преображения. От ее деревянной предшественницы ведет свое название и само место — Спас-Угол. Построена церковь в 1797 году трудами бабушки Салтыкова, а родителями его в 1820 году к ней были пристроены придел и часовня. В этой церкви младенца Мишу крестили, не раз посещал ее Михаил Евграфович и позже.

В Спас-Угле сатирик бывал неоднократно в разные годы жизни. Ежегодно с 1836 по 1848 год (до ссылки в Вятку), в 50-е, 60-е, 70-е годы, последний раз в 1874 году в связи со смертью матери. Зимние холода, стоявшие в тот год, оказались роковыми для самого писателя. В поездке он сильно простудился и тяжело болел долгие годы, вплоть до самой смерти.

Здешние места и их жители, оставившие неизгладимый след в судьбе Михаила Евграфовича, навсегда вошли в историю отечественной литературы. Они описаны во многих произведениях Щедрина — от юношеской повести «Противоречия» до шедевров признанного мастера — романов «Господа Головлевы» и «Пошехонская старина». Из описания сел Головлева и Малиновца, где происходят события большинства глав двух последних романов, отчетливо видно, что моделью здесь послужила усадьба в Спас-Угле.

Бездарно растраченная жизнь Арины Петровны Головлевой, показанная в романе,— это слишком хорошо знакомая Михаилу Евграфовичу история матери и ее семейных трудов.

Наиболее автобиографична, хотя ни в коем случае не строго документальна, предсмертная «Пошехонская старина». Реальных прототипов имеют мать и отец Никанора Затрапезного, от имени которого ведется повествование, его сестры и братья, гувернеры и учителя, окрестные помещики и крестьяне.

Потомки Салтыковых прожили в Спас-Угле до 20-х годов нашего века. Это были племянник Михаила Евграфовича Василий Дмитриевич, его жена постоянно бесплатно лечившая местных крестьян, и их сын Евграф Васильевич Салтыковы.

Евграф Васильевич был женат на простой судомойке Васене, красивой девушке, работавшей в чайной; чайную он содержал до революции. После 1917 года в бывшем доме Салтыковых разместилась школа и народный театр, в котором пел Евграф Васильевич, имевший сильный голос и хорошие артистические данные.

В 1919 году дом Салтыковых, описанный в «Пошехонской старине» как дом Затрапезных в Малиновце, в «Господах Головлевых», как головлевский, сгорел по неизвестной причине. А в ноябре 1923 года, также при обстоятельствах невыясненных, был убит Евграф Васильевич.

Как вспоминает известный щедриновед С. А. Макашин, в 1926 году в Москве на вечере, посвященном 100-летию со дня рождения писателя, выступила директор талдомского музея Е. В. Сосенкова. Она рассказала, что у крестьян Спас-Угла и соседних деревень остались после пожара документы салтыковского архива.

К сожалению, часть документов пропала безвозвратно. Крестьяне утверждали, что некоторые из них увез брат Василия Евграфовича Сергей, кочевавший с цыганами, другие владелица обменяла на газеты...

Вот как описывает вид этой местности в 20-е годы Евдокия Георгиевна Лутай:

«Вспоминается зеленая, как бархатом покрытая большая площадь между прудами и селом с церковью на его северной окраине, где в праздник Спаса-Преображения, в августе, бывали большие ярмарки, на которые съезжались торговцы галантереей, бакалеей, кондитерскими товарами, и особенно много было возов с яблоками. Сходился и съезжался народ в округе 15—20 километров. Были большие народные гулянья. Середину площади разделял ряд лип, где были скамейки, на которых люди сидели, отдыхали, пели песни, водили хороводы.

Справа от лип, если смотреть со стороны села, стояла белоснежная часовня, украшенная площадь и весь комплекс. Все это представляло собой красивейший уголок живой природы, созданный руками человека. И все это в хорошем состоянии...»

5 февраля 1976 года, в год 150-летия со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина, исполком Мособлсовета во исполнение распоряжения Совета Министров РСФСР решил «восстановить историко-мемориальную усадьбу на родине М. Е. Салтыкова-Щедрина в селе Спас-Угол... предусмотрев при этом благоустройство села Спас-Угол, место для установки памятника М. Е. Салтыкову-Щедрину, строительство Дома культуры, автостоянки и кафе».

Специализированным организациям были даны задания по проектированию и восстановлению мемориального парка, усадебного дома, фамильной церкви, прудов, созданию охранной зоны. Исполком Мособлсовета просил «Министерство культуры РСФСР рассмотреть вопрос о создании в с. Спас-Угол... музея М. Е. Салтыкова-Щедрина на правах филиала областного краеведческого музея».

Прошло еще несколько лет. Трест «Мособлреставрация» с грехом пополам закончил внешнюю реставрацию фамильной церкви, исполком райсовета частично благоустроил парк и расчистил пруды.

Тут бы и порадоваться почитателям Щедрина. Но увы... Деньги, выделенные на восстановление усадьбы, были сняты; пришлось остановиться на открытии филиала районного краеведческого музея, в неприспособленном для хранения экспонатов здании церкви, музея, который не имел бы изначально ни средств, ни штатов, необходимых для создания полноценной экспозиции и своего дальнейшего развития!

«Лиха беда начало. Чем меньше объем работ, тем быстрее можно будет открыть хотя бы скромный музей»,— подумали наивные энтузиасты. Увы, жизнь опровергла и эти весьма скромные мечты. Верные издавна избранной тактике проволочек и безделья, которая позволяла им после многолетних ежегодных обещаний и включения в планы работ не приступать даже к внутренней реставрации церкви, ответственные лица, от которых зависит открытие му-

зея, и сегодня с впечатляющей энергией продолжают совершенствовать свою тактику проволочек.

Минувшим летом на двух черных «Волгах», приведя в трепет «простодушный, смирный» люд, населяющий Спас-Угол, прибыли туда члены очередной высокой комиссии, вынужденные посетить этот забытый сельский уголок после письма одного из неравнодушных потомков писателя в центральный орган печати.

С видом глубокой озабоченности совершили должностные лица прогулку по приусадебному парку, осмотрели требующую вновь полной (в том числе и внешней) реставрации церковь, обсудили подробности ритуала встречи долгожданных реставраторов. Был, как уже повелось, установлен и срок их (то есть реставраторов) появления — август 1985 года. Но когда пролетел, как первый желтый лист, конец августа и раздался звонок из Москвы, стало ясно: приедут в сентябре. А вот зачастили и октябрьские промозглые дожди, прошли ноябрь и декабрь, и исподволь окрепло позабытое было в запоздалом приливе энтузиазма сомнение в том, что встреча реставраторов с усадьбой классика вообще когда-либо состоится. Заметим, что не в первый раз пишет «Огонек» об отрицательных примерах деятельности, а вернее бездеятельности треста «Мособлстройреставрация», а воз, как говорится, и ныне там.

И все же, вдохновленный обещаниями членов комиссии, Талдомский районный отдел культуры решает сам взяться за дело. Он шлет в Главное управление культуры Мособлсовета запросы о выделении ассигнований и штатов, обещанных для нового музея. И получает на свои исходящие три входящих за подписями заместителей начальника Главного управления культуры Мособлисполкома, где и в том, и в другом отказано, зато даются ценные советы, где можно поискать средства и штаты в селах района, а также вселяется в сердца щедринолюбов очередная надежда о возможном выделении штатов в будущем.

Бюрократия всегда казалась Салтыкову-Щедрину неразрешимой психологической задачей. «Не потому ли комиссии стали устраивать, что думают: авось на народе стыднее будет? Но все члены равнодушны к делу, и потому комиссии глохнут...» И тут он, как всегда, прав, ведь бюрократы «всякое дело связывают со своими личными интересами...» («Письма о провинции»). А какой интерес в мелком, с точки зрения членов комиссии, объекте на самом краю области?.. Но какой же смысл в принятии самых благих решений и постановлений, если никто их не собирается выполнять, как это и происходит уже десять лет в Спас-Угле.

...Дорога из Спас-Угла в Москву идет через Загорск. Так ездил в столицу и сам М. Е. Салтыков-Щедрин. Дорога эта подробно описана им в «Губернских очерках» и «Пошехонской старине», как и многие деревни и села, через которые лежит путь. Пошехонье — страна детства, юности, зрелости писателя... «Дороги мне зыбучие ее пески и хвойные леса, но в особенности мил населяющий ее люд, простодушный, смирный, слегка унылый, или, лучше сказать, как бы задумавшийся над решением какой-то непосильной задачи».

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ОГОНЬКА»

ПОЧТА · ПОЧТА · «ОГОНЬКА» · ПОЧТА · ПОЧТА

Все чаще и чаще в редакцию приходят письма, авторы которых по-государственному, заинтересованно и неравнодушно относятся к решению задач сегодняшнего дня, выдвинутых апрельским и октябрьским (1985 года) Пленумами ЦК КПСС. Вскрывая факты бесхозяйственности и разгильдяйства, внося деловые конкретные предложения, они рачительно борются за сохранность социалистической собственности, качество продукции, за бережливость.

Сегодня мы предлагаем два отклика читателей из г. Горького на материалы, опубликованные в «Огоньке».

ОПРАВДЫВАЯСЬ ПЛОХОЙ ПОГОДОЙ

Не буду писать о художественных достоинствах новой повести В. Распутина «Пожар», которой посвящены литературные заметки Д. Иванова «Пожары в Сосновке», опубликованные в № 43 «Огонька». Хочу особо сказать о публицистическом заряде повести и о ее отношении к действительности. По натуре я оптимист и радуюсь каждому дню, несущему все новые и новые положительные перемены в жизни нашего общества. И все же есть такие уголки, где пока ничего не меняется.

В моем родном краю, где я родился, из года в год выращивают рожь, овес и пшеницу, картофель и лен. Из года в год, оправдываясь плохой погодой, гноят лен, нередко и овес, гноят картошку в поле и хранилищах, гноят скошенную траву в валках, стогах. Вы думаете, кто-нибудь наказан за разгильдяйство? Кто-нибудь плохо живет? Ничего подобного! Председатели меняются, мужики пьют, гробят технику и себя, ездят за вином на машинах и тракторах если не в свой колхоз, то в соседний. Адрес этой «обетованной» земли: Ивановская область, Пучежский район, колхоз имени С. М. Кирова. Центральная усадьба находится в селе Кандаурово.

Не хочу обвинять, как говорится, всех и вся... Есть люди-труженики, которые и в этой неразберихе продолжают работать по совести, как и Иван Петрович Егоров из Сосновки. Могу назвать десятки моих земляков из деревни Шестаки, которые доят коров, убирают урожай и жаждут порядка и коренных перемен. Только счастливые перемены эти никто им на блюдечке не поднесет. Я не специалист и не знаю, что и как надо делать. Но уверен, что нужно вводить систему хозрасчета на такой основе, чтобы люди, выигравшие битву за урожай, получали не только моральное поощрение, но и самые высокие заработки. А ведь порой даже премия раздается поровну и труженикам, и бездельникам. Так что порядки, вернее, беспорядки, описанные в повести «Пожар», распространились слишком широко и глубоко. Как писатель и гражданин В. Распутин трижды прав, даже если он и сгустил краски. Было бы полезно во всех трудовых коллективах провести широкое обсуждение повести, ибо она помогает открыто и беспристрастно вскрывать недостатки: и приписки, и очковтирательство, и штурмовщину, и зажим инициативы, и пустые обещания.

Я работаю ассистентом в медицинском институте. И у себя на кафедре мы делаем многое, чтобы поддержать новые веяния сегодняшнего дня. Но об этом разговор особый. Цель моего письма — глубокая благодарность В. Распутину за его своевременную повесть, а «Огоньку» — за ее высокую оценку.

Н. ЧЕБЕРЕВ,
кандидат медицинских наук

гор. Горький.

ЭТА НЕСТАНДАРТНАЯ ПРОДУКЦИЯ

Прочитал в «Огоньке» (№ 42, 1985 г.) письмо Р. Дулиной — главного бухгалтера совхоза «Красная заря» Ставропольского края — «За копейкой гонимся — теряем рубли». На мой взгляд, она не совсем права, когда пишет, что «нелегко работать с людьми временными, которые не совсем знают нашу работу. Мы начисляем зарплату своим шефам, но некоторые ее вообще не получают, так как очень часто заработок за день исчисляется буквально в копейках. Нетрудно представить, во что обходится такая поездка в совхоз. Обычно горожане начинают работу не ранее десяти утра, в три-четыре их уже и след простыл, да обеденный перерыв не менее часа...».

Хочу спросить автора: а кто виноват в том, что горожане так работают? У нашего предприятия тоже есть свой подшефный колхоз «Мокринский». И мы ездим помогать сельским труженикам. И, со своей стороны, сталкиваемся со многими неурядицами организационного порядка. Собрались мы как-то на уборку капусты. Накануне было сказано: автобусы прибудут из хозяйства за нами к проходной в 6 часов 50 минут. Пришли, ждем-пождем, время идет, а транспорта нет. Наконец, в восемь утра прибыли 13 автобусов. Так кто же виновен в том, что мы — а ждали отправки почти триста рабочих — не отработали этот лишний час на полях?

Приехали в колхоз. Встретила нас женщина в поле, сказала, что будем заниматься погрузкой. Капуста была уже срублена. Мы собирали ее в кучи и грузили, когда подходили машины, а водители, как видно, тоже не торопились, кучи растут, а транспорта нет. Это, естественно, расхолаживает людей, и работают они уже не с тем настроением, чтобы собрать и отгрузить побольше. Женщина (к сожалению, я не знаю ее фамилии и должности), которая руководила погрузкой, не велела грузить нам кочаны весом приблизительно в 1—1,5 килограмма; мол, это нестандартная продукция. Лично я был возмущен, почему такие крепкие, тугие, увесистые кочаны нестандарт. Ведь мы такую же капусту покупаем весной у частника на прилавке по два пятьдесят — три рубля килограмм. Нагруженные «стандартом» машины ушли, а я один собирал оставшиеся кочаны и набрал почти две машины очень хорошей капусты. Но ее так и не погрузили.

Подошел ко мне здешний пастух, мы разговорились, я показал ему, сколько еще можно собрать капусты на уже убранном, по мнению специалистов, поле, а он мне в ответ:

— А ты-то что расстраиваешься, я завтра загоню стадо, коровы все очистят...

Больно стало от этих слов. О какой бережливости может идти здесь речь? На словах мы вроде бы болеем за сохранность продукции, а на деле выбрасываем сотни рублей на ветер.

Пишу все это потому, что часто приходится слышать, как просят сельские труженики себе в помощь новые сельхозмашины. Это, конечно, хорошо, когда овощи будут убирать комбайны или другие какие-нибудь механизмы, а лишних людей не нужно будет отрывать от дел. Но сейчас я хочу сказать о другом: уж коли приехали в колхоз горожане, будьте добры, обеспечьте их фронтом работ и не показывайте подобного примера «бережливого» отношения к выращенной вашими руками продукции. Хотелось бы почитать, что думают об этом руководители и специалисты нашего подшефного колхоза «Мокринский».

В. БАСОВ,
рабочий

гор. Горький.

НАШ ОБРАЗ ЖИЗНИ

СЕМЬ ДИПЛОМОВ СЕМЬИ ГАНАС

Семья Ганас.

ВНИМАНИЕ — ПОДРОСТОК!

ЧТО ЖЕ РАЗУМНЕЕ?

По профессии я учитель. Работаю в сельской школе и одновременно учусь заочно на географическом факультете Свердловского пединститута. Мне доверили руководство в седьмом классе, и поэтому, несмотря на этот небольшой стаж, у меня есть первый и нелегкий опыт работы с подростками.

Конечно же, я за трудовое воспитание. Провожу трудовые десанты, в операции «Зеленая аптека» собираем по 50 килограммов брусничного листа, лекарственные травы, для заготовительных организаций — ягоды. Детскому саду помогли оборудовать площадку для игр.

Школа наша сельская, местность приравнена к районам Севера. На зиму пенсионерам и инвалидам трудно заготавливать дрова. Организовали тимуровское движение и оказываем им помощь. Занятие, несомненно, не из легких, но ребята взялись за него с энтузиазмом.

И вот в каникулы санитарный врач сделал мне внушение в присутствии учащихся, что им еще рано заниматься заготовкой дров, что эту работу положено выполнять начиная с девятого класса.

Возражал. Мои доводы — работать в пределах разумной нагрузки, сочетая полезный труд с игрой. И уже в очередном десанте двое ребят участвовать отказались, мотивируя это тем, что запретили родители, конечно, после того, как они рассказали дома о моем разговоре с санитарным врачом. А ведь еще недавно один мальчик показывал товарищам мозоли на ладонях. Он был герой, и не он один, все они сияли, гордились своим трудом.

Дело не только в бестактности врача. Я считаю, что для наших детей созданы тепличные условия. Если дети, особенно подростки, не почувствуют, что такое труд, конечно, не изнуряющий, то это очень скоро скажется на воспитании их гражданских чувств.

Как воспитатель бываю счастлив, если возникает такая ситуация.

— Идем на заготовку дров, но только на один час,— предупреждаю ребят,— а то устанете...

— Нет, на час не пойдем!— слышу возражения.— А на три-четыре пойдем, Николай Иванович, иначе старики наши будут мерзнуть.

Н. ЕРМАКОВ

Тюменская обл.

СОХРАНИТЬ ДЛЯ ПОТОМКОВ

НУЖЕН МУЗЕЙ

В этом доме работал поэт Ф. С. Шкулев.

Фото И. Тихонова

В Красногвардейском районе Москвы, в заповедной зоне Царицына, на улице Дольской, есть небольшой старинный дом, связанный с именем рабочего-поэта Ф. С. Шкулева. Это ему принадлежат знаменитые строки: «Мы — кузнецы, и дух наш молод, куем мы счастия ключи...»

Вот уже десять лет в Красногвардейском райисполкоме хранится мемориальная доска. На ней высечена надпись, рассказывающая о том, что в этом здании в марте 1918 года образовался первый Совет крестьянских и солдатских депутатов Царицынской волости (позже переименованной в Ленинскую) Московского уезда, председателем которого был избран пролетарский поэт Ф. С. Шкулев.

Естественно, возникает вопрос: почему доска до сих пор не установлена? Дело в том, что в 1975 году умер краевед Н. П. Петраков, по инициативе которого и была изготовлена мемориальная доска. Это он собрал все необходимые документы, справки из архивов и предоставил их исполкому. Время шло, менялось руководство, и не нашлось энтузиастов, которые довели бы дело до конца.

Не один раз я бывал в этом здании. Изучал исторические места района и выяснил, что этот дом был построен во второй половине XVIII века. Сейчас он заброшен. Необходимо привести здание в порядок, особенно фасад, убрать свалку металлолома, и в первую очередь уберечь от пожара.

Скоро исполнится 120 лет со дня рождения Ф. С. Шкулева. Неужели не сумеем мы сохранить единственное в Москве здание, связанное с жизнью поэта? И не только сохранить, но и разместить в нем филиал литературного музея, экспонаты для которого уже есть.

И. СЕРГЕЕВ

Москва.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

«ЧЕСТЬ МУНДИРА»

В статье под таким заголовком («Огонек» № 25, 1985 год) рассказывалось о передовом опыте бригады проводников поезда № 67-68 Таллин — Москва, о творческом отношении к работе бригадира М. И. Петухова, наладившего новые виды услуг.

После публикации этой статьи редакция получила много писем о работе железнодорожного транспорта.

Читатели сообщали и о внимательных, добросовестных проводниках, и о случаях пренебрежения некоторыми из их коллег своими обязанностями. Было и такое письмо («Высадить плохого проводника», «Огонек» № 33, 1985 год), в котором читательница Е. Репина жаловалась на грязь в вагоне и плохое обслуживание пассажиров в поезде, идущем по маршруту Ленинград — Жданов. На письмо это редакция получила ответ за подписью начальника вагонного депо станции Жданов Донецкой дороги А. И. Кузуб: «Критика признана справедливой, случаи, отмеченные в статье, имели место».

Далее сообщается о принятых мерах. В вагонном депо Жданов полностью изменена технология деповского ремонта пассажирских вагонов, реконструируется ряд цехов, изменена технология обслуживания поездов. Все технологические бригады переведены на бригадный подряд. Проводники также работают по бригадному подряду с учетом коэффициента трудового участия каждого члена коллектива.

Редакция получила ответ и на письмо Н. М. Рака о неудовлетворительном обслуживании пассажиров проводником в поезде № 34 Симферополь — Москва. Заместитель начальника Крымского отделения Приднепровской железной дороги по пассажирским перевозкам В. А. Мельник сообщает: «За допущенное нарушение проводник Н. Ю. Карноц, обслуживавшая вагон № 13, переведена на нижеоплачиваемую работу. За отсутствие контроля за работой проводников в пути следования начальнику поезда Л. Н. Беляевой объявлен выговор».

На жалобу читателя М. З. Барбой о непорядках в поезде № 147 Ленинград — Куйбышев отвечает начальник дирекции по обслуживанию пассажиров в поездах Октябрьской железной дороги В. С. Трусков: факты, указанные в письме, имели место. Виновные в неудовлетворительной подготовке состава к рейсу привлечены к ответственности. За серьезные недостатки в организации эксплуатационной работы, слабый контроль за выполнением технологического процесса пункта технического обслуживания заместителю начальника вагонного участка Ленинград-пассажирский Московский А. И. Боровику объявлен выговор.

Со стороны командно-инструкторского состава ужесточен контроль за подготовкой составов в рейс.

Вместе с тем в ответе говорится и об объективных трудностях: почти половина приписного парка вагонов эксплуатируется по двадцать и более лет.

МПС приняло решение увеличить поставку Октябрьской железной дороге вагонов новой постройки, что приведет к оздоровлению вагонного парка, и в частности составов поезда № 147.

Улучшается техническая оснащенность цехов, участвующих в подготовке пассажирских составов в рейс. Принимаются меры по укреплению производственно-технологической дисциплины.

ЧИТАТЕЛЬ—ЖУРНАЛ—ЧИТАТЕЛЬ

НАШ ОБРАЗ ЖИЗНИ

В селе Смеряковке на Львовщине живут Мария Александровна и Петр Иванович Ганас. Сельцо небольшое, но есть и клуб, и библиотека, магазин, школа-восьмилетка. Петру Ивановичу уже 78 лет, но он еще бодр и работает пчеловодом в родном совхозе «Перемышлянский». Жена его Мария Александровна всю жизнь была членом огородной бригады: выращивала свеклу, картофель, лен. Теперь на заслуженном отдыхе. Живут старики зажиточно, всем довольны.

Но больше всего они гордятся детьми: в семье пять дочерей и двое сыновей. Дочери Эмилия, Ольга, Леся, Христина, Мария и старший сын, Михаил, получили дипломы о музыкальном образовании. Теперь преподают музыку по классу скрипки, фортепиано, домры, баяна, руководят хоровыми коллективами, кружками художественной самодеятельности в разных городах Украины. Только младший, Иван, изменил призванию — работает инженером на шахте в Донбассе. Но петь любит, особенно под гитару, и любовь эту передал своим детям.

Пошли по стопам родителей и остальные внуки Марии Александровны и Петра Ивановича — а их одиннадцать! Орест, два Олега, два Игоря, Ростислав, два Андрея, Ольга, Оксана и Люба учатся или уже окончили музыкальные школы и училища.

Дружная семья. Знаю ее давно, учил в Смеряковской школе младших сестер, Христину, Марию и Лесю. Научила детей петь мать, Мария Александровна, простая крестьянка. Петр Иванович часто вспоминает о тяжелой крестьянской жизни в буржуазной Польше. «Хотите верьте, хотите нет, но спичку я старался разделить на четыре части»,— повторяет старый пасечник.

Играет Христина Ганас.

Трудно собраться в отчем доме вместе, но на дни рождения родителей стараются приехать все. Те, кто живет поближе, помогают на пасеке, на приусадебном участке, на заготовке сена. И не налюбуются старики на детей, не нарадуются, глядя, как споро идет работа под протяжную украинскую песню, которой в детстве научила их мать.

Б. ПОПОВИЧ

с. Чемеринцы Львовской обл.

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

НА КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА СССР — ОТ МЛАДЕНЦА ДО СТАРИКА — в 1985 году распределено из общественных фондов потребления в среднем около 530 рублей. Проектом новой редакции Программы КПСС намечены ускоренный рост и совершенствование распределения общественных фондов потребления — уже к концу XII пятилетки они возрастут на каждого советского человека в среднем на 20—23 процента в год. На семью молодых киевских рабочих — обычную семью работников завода «Арсенал» — Святослава и Надежды Вислогузовых, имеющую трех детей, пришлось свыше 2600 рублей. Весомая добавка к бюджету. Эти деньги государство вложило в бесплатное медицинское обслуживание Вислогузовых, обучение в школе их дочери Аленки, частично оплатило пребывание двух их сыновей в детском саду и месячное пребывание всей семьи на заводской базе отдыха.

Вот рассказ о семье Вислогузовых.

С. КАЛИНИЧЕВ **Фото Н. КОЗЛОВСКОГО**

Четырехлетний Денис вошел в комнату, посмотрел на меня с опаской и любопытством: кто, мол, этот чужой? Взобрался на диван, уселся рядом с матерью и вдруг изрек, как бы успокаивая самого себя: «Дядя хороший...»

Денис на пятнадцать минут старше Максима. Как и положено старшему, он более рассудителен: присматривается, прислушивается.

Максим, не в пример старшему брату, импульсивный, подвижный. Он родился, можно сказать, по собственной инициативе. Родители решились на второго ребенка. Дочке было шесть лет, хотели сына. Однако вслед за сыном на свет появился... еще один сын.

Святослав Михайлович Вислогузов и его жена Надежда Владимировна — слесари. Работают они на знаменитом заводе «Арсенал» в Киеве. В цехе фотоаппаратуры он вот уже шестнадцать лет, она — четырнадцать.

В наше время, когда оба на такой работе, что в половине восьмого надо быть у верстака, а дома ни бабушки, ни дедушки, но есть малая, которую уже в семь утра надо вести в садик, даже на второго ребенка решиться не так просто. А тут внеплановый третий.

Сейчас, когда парням стукнуло по четыре, многое из первых месяцев их жизни вспоминается с юмором, с грустной самоиронией. Но тогда Наде досталось... Одно время болел Святослав, приходилось все самой: убрать, сварить, постирать, в аптеку и магазин сбегать. А этих двоих и на полчаса нельзя без присмотра оставить.

Но говорят же: не было бы счастья, да несчастье помогло. Вечерком как-то — звонок. Заходит сосед Саша. У него, говорит, завтра вторая смена, поэтому давай, мол, Надя, детские бутылочки, с утра пойду в магазин и забегу заодно в молочную кухню, чтобы забрать питание для твоих малышей. На следующий день заглянула соседка Алла: «Посижу часок с твоими, ты хоть спокойно что-то сделаешь по дому». Дальше — больше. Ни свет ни заря — она собирала дочку в детсадик — пришел мужчина из соседнего подъезда. До этого не были знакомы, видела его во дворе с ребенком. Я, говорит, своего выпроваживаю в садик и вашу заодно отведу. А если, мол, не возражаете, то и заберу вместе со своим...

— Дети нас познакомили с соседями. Так бы я, возможно, и не узнала, какие дружные и отзывчивые люди в нашем доме,— говорит Надя.

Полтора года она была в законном послеродовом отпуске. Чуть подросли ребята — Аленка пошла в школу. Конечно, с первоклассницей в доме хлопот не меньше, чем с детсадовским ребенком. Но присутствие младших делало девочку серьезней, она стала понимать свое старшинство и ответственность.

К концу полуторагодичного отпуска Надежда Владимировна не представляла себе, как пойдет на работу, но и о том, чтобы оставить завод совсем, потерять такую квалификацию, даже думать не могла.

— У нас начальник цеха очень строгий,— говорит она,— а тут разрешил мне отпуск еще на полгода.

Но прошли и эти полгода. Конечно, многое изменилось, наладилось. Повзрослела Леночка. В восемь лет она как помощница не ахти, зато обстоятельства приучили ее обходиться без маминой помощи во многих случаях: приготовить уроки, разогреть завтрак, одеться, собраться, присмотреть за собой. И все же — выпроводить ее в школу, а двоих в ясли, после чего двумя транспортами прибыть на работу к половине восьмого утра...

Согласовав с профсоюзом, Надежде Владимировне разрешили начинать смену на час позже обычного и заканчивать работу на полчаса раньше. Тут следует сказать, что на «Арсенале» хорошее подсобное хозяйство, при цехах открыты киоски кулинарии, где перед уходом с работы можно купить молоко, сметану, масло, мясо.

И все же иногда до полночи, а то и далеко за полночь возиться приходится.

Надежде Владимировне, конечно, помогают. Святослав Михайлович не из разговорчивых, его красноречие — в работе. В армии он служил в десантных войсках, совершил двадцать пять прыжков с парашютом, прошел прекрасную физическую выучку и окончил, кроме того, школу поваров. Так что в любое время может подменить жену на кухне. Когда он дома, малыши от него ни на шаг. Святослав — мастер на все руки. Починить что в квартире — не надо звать «дядю». Сам все делает, и мальчишки при нем «заняты».

— В кино ходим редко,— говорит Надя,— выручает телевизор. Чаще любим встречаться с друзьями. Правда, перед этим я звоню родителям и прошу вечер посидеть с малышами.

Родители Святослава умерли, а Надины живут на другом конце города, но у отца своя машина, и он помогает, когда надо что-то привезти, сделать заготовки на зиму. В общем, Надя и Святослав благодарны окружающим их людям. Старшая дочь в школе на «продленке» — там и пообедать может (правда, после маминой кухни у нее не всегда хватает духу съесть школьный обед), там и приготовит уроки на завтра. На заводе во всем идут навстречу их семье: в скором времени обещают поменять двухкомнатную «вагончиком» квартиру на более удобную. Нынешним летом на заводской базе отдыха, что расположена в живописнейшем месте над Десной, им предоставили отдельный домик, полностью оборудованный всем необходимым, сразу на два срока — на полный месяц. За него семья заплатила всего 24 рубля.

В тот вечер, когда мы были в этой семье, заглянула сюда участковый врач-педиатр Татьяна Порфирьевна Штефан. Она пришла работать на этот участок, когда близнецы только родились. О физическом развитии близнецов, об их здоровье она знает не меньше матери, потому что бывает в семье довольно часто.

Так уж получилось, что зашел разговор о детях вообще. Вспомнили, что еще наши родители, а уж дедушки-бабушки почти наверняка были седьмыми, десятыми, а то и тринадцатыми в семье. А ведь вырастали только двое-трое, остальные умирали, и это было привычным, неизбежным.

Святослав Михайлович хорошо зарабатывает, больше трехсот рублей в месяц. И Надежда Владимировна — где-то половину того.

— Зарабатываем вроде бы неплохо,— говорит Надежда и добавляет:—Но мы как-то со Святославом подсчитали, что только на обучение Аленки и содержание двух наших озорников государство расходует около 1400 рублей в год. К этому все мы привыкли, считаем обычным делом. А ведь есть еще и другие «незаметные» доплаты. Однако растить троих детей нелегко даже в материальном отношении. Как-то получилось, что детей ныне одевают не только для того, чтобы тепло было, а скорее чтобы понаряднее.

Две шубки,— вздыхает Надя,— сто рублей, два шерстяных трикотажных костюмчика — шестьдесят. Да попробуй еще достань! А ведь и дочке надо, и нам с мужем...

Завели мы разговор о жизни и пришли к выводу, что наш лозунг «Все для детей!» пора бы несколько изменить, чтобы звучал он «Все для матери!». А то что же получается: сегодня в школу все должны прийти в белых рубашках, завтра — в зеленых, в спортивной форме, в рабочей форме. В садике свои требования. И все потому, что дети должны выглядеть красиво, детям должно быть удобно. А матери после работы, побросав сумки, мечутся по магазинам. Даже норму макулатуры, которую ребенок под угрозой двойки должен принести в школу, собирают чаще всего родители. Дети так свыкаются со своим пребыванием в «привилегированном сословии», что многие до седых волос остаются иждивенцами общества. А материнство с годами все больше становится подвижничеством...

Пожалуй, мы бы еще продолжали эту тему с врачом и матерью, но в комнату ворвались, о чем-то споря, Денис и Максим.

— Ну, чего вам?— спросила Надя.— Поговорить не дадут.

Более решительный Максим покосился на посторонних и, обернувшись к матери, спросил:

— Если ежик придерется к черепахе — кто кому даст?

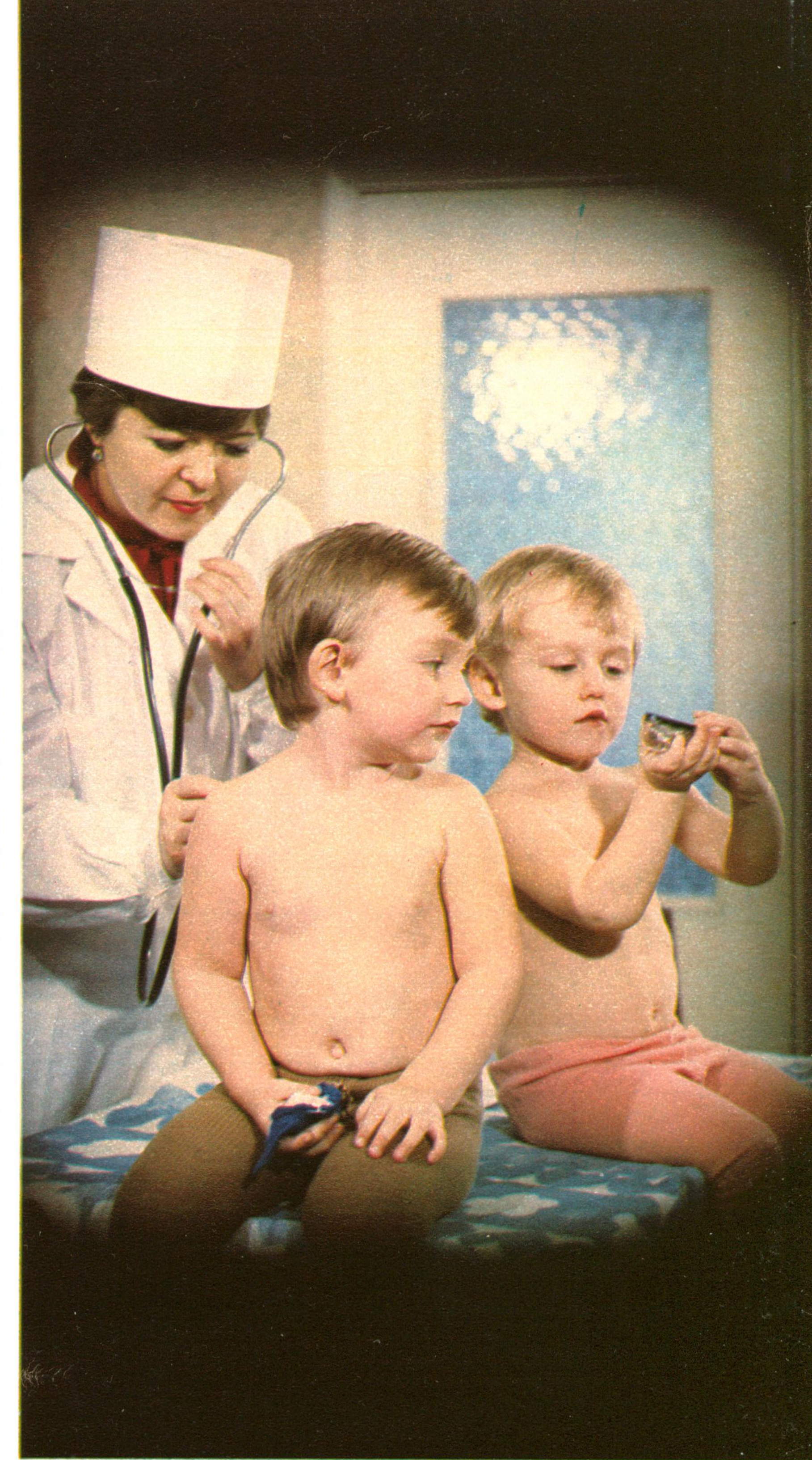
Мы долго смеялись, а они не понимали, почему, и ожидали ответа. Надежда Владимировна обняла сыновей.

— Трудно с ними, но только что я без них! Иногда подумаю — и от счастья слезы на глаза набегают...

Играем в снежки.

1

5

1 Во Дворце культуры сегодня детский концерт.

2 «Как себя чувствуют Денис и Максим!» Доктор Г. П. Штэфан ведет профилактический осмотр на дому.

3 Вкусно кормят в заводском профилактории.

4 Глава семьи Вислогубовых, Святослав Михайлович, на рабочем месте.

5 В субботу пришел в гости дедушка.

6 Дочь Лена учится в третьем классе...

7 ...а Денис и Максим пока еще в детском саду.

3

4

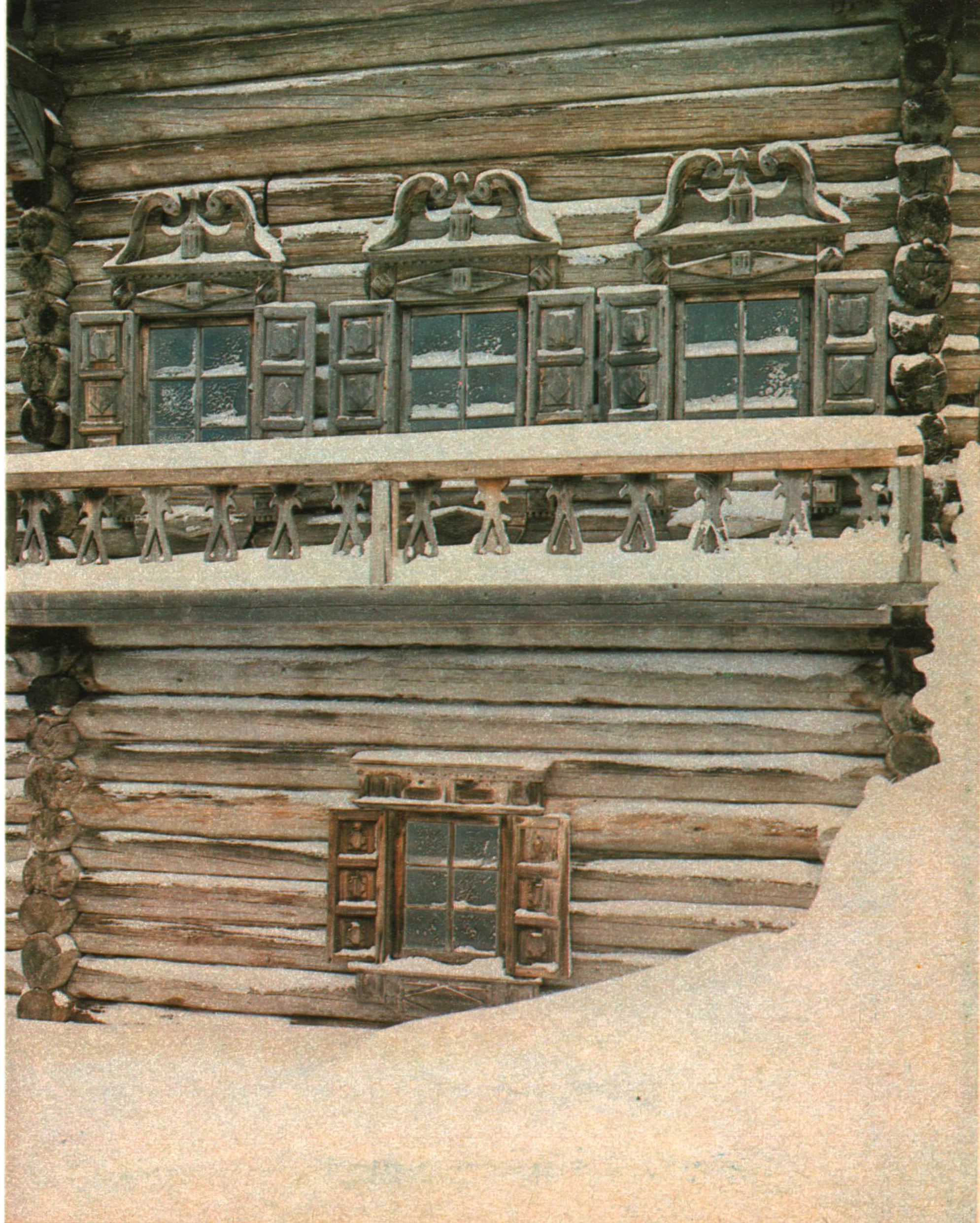
6

7

УДАЧИ И ПРОСЧЕТЫ РЕСТАВРАЦИИ

Е. ОПОЛОВНИКОВА,
кандидат архитектуры

Первый раз мне довелось побывать в Кижах в студенческие годы, когда я училась в архитектурном институте. Но «Кижи» знакомы мне с послевоенного детства. Отец, реставратор, помню, туда каждое лето ездил. Иногда до осени — зимы оставался там. Запомнились его слова: «Поехал на Север». Позже я знала, что это Кондопога, Кемь, Варзуга и другие таинственно-прекрасные места. А тогда все было заключено в одном — «Кижи».

...Сначала мы были в Беломорье на обмерочной практике, а потом поехали в Кижи. В то время (1963 год) по Онежскому озеру еще ходили большие пароходы. Путь от Петрозаводска до Кижей длился часа четыре, а теперь на «Ракете» — всего час. В степенной неторопливости парохода было много хорошего. Медленно проплывали берега, завораживая покоем.

...Причалили к деревеньке Васильево. Стояли белые ночи. Чуть лиловые—начало июля. О «спать» и мысль не могла возникнуть. Замечателен был этот путь от Васильевской пристани. Силуэт памятника нарастал постепенно. Вначале смутно, как видение. Потом — полнее, четче. На фоне неба — тонко и изящно изваянный скульптурный монумент. И — всепоглощающее торжество красоты. Побежать навстречу? Закричать?! Нет! Остановиться в оцепенении.

Двадцатидвухглавый Спасо-Преображенский собор построен в 1714 году. Это было время превращения России в могучую державу. В народе говорили, что сам царь Петр начертал план. Величественность и торжественность впечатления не снижаются и не нарушаются ни единой лишней деталью. Никакого украшательства. Конструкции и формы едины.

Рядом с Преображенской церковью стоит на Кижском погосте десятиглавая Покровская (1764 год), а между ними, чуть в стороне — шатровая колокольня (1874 год). Все эти разновременные постройки в своем единстве представляют собой удивительно живописный, неповторимый, самобытный ансамбль.

И на такую красоту посягнула рука человеческая! Немыслимым покажется это сейчас, но так и было: во второй половине XIX века уникальный памятник России был переделан до неузнаваемости. Чешуйчатые главы, крытые серебристым лемехом (деревянной черепицей), обернули кровельным железом — словно побрили их наголо. Живые, как воды озера, бревенчатые стены с их обстоятельными углами «в обло» (с выпусками) закрыли безликой тесовой обшивкой, похожей на дощатый футляр. Народный образ красоты не умерщвили, нет. Хуже. Душу его изуродовали. Оболванили.

Корни этого явления скрываются в глубинах истории государства Российского. Они связаны с усилением в нем самодержавной власти, с тенденцией европеизации России. Услужливо-безропотным звеном самодержавия становится церковь, надзор за которой с 1722 года поручается обер-прокурору. Духовенство превращается, по образному выражению В. И. Ленина, в «*крепостников* в рясах».

Борьба за воссоздание подлинного архитектурного образа Кижского ансамбля, в которую включился мой отец, не была легкой. О всех ее перипетиях-баталиях мне трудно рассказывать, но каждый экскурсовод в Кижах ежедневно повторяет туристам: «В 1955 году московский архитектор Ополовников снял обшивку с 22-главой Преображенской церкви и 10-главой Покровской... Хорошо, что он был смелым. Робкий человек испугался бы ответственности».

Снятие обшивки по тем временам было делом неслыханно дерзким. Помню, какой породило скандал в научно-реставрационных кругах. Но карельское руководство решило: коль доверили архитектору реставрацию памятника, надо доверить ему и ее исполнение, причем не только доверить, но и помочь осуществить.

Доктор архитектуры А. В. Ополовников и плотник-реставратор Б. Ф. Елупов.

— По шестнадцать часов в сутки работал Ополовников,— рассказывал молодым реставраторам карельский архитектор В. А. Крохин.— В реставрации всегда участвовал не теоретически, посылая из Москвы советы-приветы, а практически. Бревно к бревну «причертить» мог не хуже любого плотника. Даже проекты реконструкции прямо в Кижах делал. Тогда еще при керосиновой лампе приходилось работать.

Внешние обстоятельства не тормозили дела. Все решалось быстро, оперативно. Чертежи в ожидании своего практического применения не залеживались в архивах, перевозимые в музей памятники восстанавливались сразу же. Потому и не гнили и не исчезали бесследно с лица земли. Архитектор-реставратор и бригада плотников представляли тогда монолитное ядро, непоколебимый авторитет при рассмотрении всех реставрационно-практических вопросов.

— Да, достойно мы раньше работали,— неспешно вспоминает теперь знаменитый кижский плотник Б. Ф. Елупов. Сейчас он плотничает только на фольклорном празднике. Изящный городковый лемех на глазах у изумленных туристов одним топором ладит. Быстро, аккуратно. Любо-дорого смотреть. А в будни Борис Федорович начальствовал в пожарной охране Кижского музея. Следил, чтоб пожара на острове не было. Руководил. Но душа у него все же не брандмейстера, а русского плотника. Постоянно тянет Бориса Федоровича к своему кровному любимому делу. Все сетует он, вздыхает, что нынешние реставраторы и топора-то в руках держать не умеют, как надо. Ничего объяснить, показать не могут. А ведь красоту творить — что песню петь.— Эх, Еленушка! Стариной бы тряхнуть с твоим батькой!— со вздохом говорит он.— А то народу — что комаров, а толку... Эх, мать честная!

Я слушаю Бориса Федоровича и знаю: он прав. Практическая реставрация сейчас нередко подменяется бесконечными и бесплодными разговорами, создающими видимость активной работы и настоящего дела. Многочисленные конференции, симпозиумы, встречи, беседы по радио и телевидению—словом, звон далеко окрест. Все участвуют. Но солистов нет. В создаваемой при этом звуковой волне затухают голоса реставраторов-практиков.

Вот взяли, к примеру, и перенесли несколько лет назад часовню из Кавгоры — ту самую, что встречала на краю острова,— на другой его конец (да еще под горкой поставили, чего в старину никогда не было и быть не могло). «Накладывалась она зрительно на погост при подъезде из Петрозаводска»,— так рассуждали.

Но это неверно. Если и существует какая-либо «накладка», то сиюминутная, в какой-то одной точке. Стоило ли тратить столько сил и средств — при их несомненной нехватке — на решение второстепенного вопроса?!

Забыта дорога из Васильева. Та самая, по которой ансамбль — как сон наяву — выплывал в пространстве. Нынешняя пристань — четырехугольный, с закругленным верхом объем — поставлена слишком близко к погосту. Чуть поодаль от нее разбросаны современные пластмассово-легковесные киоски. На пристани есть бар и ресторан. В них разная музыка, дергающая чувства человеческие, словно за веревочку. Короче, сформировался архитектурно-пространственный комплекс «анти-Кижи». В самом деле пространственный, построенный по градостроительным канонам, террасно. На воде — пристань-ресторан, выше — киоски, еще выше на горке — административное здание музея.

Может быть, потому многие туристы, сойдя на землю острова, спрашивают: «А магазин здесь где?» Логично.

В одном случае про магазин в Кижах спрашивают, а в другом — при том же «понимании»

дорогое сердцу слово — «КИЖИ»

земля родная

Так выглядят Кижи сегодня. Фото Н. РАХМАНОВА

подлинного искусства — появляются повсеместно на редкость безвкусные, аляповатые «теремки» или «избы» (то бишь рестораны). Красивенькие сооруженьица. Апофеоз мещанского видения красоты.

Мы знаем, что памятники архитектуры воспитывают нас, приобщают к красоте, помогают найти ее в нашей повседневной жизни. Красота порождает любовь, а любовь — обратная связь — стремление сохранить красоту жизни, ощущение ее. И все кижские «промахи» потому так остро и воспринимаются, что слишком дорого сердцу слово «Кижи».

«Преображенский собор в Кижах по праву можно назвать памятником номер один среди сохранившихся реликвий народного деревянного зодчества. Начатые несколько лет назад практические работы по его реставрации вселяли надежду, а ныне... костлявые объятия строительных лесов, отчуждающая полоса глухого забора, дощатые подсобки порождают тоску и уныние. Безрадостно их многолетнее созерцание.

Словесные камуфляжи и полеты инженерной фантазии, рожденные в облаках совещаний «на высоком уровне», материализовались... Но зачем же для апробации небесспорных экспериментов выбирать в качестве полигона всемирно известный памятник?!

Внутри собор — не поверите! — нашпигован железом, да так, что встать в полный рост теперь трудно. Расходящиеся в разные стороны и в больших количествах металлические связи напрочь перечеркивают былую красоту храма. Это уже не жесткая, а ожесточенная конструкция, впившаяся, как паук-кровосос, в утомленное тело еще живого памятника. И некогда могучий, он выглядит беспомощно хрупким в сравнении со своим многотонным чревом. Такое лиходейство даже церковным чиновникам, благолепно обновляющим народные святыни, было не под силу.

На вопрос, как, по их мнению, спасти Кижский собор, все старые реставраторы в один голос предлагают «не мудрствуя лукаво» обратиться к издревле испытанному на Руси методу: раскатать сруб, а потом собрать, заменив гнилые бревна новыми. При четкой организации работы переборка Преображенской церкви заняла бы не более трех лет. Пример тому — реставрация 43-метрового памятника в селе Верхняя Уфтюга Архангельской области, осуществляемая под руководством московского архитектора А. В. Попова. Ничто не ускользает от его требовательного взора. Без словопрений реставратор. Вдохновенно работает. А если в тон сказанному — песенно. Наша задача выводить таких людей в солисты, чтобы гармония дел была бы как гармония в архитектуре.

Не перевелись мастера на Руси!

...Верится, станут Кижи центром большой волости, называемой теперь музеем-заповедником — великим хранителем родной культуры. И люди будут приезжать сюда не на 2—3 часа, как сейчас, а неспешно, на несколько дней или недель — так, чтобы хватило времени почувствовать сердцем красоту земли родной, приобщиться к живительным корням ее и с ней соотнести свои деяния.

Федор ХАЛТУРИН

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

КОЛДУН

В молодости, когда я был курсантом военного училища, довелось мне однажды проводить летние каникулы в гостях у старшей сестры в глухой алтайской деревеньке Боровлянке, куда она вышла замуж задолго до войны. Мария жила одна, муж ее погиб на фронте, дети — Сергей, штурман дальнего плавания, и Светлана, работавшая на рыбных промыслах под Астраханью, — навещали ее редко. Прорех во вдовьем доме накопилось немало, и мне пришлось засучив рукава заняться хозяйственными делами. Накосил сена, поставил два стожка на лугу за согрой, поближе к дороге. Свалил в лесу, тоже рядом с дорогой, десяток сухих осин и берез, ждал, когда председатель колхоза даст лошадь, чтобы вывезти заготовленные дрова. Поправил огородный тын. Починил крышу на старом, осевшем набок амбаре.

Как-то поздним вечером, вернувшись с поля, сестра озабоченно оглядела меня, сокрушенно вздохнула:

— Посмотри на себя в зеркало, на кого стал похож? Похудел, почернел... Вернешься в Москву — знакомые не узнают. Еще, грешным делом, подумают: хорошо же сестра братца привечала — голодом заморила, работой замучила... Отдохнул бы денек-другой. А не хочешь отдыхать — сходи за смородиной. Это для тебя вроде прогулки. Нынче, говорят, за Ургуном шибко много смородины уродилось.

— Это что еще за Ургун? — спросил я, впервые услышав незнакомое слово.

— Да речушка так называется — Ургун.

— Далеко отсюда?

— Верст десять будет, если идти по дороге. А напрямик, тайгой, то и четырех не наберется. За день обернешься.

— За день? Да из здешней глухомани, стоит только попасть в нее, за полгода не выберешься, — возразил я.

— И то правда, — поспешно согласилась Мария. — Вот что, братец. Попрошу-ка я Прохора. Пусть сходит с тобой. Небось, не откажет: по соседству живем. А места в округе он знает, всю тайгу с закрытыми глазами пройдет.

Наутро, чуть свет, мы с Прохором, бойким, подвижным, жилистым стариком, охотно согласившимся сопровождать меня, направились за смородиной. Едва миновали деревенские огороды, как нас со всех сторон обступила тайга. Над головой высились вековые сосны, пихты, березы, путь преграждали густые заросли черемухи, рябины, крушины, то и дело приходилось перелезать через обомшелые стволы упавших деревьев. Я с трудом поспевал за Прохором, который шагал легко, размашисто, не останавливаясь, не выбирая направление, словно угадывал его по каким-то только ему известным приметам.

— Не заблудимся? — робко спросил я, обеспокоенный беззаботным, как мне показалось, поведением Прохора.

— Не бойся, паря! — обернувшись ко мне, осклабил прокуренные зубы Прохор. Под кустистыми рыжими бровями тускло блеснули выцветшие, глубоко посаженные глаза. — Не бойся, со мной не пропадешь. Проведу и выведу.

Действительно, часа через два мы вышли к Ургуну. По сушинам, срубленным Прохором и ловко уложенным поперек речки, перебрались на другой берег, где, говоря по-местному, натакались на обильно усыпанные ягодами кусты черной смородины. Набрали полные корзины, пошли домой. Теперь, когда мы шли по своим следам, хорошо заметным в мягких подушках мха, в притоптанной траве, я снова подивился необыкновенной способности Прохора угадывать направление движения без всяких ориентиров. Не выдержал, спросил:

— Дядя Прохор, скажи, если не секрет: как ты находишь в тайге верную дорогу? Чутье, что ли, у тебя особое?

— Какое, паря, чутье! — удивленно вскинул брови Прохор. — Знать, наслышался: болтают в деревне про меня разное, иные колдуном зовут. Чутье... Ха, насмешил, ей-богу. Вот оно, мое чутье. — Прохор широкой ладонью тронул засунутый за опояску топор.

Перехватив мой недоверчивый взгляд, старик мелко перекрестился.

— Вот тебе, паря, истинный крест: правду говорю. Чего мне от тебя таиться? Ты человек приезжий, в наших местах чужой. Опять же военный. Значит, в лешего не веришь, колдунов да ведунов не признаешь. Какой мне резон тебя обманывать?.. А секрет, паря, самый простой. На прошлой неделе сбегал проведать, поспела ли смородина, вот и приметил дорогу: где затес на пихте аль березе сделал, где зарубку, где ветку надломил, где вершинку у молодой сосенки. По этим заметам мы и вышли с тобой к Ургуну. А ты — чутье. Скажет тоже!

Прохор снисходительно похлопал меня по плечу и ускорил шаг. Стараясь не отставать от него, я искал глазами и находил немало Прохоровых замет. Вот затес на пихте, залитый не успевшими отвердеть натеками смолы. Вот черемуха с обломанным сучком и содранной корой. Сосенка с косо срубленной вершиной... Теперь ей уже не вырасти, не догнать своих сестер-однолеток. Зачахнет черемуха, с которой Прохор ободрал кору. Долго будет болеть и, может, на корню сгниет пихта, на которой он сделал затес.

Чем ближе подходили мы к деревне, тем чаще попадались на глаза заметы боровлянского «следопыта», тем горше становилось на душе. Я испытывал такое ощущение, будто меня сделали соучастником какого-то пакостного преступления.

Когда мы подошли к дому сестры, я, не попрощавшись с Прохором, открыл калитку и сразу захлопнул ее, словно опасаясь, что он войдет во двор вслед за мной...

Не один десяток лет миновал с той поры. В Боровлянке я больше не был, но слышал от сестры, что Прохор давно умер, родственники его разъехались в разные края, и редко кто в деревне вспоминает человека, которого когда-то называли колдуном.

Но вот недавно в грибную пору я целый день бродил в верховьях речки Коновки, правого притока Северки — в благодатном краю светлых березовых рощ, пронизанных светом сосновых боров, тенистых осинников, радующих в иные годы обилием подберезовиков, белых, лисичек, маслят, сыроежек.

Вторая неделя сентября. Еще не осень. Еще густа и зелена листва на березах, на лиственницах крепко держится, не осыпается хвоя, светла кора молодых осин, полны упругой силы гибкие ветви ивняка, склонившегося над Коновкой.

Еще не скошена луговая отава, и сытые, медлительные шмели, если их нечаянно потревожишь, лениво перелетают с цветка на цветок. Только что отцвел иван-чай, а духмяный аромат дикой мяты кружит и туманит голову, будто в июльский полдень.

Еще не осень. Но уже серебрятся над жнивьем тонкие нити летучей паутины, в притихшем лесу с каждым днем все звонче пересвист синиц, все холоднее и прозрачней воды в ручьях и озерах, все выше и бездоннее небо, темнее зубчатая полоса ельника, еле видимая на горизонте.

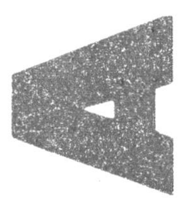
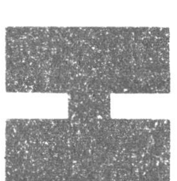
Уже отлетели ласточки, давно не видно скворцов, и в предрассветную пору слышно, как на заросшем рогозом болоте пробуют свои голоса журавли — сбиваются в косяки, готовятся в дальнюю дорогу.

А на лесной поляне весь день, с утра до позднего вечера, горит рябиновый костер. Листья на рябине, тронутые холодным ночным туманом, сморщились, пожухли, зато спелые гроздья пылают сильным, зоревым огнем, и сполохи его алыми бликами играют на белых стволах берез.

Мне почему-то не повезло: возвращаться домой пришлось почти с пустой корзиной. Однако не это огорчило меня. До слез больно было видеть на лесных опушках и полянах многочисленные следы пирушек городских туристов и грибников: черные круги кострищ, битые бутылки, консервные банки.

А вдоль малохоженой лесной тропы по-разбойничьи погулял чей-то топор. Через каждые пятнадцать — двадцать шагов на стволах берез и осин, будто свежие раны, белели затесы, зарубки, была содрана кора.

Неужто, подумалось мне, и сюда добрались злые «колдуны» — последыши боровлянского Прохора? Не хотелось в это верить... Ведь от Алтая до Подмосковья ох как далеко. Побольше трех тысяч километров, пожалуй, будет.

ЛАВИНА

ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ «БЕЛОЙ СМЕРТИ». НУЖНА ОСНАЩЕННАЯ ПРОТИВОЛАВИННАЯ СЛУЖБА.

Юрий РОМАНОВ

Фото автора

С большой высоты горы похожи на смятую небрежной рукой фольгу, и только спустившись пониже, начинаешь различать, что в складках этой «фольги» прячутся зеленые черточки тяньшаньских елей, пунктирами перечеркивающие ослепительные склоны, редкие синие зеркальца озер, извилистая бечева побелевших от пены рек.

«Исключительно лавиноопасны участки на дороге Пржевальск — Сарыджаз. Эта дорога перекрывалась лавинами в 146 случаях. В среднем за год отмечается сход 13 лавин при максимуме 29 раз. На этом участке 6 раз выходила из строя телефонная линия, отмечались случаи уничтожения леса...»

Это строки из доклада снегомерной партии. Скупые и бесстрастные, они содержат только факты. И, сидя в вертолете, я буду иногда возвращаться к телеграфному языку документов.

...Грозный и одинокий, стоит посреди горной страны Хан-Тенгри — «властелин духов». Наш вертолет теряется на фоне снежной громады. Мы крутимся где-то на уровне пояса семикилометрового великана. Над ближним склоном взметывается ослепительно белое облачко. Снежная лавина! Но на огромной высоте, в зоне вечных снегов, она не представляет опасности: здесь нет людей.

Внутри вертолета чувствуешь себя, словно библейский Иона в чреве кита. Со всех сторон ребра, а посредине желтая бочка с дополнительным запасом горючего. Из-за шума и вибрации в вертолете можно только кричать, вплотную прижав губы к уху собеседника, вернее, «сокричальника».

После облета лавиноопасных участков вертолет возвращается на базу, а я подсаживаюсь к инженеру снегомерной партии Аркадию Давыдовичу Святецу. Несмотря на сравнительно молодой возраст, Аркадий имеет большой опыт работы в горах. Убедившись в сложности нормального разговора и невозможности работы с диктофоном, мы «беседуем» с помощью листочков из «Дневника наблюдений».

«В чем суть борьбы с лавинами?»

«Главное — прогнозы: места и время схода лавин, строительство защитных сооружений, галерей, тоннелей, создание сети снеголавинных станций, профилактическое обрушение».

«Причины их образования?»

«Самые главные: наличие подходящего рельефа с углом склона от 20 до 50 градусов, накопление снега. На разных склонах по-разному. Высота снежного покрова, достаточного для схода лавины, может колебаться от 20 сантиметров до метра».

«Узнали вы место схода лавины. А что дальше?»

«Наши прогнозы учитываются при строительстве ЛЭП, дорог, сооружений».

«Ваши рекомендации для проектировщиков обязательны?»

«И да, и нет. Мы им не начальство. Но в любом случае наши материалы — всегда в помощь. Ежегодная экономическая эффективность только снеголавинных станций составляет около 1 миллиона рублей».

«А экономическая эффективность всей вашей службы?»

«По оценкам наших и зарубежных специалистов, 1 : 30 — 1 : 100, но и затраты у нас немаленькие. Только на оплату полетов мы тратим от 140 до 150 тысяч рублей в год».

А если противолавинная служба, думаю я, получит свои вертолеты, то только за счет экономии средств, которые сейчас идут на «прокат» авиатехники, можно содержать еще десять таких же служб или намного увеличить мощность действующей.

«...Больше всего подвержены действию лавин автодороги, линии телефонной связи, лесные массивы. Имеются случаи массовой гибели скота. По неполным данным, только за последние три года число погибших овец перевалило за 3600. Только при сходе огромной лавины в поселке Кок-Янгак в 1952 году было разрушено более 20 домов...»

...Машины идут плотной колонной, одолевая «серпантин» к перевалу Ала-Бель, самой высокой точке трассы Фрунзе — Ош. В свете фар кружатся белые вихри. Порой свистящая снежная мгла настолько сгущается, что в ней пропадает борт идущей впереди машины. Веселый шофер Ишен Абдашинов, который вел тяжелую машину по трудной дороге, весь день распевая песни, с наступлением вечера становится серьезным и сейчас, высовывая голову в метель, что-то бормочет по-киргизски, поминая шайтана.

Резкий свист тормозов. Из снежной мглы перед самым радиатором проявляется борт идущего впереди грузовика. Машина как-то странно, боком, неудержимо скользит вправо, к бетонным столбикам, ограждающим дорогу. За столбиками снежные вихри перечеркивают бездонную черноту. Нашу машину тоже заносит, но благодаря мастерству шофера беспомощное скольжение быстро прекращается.

Ишен коротко бросает:

— Ак-Олум! — потом повторяет по-русски: — Белая смерть... Лавина!

Из темноты появляется человек. Скользя по ледяной корке, он неуклюже бежит вдоль замершей колонны, крича:

— У кого есть лопаты, в голову колонны! Машину завалило!

Ишен говорит задумчиво:

— У меня есть две лопаты... — и косится на мои легкие ботинки.

— Ничего. Давай... Живы будем — не помрем...

Когда мы подходим к снежной горе, загородившей дорогу, там уже работают человек двадцать. Тяжело дыша, они в бешеном темпе отгребают снег и сбрасывают его в пропасть. После получаса работы их меняют подошедшие из колонны шоферы.

Гора сухого снега, шуршащего под лопатами, кажется, не уменьшается. Люди во время работы то и дело поглядывают на образовавшийся над дорогой карниз. Каждую секунду подрезанная снизу снежная масса может рухнуть, но никто не прекращает работу, не уходит в безопасное место. Да и где оно сейчас — безопасное место? На любом участке трассы может обрушиться самая коварная из всех «метелевая» лавина. Во время бури со снегопадом снег скапливается с подветренной стороны хребта, образуя «козырек». Когда он «достигает»

критического веса в сотни тонн, то срывается по склону, сметая все на своем пути.

«...В бассейне реки Тюрген Ак-Суу (хребет Терской Ала-Тоо) лавиной был сбит трактор, который в результате удара был переброшен по воздуху на расстояние 30 метров».

...Из снежной стены проступает борт засыпанного грузовика. Добираемся до рамы, цепляем трос... Люди отходят.

Могучий трехосный «Урал» тянет заваленную машину. Шесть колес одновременно с визгом юзят по насту, превращая снег в пар. Люди не выдерживают и, вцепившись в борта, бросаются помогать машине. Подошедшие от снеголавинной станции «Итагар» бульдозеры расчищают дорогу, и через несколько часов движение по трассе Фрунзе — Ош восстанавливается.

«...В бассейне реки Ала-Арча в отдельные годы регистрируется до 200 снежных лавин. В районе горнолыжных баз Оруу-Сай и Чон-Курчак сходит 15—20 лавин за зиму. В марте 1985 года наблюдался сход лавин непосредственно в местах прохождения горнолыжных трасс. В районе горнолыжной базы на Большом Ала-арчинском леднике в весенне-зимний период сходит до 40 снежных лавин, а в зависимости от погодных условий снежные лавины наблюдаются и летом. До организации здесь снеголавинной станции в ущелье имели место случаи гибели альпинистов от снежных лавин...»

Они, лавинщики, делают громадное дело, предотвращая трагедии, спасая людей, скот, защищая построенные в горах линии электропередач и дороги. Но современная противолавинная служба нуждается в серьезной реорганизации.

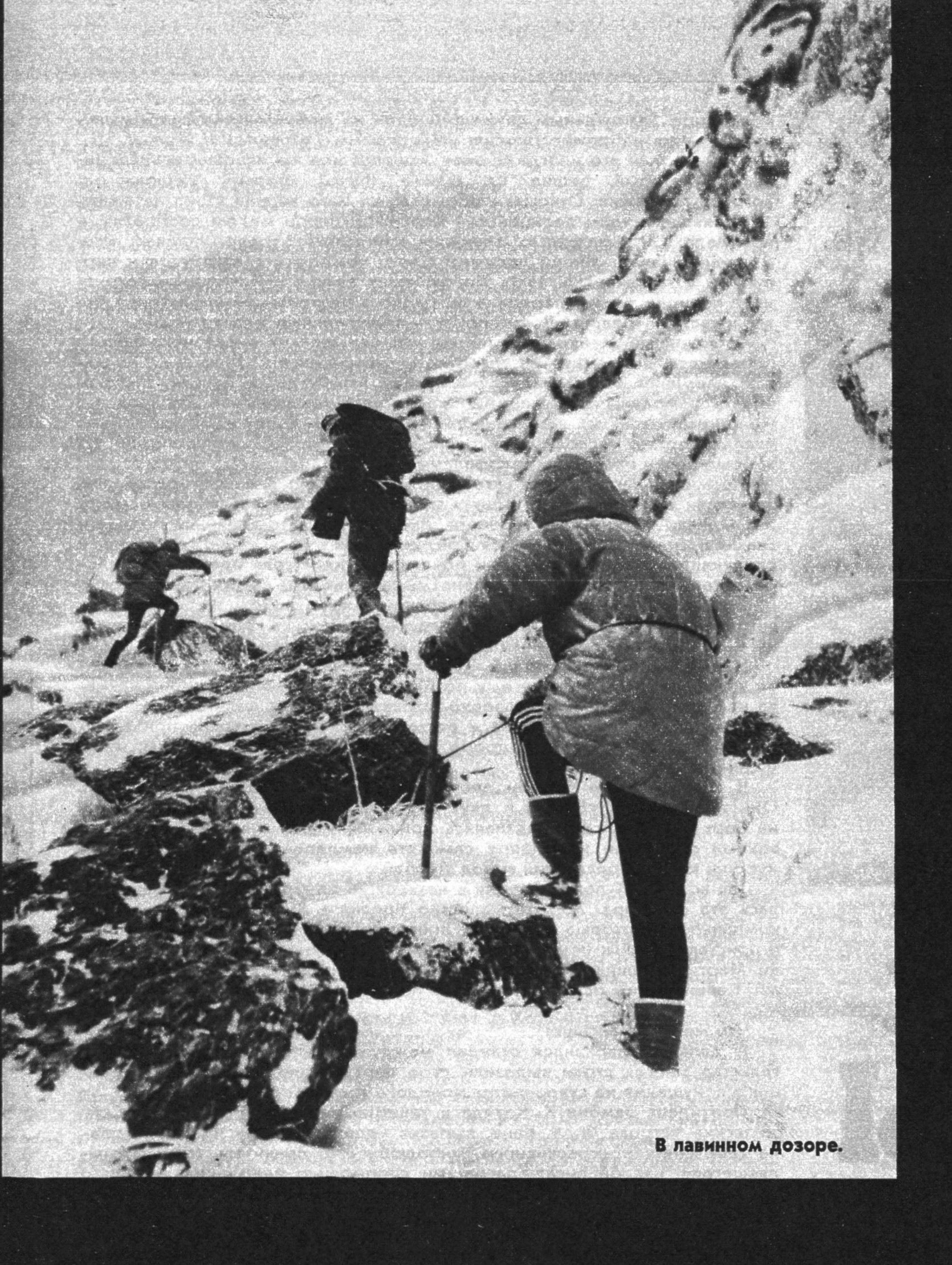
Название «противолавинная служба» появилось сравнительно недавно. Это подразделение Управления гидрометеорологии. Название неофициальное, но суть от этого не меняется. Сказав «А», предстоит сказать и «Б». И преобразовать службу в хозрасчетную организацию, работающую на договорных началах с предприятиями, дорожно-эксплуатационными управлениями, колхозами и совхозами.

Предстоит подчинить этой службе отряд легких и мощных вертолетов, обеспечить надежным транспортом и радиосвязью, снабдить новейшей снегоуборочной техникой сеть снеголавинных станций, придать службе минометно-артиллерийское подразделение для оперативного профилактического сброса лавин.

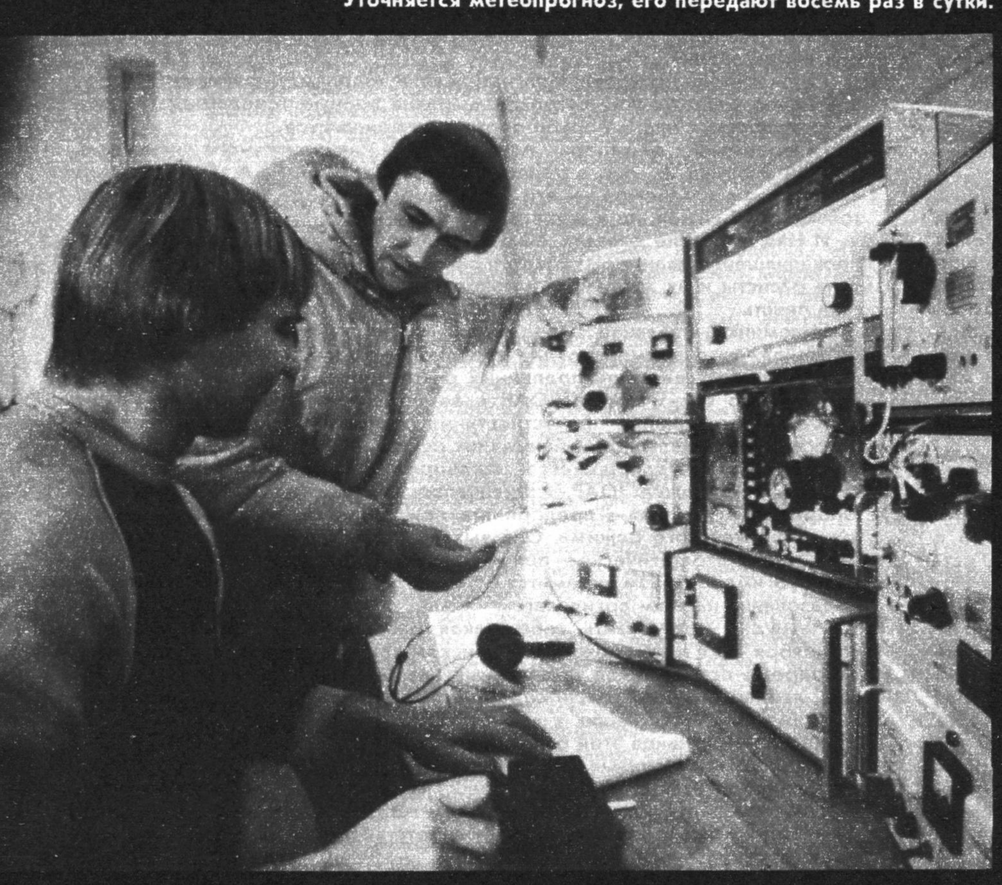
И хотя сейчас работа всей этой важнейшей для Киргизии службы построена почти на голом энтузиазме влюбленных в свою нелегкую профессию людей — лавинщиков и снегомерщиков, авторитет их в стране очень высок. Группа в свое время работала на трассе Байкало-Амурской магистрали. Велись наблюдения и обследования на лавинную опасность примыкающих к трассе БАМа хребтов: Байкальского, Северо-Муйского, Кодар и Удокан.

...Ущелье наполнилось гулом мотора и хлопающим звуком лопастей. Вертолет, прорвавшись сквозь кисею дождя, наконец прилетел, и мы за два часа забросили на ледник Голубина, где расположился гляциологический стационар, все необходимое.

Выгрузив на поверхность ледника грузы, вертолет покидает негостеприимный край. Все меньше и дальше домик на морене. Вот он уже слился с камнями. Вертолет уходит вниз, а наверху, в сиянии фиолетового неба и синего льда, остаются только лавинщики.

В лавинном дозоре.

Уточняется метеопрогноз, его передают восемь раз в сутки.

Старший техник С. Г. Ерохин.

Вертолет доставил на ледник оборудование.

Этот снимок — образчик рекламы из журнала «Солджер оф форчун»; в данном случае превозносятся качества нового автоматического карабина. Культ убийства и насилия — вот питательная среда для наемников всех мастей.

Псы войны

Юрий ЖУКОВ

Авантюра «псов войны» на Сейшельских островах начиналась так.

Решено было отправиться на Сейшелы под видом команды игроков в регби. Название команды наемники придумали забавное: «Мыльные пузыри» — и даже нацепили на себя значки с веселой надписью «Я люблю пускать мыльные пузыри». (Если б только они знали, какой горькой иронией обернутся вскоре эти слова!) «Игроки в регби» тащили с собой огромные тяжелые чемоданы с двойным дном, в которых были упакованы автоматы и гранатометы.

Из ЮАР любители «пускать мыльные пузыри», чтобы запутать следы, отправились на автобусе в африканское королевство Свазиленд. Там в малоизвестном аэропорту Матсапе они сели на самолет компании «Ройял свази эйрлайнз» «Фоккер-F-28», направлявшийся в столицу Сейшельских островов — город Виктория, расположенный на острове Маэ.

По пути самолет совершил посадку в аэропорту Морони на Коморских островах, принадлежавших ранее Франции. Здесь Хора ждал еще один его приятель по авантюре в Бельгийском Конго — француз Боб Денар. Он жил там припеваючи после того, как в ночь с 12 на 13 мая 1978 года во главе отряда наемников из 50 человек, действуя по заданию французской разведки, сверг президента. Президент был арестован, а затем убит.

Как писал 19 июня 1978 года французский журнал «Нувель обсерватер», «эта операция, проведенная с официального благоволения службы СДЕСЕ, должна была позволить Франции восстановить ее стратегическое влияние в зоне, контроль над которой от нее ускользнул в 1974 году, когда население Коморских островов (за исключением острова Майотта) путем референдума добилось независимости».

С тех пор «полковник» Боб Денар, присвоивший себе имя Саида Мустафы Маджуда, занимал пост фактического руководителя «директории» Коморских островов — гражданское правление осуществлял некий Ахмед Абдаллах, а военное — этот наемник. И вот он приготовил для Хора весомый сувенир — большой ящик с надписью: «Подарки для больных детей». В ящике под игрушками лежали оружие и боеприпасы.

В Викторию самолет прибыл 25 ноября 1981 года. С него сошли 60 пассажиров. Они быстро прошагали через таможенный зал, неся свои тяжелые чемоданы, и начали укладывать их на крыши двух автобусов, подогнанных к аэровокзалу встречавшими их людьми, которые участвовали в заговоре. Таможенным служащим один из любителей «пускать мыльные пузыри» небрежно бросил: «Мы спешим. Готовимся к игре...»

Однако, как это иногда бывает, нашелся все же исполнительный чиновник, который решил на всякий случай открыть саквояж одного из приезжих. Открыл и обомлел: из него торчал ствол автомата.

Стоявший рядом полицейский Кершен Эспарон мигом сообразил, в чем дело. Он выхватил из саквояжа этот автомат и скомандовал: «Немедленно начать общий досмотр! Снять чемоданы с автобусов и вернуть их в таможенный зал!» Дежурившая вместе с Эспароном сотрудница полиции тут же передала по радио в центральное управление безопасности: «Тревога! В аэропорту — вооруженные иностранцы!»

Взбешенный Майкл Хор, поняв, что замысел их внезапного налета провалился, выпрыгнул из автобуса и скомандовал: «Ложись». Остальные наемники вскарабкались на крыши автобусов и начали распаковывать чемоданы с оружием. Расторопный полицейский Эспарон тут же открыл огонь из захваченного им автомата. Один из «псов войны» упал замертво, несколько других были ранены. Но и полицейский тут же был ранен ответными выстрелами.

Наемники загнали всех, кто был в аэропорту, в пассажирский зал, захватили диспетчерскую вышку, забаррикадировав все входы и выходы. Однако из города в аэропорт уже неслись автомашины с полицейскими и солдатами. Завязался бой, длившийся весь вечер, всю ночь и следующее утро. «Псы войны» поняли, что их «игра» проиграна, и Хора теперь одолевала только одна мысль: как бы спасти свою шкуру.

Его люди, сидевшие в диспетчерской вышке, доложили: «Идет пролетом самолет «Боинг-707», следующий рейсом в Бомбей!» «Отлично! — обрадовался Хор.— Прикажите ему совершить посадку!»

Ничего не подозревавший командир индийского лайнера подчинился указанию, переданному ему по радио, думая, что в Виктории какие-то пассажиры хотят воспользоваться оказией, чтобы полететь в Индию. Каковы же были его тревога и растерянность, когда после приземления он увидел, что на аэродроме идет бой, взрываются гранаты, мины и свистят пули.

К самолету уже бежали десятки вооруженных людей в штатском. Они тащили труп убитого и двух окровавленных раненых. Ворвавшись на борт лайнера, где раздавались крики испуганных пассажиров, «псы войны» приказали командиру самолета немедленно взлететь и взять курс на южноафриканский город Дурбан.

Так во второй половине дня в четверг 26 ноября 1981 года закончилась эта авантюра. Хор безжалостно бросил в Виктории восемь своих компаньонов, которые не успели добежать до самолета. Среди них был и приставленный к нему для контроля агент южноафриканской разведки Мартин Долиничек. Все они впоследствии были схвачены солдатами Сейшельских островов, отданы под суд и получили по заслугам.

Что же было дальше?

А дальше разразился скандал международного масштаба. Правительства многих стран выразили свое негодование по поводу грубейшего покушения на суверенитет молодого государства.

Президент Замбии К. Каунда в телеграмме главе Республики Сейшельские острова Ф. А. Рене, выразив удовлетворение провалом плана свержения прогрессивного миролюбивого правительства, замышлявшегося, как он писал, расистами с помощью наемников, заявил о солидарности с народом этой республики и призвал его к укреплению бдительности.

Президент Народной Республики Бенин М. Кереку, напомнив о том, что план, подготовленный для Сейшельских островов, был практически тот же, что и при вооруженном нападении на Бенин 16 января 1977 года, заверил правительство республики, подвергшейся агрессии, в том, что все население его страны на ее стороне в деле защиты революционных завоеваний.

Руководитель Эфиопии Менгисту Хайле Мариам, поздравив с победой народ Сейшельских островов, выразил полную солидарность своего государства с ним в борьбе против империалистов.

Генеральный секретарь Африканского национального конгресса Южной Африки А. Нзо в телеграмме президенту Ф. А. Рене заявил, что разгром наемников — это историческая победа, очень важная не только для Сейшел, но и для всей Африки.

И Нзо, и другие деятели Африки прямо указывали на организаторов провалившейся авантюры: ответственность за нее несли южноафриканские расисты и их заокеанские покровители. О том же писала африканская печать.

«Наемники,— заявила выходящая в столице Зимбабве газета «Санди мейл»,— это прямое орудие неоколонизаторов, которые не прекращают попыток свергнуть подлинных руководителей Африки и посадить на их место своих лакеев. ЮАР с ее политикой апартеида не может уйти от подозрений в причастности или прямой организации попытки свергнуть правительство Сейшельских островов».

«Попытка государственного переворота на Сейшелах, предпринятая при поддержке ЮАР,— откликалась выходящая в Луанде газета «Жорнал ди Ангола»,— предпринята при поддержке ЦРУ наемниками южноафриканского режима. Она вызвана тем, что эти острова занимают важное стратегическое положение в Индийском океане, а также тем, что империализм стремится остановить процесс прогрессивных преобразований на этом архипелаге».

Нетрудно представить себе, какая растерянность царила вечером 26 ноября 1981 года в южноафриканском городе Дурбане, когда там на аэродроме приземлился захваченный наемниками индийский пассажирский лайнер и с него сошли сорок четыре понурых наемника, обвешанных оружием и тащивших с собой прихваченный ими в Виктории труп одного из участников этой банды.

Министр иностранных дел ЮАР Рулоф Бота, как передало в субботу 28 ноября агентство Франс Пресс, «решительно отверг обвинения, выдвинутые некоторыми африканскими государствами в ООН по поводу того, что ЮАР якобы (?!) несет ответственность за операцию наемников против Сейшельских островов».

Окончание. См. «Огонек» №№ 2—3.

Министр полиции ЮАР Луи ле Гранж тут же «категорически» заявил, что правительство Южно-Африканской Республики «не замешано в заговоре». Сообщая об этом, агентство САПА добавило, что «у членов правительства вызвало «страшный гнев» то, что они оказались невольно (?) вовлеченными в столь сложный и спорный международный инцидент».

Посыпались фальшивые опровержения и из Вашингтона. В ту же субботу 28 ноября агентство Ассошиэйтед Пресс передало заявление представителя правительства США Д. Фишера, который «отверг сообщения о каком-либо официальном вмешательстве и финансировании Соединенными Штатами Америки неудавшегося переворота на Сейшельских островах». «Нам неизвестно,— заявил он,— на каких основаниях сделаны эти предположения, и я хочу сказать, что Соединенные Штаты не были вовлечены в эти события». Фишер добавил, что ему неизвестно о том, что в попытке переворота участвовали американцы, хотя он «видел сообщения прессы, в которых утверждалось, что по меньшей мере один американец принимал участие в нападении».

Наемники, высадившиеся в Дурбане, теперь стесняли своим присутствием тех, чьи приказы они выполняли. Поэтому их спешно арестовали, изолировали от контактов с прессой и препроводили в военную тюрьму. Было объявлено, что их отдадут под суд за похищение индийского самолета.

А как же насчет вооруженного вторжения на Сейшелы? — спросит читатель. Разве это не преступление? Представьте себе, в ЮАР такие действия преступлением не считаются. «Здесь, быть может, более, чем где-либо, наемники слывут романтическими персонажами,— писала по этому поводу парижская газета «Монд» 12 марта 1982 года.— В Южной Африке существует настоящий культ «пистольеро», особенно тогда, когда «пистольеро» ставят свое мастерство на службу делу свержения «марксистского режима». В этой стране — самый широкий зарубежный рынок для продажи американского журнала «Солдат удачи», в котором публикуются объявления о вербовке наемников, готовых сражаться в любом месте от Северного полюса до Южного». При этом газета «Монд» уточнила, что «дестабилизация иностранных режимов не фигурирует как уголовно наказуемое деяние в южноафриканском кодексе».

Следствие по делу Хора и его банды тянулось умышленно долго: власти ЮАР явно хотели дождаться, пока улягутся страсти, вызванные этой скандальной историей. Обозленные «псы войны» были разъярены: в тюрьму их бросили те самые люди, которые посылали их на «мокрое дело» в Викторию, суля им золотые горы. Теперь же выяснилось, что, кроме аванса, выданного перед полетом на Сейшельские острова, им не заплатят ни гроша. К тому же они сами должны были оплачивать судебные издержки.

28 марта 1982 года наемники во главе с Хором подали властям ходатайство о регистрации их группы в качестве... «благотворительной организации», мотивируя эту просьбу тем, что по законам ЮАР в этой стране никто не имеет права собирать пожертвования без предварительной регистрации сборщиков как представителей «благотворительной организации», а им эти пожертвования были нужны для оплаты расходов, связанных с судебным процессом. Ходатайство было удовлетворено, и вскоре обвиняемые стали получать со всех концов расистской республики вспомоществования...

20 апреля 1982 года Майкл Хор и его банда предстали наконец перед судом, который умышленно был назначен в небольшом городке Питермарицбург, подальше от «большой прессы». Эта предосторожность, как выяснилось, была не лишней.

Во-первых, южноафриканские расисты слишком бурно приветствовали своих единомышленников, оказавшихся на скамье подсудимых. Как писал специальный корреспондент парижской газеты «Монд», бизнесмен из Дурбана Норман Ривс заявил ему, что «это солдаты антикоммунизма, идеалисты» и что поэтому он организует в общенациональном масштабе сбор средств в помощь Хору и его коллегам. «Мы поможем этим людям, борющимся за наше общее дело»,— уточнил сей деятель. В том же Питермарицбурге занимавшая пост мэра города некая Памела Рейд говорила, что счастлива тем, что сможет увидеть этих джентльменов, и выразила сожаление лишь о том, что ей не разрешили устроить прием в муниципалитете в их честь...

Во-вторых, в Иоганнесбурге не без основания побаивались, что обозленные наемники на суде выболтают многое такое, что могло бы вызвать нежелательную для правительства ЮАР сенсацию. Опасения эти быстро оправдались. Вот что передало, к примеру, агентство Франс Пресс 8 мая 1982 года из Питермарицбурга:

— ЦРУ США знало о плане свержения правительства Сейшельских островов,— заявил здесь в верховном суде руководитель наемников Майкл Хор. На перекрестном допросе он сказал, что ему посоветовал (!) предпринять эту попытку один из агентов ЦРУ в Претории. Далее Хор признал, что южноафриканский кабинет одобрил попытку переворота. Об этом плане знали силы обороны и разведка ЮАР. Доказательства того, что силы обороны доставили в дом полковника Хора оружие, также были представлены суду...

Но все эти разоблачения, как и следовало ожидать, были приглушены, и в конце концов 30 июля 1982 года процесс был завершен. Судья Н. Джеймс, как передавало американское агентство Ассошиэйтед Пресс, объявил о приговоре через два дня после того, как подсудимые были признаны виновными в воздушном пиратстве. В своей заключительной речи южноафриканский судья чуть ли не извинялся перед «псами войны» за то, что он вынужден признать их вину.

— Я понимаю, что вы ярый антимарксист, который хочет бороться против марксизма всюду, где только можно,— говорил он, обращаясь к «бешеному Майку».— Однако вы не утверждаете, что вы благородный рыцарь. Вы рассчитывали, что вам заплатят сто тысяч рандов...

Обращаясь к другим обвиняемым, судья, чуть не плача от умиления, провозглашал:

— Я убежден, что в основном вы приличные люди. Вы понесли серьезные расходы во время длительного судебного процесса... Суд изучил ваши дела и пришел к выводу, что вы весьма способные люди... Я лично убежден в том, что, если к вам проявить сочувствие, вы сделаете попытку серьезно изменить себя...

В своем последнем слове Хор с гордостью заявил: «Я выполнил мой долг по своему усмотрению. Я доставил своих людей домой благополучно, и я горжусь этим» (!). Но поскольку этот «пес войны» выболтал на суде сведения о том, что нападение на Сейшельские острова было организовано властями ЮАР при благожелательном одобрении со стороны их заокеанских друзей, его припугнули: судья объявил, что он приговаривается к 20 годам тюремного заключения за угон индийского самолета. Впрочем, тут же было объявлено, что половина этого срока носит «условный» характер, а самому Хору дали понять, что если он будет держать язык за зубами, то долго сидеть в тюрьме ему не придется.

Оба американца, участвовавшие в налете на Сейшельские острова, отделались легким испугом: Чарльз Дьюк был полностью оправдан,— судья объявил, что этот «ветеран вьетнамской войны, который сражался также в Родезии», был ранен в бою на аэродроме Виктории и находился без сознания, когда друзья втащили его в индийский самолет, а поэтому отвечать за его угон не может. Барри Ф. Гриббон был приговорен к шести месяцам заключения, но и его тут же отпустили на все четыре стороны.

Остальные «псы войны» получили разные сроки тюремного заключения, но также очень скоро оказались на свободе. Уже 1 декабря 1982 года агентство Франс Пресс сообщило из Претории, что 34 осужденных по делу Хора и его банды отпущены из тюрьмы на волю «за примерное поведение».

Дольше всех в заключении пробыли помощники Хора — П. Даффи, П. Ваард и Т. Монета. Их освободили в мае 1984 года. А год спустя на волю вышел и сам «бешеный Майк». Так была перевернута еще одна страница кровавой истории использования «псов войны» в необъявленных войнах США и их союзников против свободных государств, не подчиняющихся их диктату.

* * *

Факты показывают, однако, что все эти уроки не пошли впрок вашингтонским любителям «тайных операций», как там именуется подрывная деятельность против государств, социальный строй которых им не по вкусу. Как выразился бывший заместитель директора ЦРУ, назначенный недавно постоянным представителем США при ООН генерал В. Уолтерс, «тайные операции, проводимые с целью воздействовать на ход событий или на общественное мнение за рубежом, являются неотъемлемой частью внешней политики». Каково?

Разумеется, в Вашингтоне учитывают негативный опыт тех операций, какие проводились наемниками в шестидесятые, семидесятые годы и в начале восьмидесятых. Там поняли, что времена, когда какому-нибудь «бешеному Майку», эсэсовцу Мюллеру или французскому головорезу Бобу Денару удавалось с тридцатью — сорока наемниками свергать правительства государств и заменять их угодными нанимателям марионетками, ушли в прошлое.

Теперь такие операции готовятся более обстоятельно и обходятся ЦРУ и другим спецслужбам США и НАТО неизмеримо дороже. При этом, как правило, сколачиваются и обучаются самые настоящие воинские соединения в составе нескольких тысяч человек, основу которых составляют прислужники сил реакции, бежавшие из своих стран после того, как народы там завоевали свободу,— это, к примеру, пресловутые душманы из Афганистана, нашедшие прибежище в Пакистане, кровавые палачи-полпотовцы из Кампучии, которых приютили в Таиланде, сомосовцы из Никарагуа, которым дали приют Гондурас и Коста-Рика.

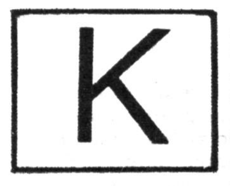
Но без таких специалистов по человекоубийству, какими являются «псы войны», прошедшие, что называется, огонь, воду и медные трубы в бесчисленных подрывных акциях, дело не обходится. Они не только используются как инструкторы при обучении наемных войск нового типа, но и сопровождают их при вторжении на территорию стран, облюбованных для агрессии, демонстрируя на практике самые зверские приемы расправы с любыми людьми, которые окажутся у них на пути.

Чего стоят хотя бы красноречивые снимки, опубликованные не так давно во французском журнале «Пари-матч». Это кадры из любительского фильма, снятого американским «студентом» по имени Фрэнк Уол, сопровождавшим очередную банду сомосовцев, вторгшуюся в Никарагуа. На них в деталях изображена зверская расправа с молодым защитником родины, схваченным бандитами: эту жертву заставляют руками (!) выкопать себе могилу, затем его вталкивают туда, и «пес войны» с профессиональным мастерством наносит ему три удара кинжалом: в шею, грудь и в живот. Подпись, которую дал к этим кинокадрам журнал «Пари-матч», была выдержана в сугубо спокойном тоне: «Его тихо закололи кинжалом, чтобы не привлекать внимание патрулей регулярной армии...»

Стало быть, спрос на наемников сохраняется и, более того, растет. Вот почему фирмы полковника Брауна, Поузи, Кэмпера и прочих чувствуют себя в полной безопасности и, более того, процветают.

В свое время сенатор Ф. Чёрч, ныне уже покойный, так охарактеризовал грязную деятельность ЦРУ, которая осуществляется силами «профессиональных авантюристов»: «Мы сбросили правительство Гватемалы, когда левые силы в этой стране вели линию, которая нас не устраивала; мы пытались развязать гражданскую войну против Сукарно в Индонезии; мы вмешались во внутренние дела Ирана с целью восстановить на троне шаха после того, как Мосаддык национализировал британские нефтяные монополии; мы пытались организовать контрреволюционный переворот на Кубе посредством высадки армии наемников в Заливе свиней; мы даже вели секретную войну в Лаосе...»

Так выглядит на практике деятельность, которую руководители Соединенных Штатов без устали рекламируют как проявление неустанной заботы «частных американских граждан» о «свободе» и «демократии» в любой стране, строй которой не устраивает Вашингтон.

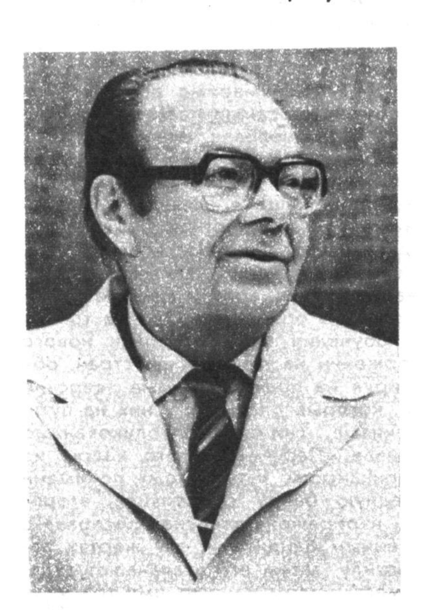
аких только лекарств мы сегодня не принимаем. И главное — сколько! Чуть что не так, потчуем себя таблетками, порошками, капсулами с мудреными названиями, видя в них панацею от любых недугов...

Конечно, лекарственная терапия — великая сила. Но как правильно применять этот сложный и мощный способ лечения? Единого мнения на сей счет пока нет. Зато проблем хоть отбавляй.

Слово одному из наших ведущих специалистов — Александру Николаевичу Кудрину. Вот уже не одно десятилетие он изучает и создает лекарственные препараты, увлекательно пишет о них. Причем в последнее время с немалой долей тревоги.

— Для нее, право же, есть серьезные теоретические и практические основания,— говорит А. Н. Кудрин.

Современные лекарственные средства помогли медицине в борьбе со многими болезнями. Но вместе с тем еще в конце пятидесятых годов в индустриально развитых западных странах стали наблюдаться всевозможные осложнения при употреблении различных лекарственных средств. Наконец, где-то в середине семидесятых годов медики открыто заговорили о своеобразном «кризисе» фармакотерапии: наряду с ее побочными отрицательными последствиями теперь уже в ряде случаев заметно снизилась сама эффективность применения традиционных и новых лекарств. Особенно антибиотиков. В результате

Сегодня в гостях у редакции «Огонька» заведующий кафедрой фармакологии фармацевтического факультета 1-го Московского медицинского института, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР А. Н. КУДРИН.

врачи порой сталкиваются с нелегкой дилеммой: что опаснее для больного — болезнь или лекарственное лечение?

Справиться с этим «кризисом» покамест не очень-то удается. Вообразите: по данным экспертов ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения) в США насчитывается ныне около ста тысяч наименований патентованных лекарственных препаратов. Немногим меньше—в Англии, Франции, ФРГ, Италии. Не только медики, но и фармацевты практически не способны ориентироваться в этом океане названий. Вот почему сплошь и рядом там случаются пагубные передозировки идентичных либо близких по своим свойствам лекарств, фигурирующих под разными фирменными этикетками...

— А как обстоит в этом плане дело у нас в стране?

— Несомненно, благополучнее, однако фармацевтический «взрыв» нам тоже обходится недешево. Сегодня наш ассортимент лекарственных средств расширился приблизительно до четырех тысяч наименований, и запомнить, усвоить их все студенту, естественно, нелегко. Тут бессилен даже квалифицированный фармацевт и фармаколог, если под рукой у него нет специальных справочников. Выход? Преподавание будущим врачам курса клинической фармакологии (в нашей стране оно началось в середине 30-х годов, а за границей — в 60-х годах) и создающиеся с недавних пор по решению Минздрава СССР при крупных поликлиниках кабинеты фармацевтической информации. В них работают провизоры — выпускники фармацевтических факультетов, которые сообщают врачам, какие лекарства в настоящий момент имеются в аптеке, на складе, вообще в стране, и, кроме того, что наиболее важно, выбирают совместно с врачом нужное лекарство, помогая ему проводить индивидуальное лекарственное лечение.

Но это еще не все. Затем требуется установить персональную схему и дозировки приема лекарств, как, например, при лечении диабета и ряда других заболеваний.

Министерство здравоохранения следит за тем, чтобы так называемые обязательные лекарственные средства (основные), признанные наукой и апробированные на практике, всегда были в продаже. Им отдается предпочтение перед средствами «выбора» с фирменными названиями. Последние при более дифференцированном подходе в отдельных конкретных случаях могут принести пользу, но в принципе служат дополнением к первым. Поэтому патентованные зарубежные средства «выбора» наше государство старается приобретать в ограниченных количествах.

Между тем некоторые врачи и в особенности больные зачастую полны неистребимой веры в эти патентованные средства, забывая, что на лекарства, как на любой другой товар, существует мода. И вот прослеживается любопытная закономерность. В первое время новомодный препарат вызывает волну всеобщего интереса, его применяют очень широко. Затем увлечение им неизбежно спадает, оказывается, что потребность в нем не слишком велика, и он преспокойно занимает свое место на аптечных полках, порой же вовсе исчезая из обращения...

К осложнениям на почве лекарств приводит также самолечение, наиболее распространенное в буржуазном обществе, где услуги врача, как известно, дороги, а фармацевтические фирмы в погоне за прибылью раздувают неумеренную рекламу своих препаратов, которые требуют особой осторожности и специального умения в употреблении. На Западе реклама убеждает потребителей, что эти синтетические лекарственные средства предотвращают вирусные, инфекционные заболевания, стрессы; и люди на свой страх и риск покупают их в надежде избежать разорительного визита к врачу, зачастую расплачиваясь собственным здоровьем. Ведь с научной точки зрения современное лекарство можно уподобить химическому ножу, вторгающемуся в жизненные процессы на молекулярном уровне. И человек, не умеющий пользоваться этим «ножом», нередко режет не то, что нужно.

Существует, однако, еще одна, увы, глобальная причина трудности лекарственного лечения, и кроется она в неимоверно возросшей химизации человеческой жизни. Сегодня с воздухом, водой, пищей в наш организм попадает немало вредных веществ, так как в окружающей среде находится около пяти миллионов различных химических соединений. Все эти вещества вступают в сложное взаимодействие с химическими лекарственными препаратами, которые мы принимаем, нередко усиливая их нежелательное побочное воздействие.

В результате получается следующая картина. Изо дня в день врачи сталкиваются с уймой незнакомых лекарств, перед ними существенно изменившийся человеческий организм, а предсказать заранее его реакцию на то или иное фармацевтическое средство трудно (ожидают положительную, а происходит отрицательная)...

— Таким образом, из ваших слов следует, что мы имеем дело со своеобразной системой, объединяющей фармацевтическую промышленность, медицину, которая использует ее продукцию, и, наконец, больного, в чьем организме эта продукция (т. е. лекарства) действует. Три звена единой цепи, где главным выступает последнее, на нем все замыкается, ибо нет ничего сложнее человеческого организма с его болезнями, наследственными, врожденными и благоприобретенными свойствами. Какую же роль во всех этих логических взаимосвязях играет фармакология, и может ли она предупредить отрицательное воздействие лекарства?

— Область науки, которой я занимаюсь, играет в данном процессе решающую роль, она обладает богатым спектром возможностей, но, разумеется, не всесильна. Пока, в частности, нам, фармакологам, и врачам удалось установить максимальные разовые и суточные дозы приема лекарств, избавляющие больного от вредных последствий. Дело это, кстати, не такое простое, как кажется на первый взгляд. Ведь максимальная доза лекарства нередко поражает здоровые органы и чрезмерна для заболевшего. С другой стороны, средние дозы в отдельных случаях могут оказаться максимальными. Поэтому советские ученые-фармакологи рекомендуют при приеме некоторых лекарств постепенный подбор доз в форме цикла — от минимальных доз к средним. Научно обоснован принцип: для каждого пациента необходимо определить свою индивидуальную дозу приема лекарств, начиная опять-таки с малых. Большие дозы, как правило, нужно применять лишь в исключительных ситуациях, когда речь идет о жизни и смерти больного. За минимальные и средние дозы в фармакотерапии мы выступаем еще и потому, что они лучше регулируют течение болезни. Кроме того, человеческий организм от рождения наделен защитными приспособлениями, которые самоизлечивают, самоограничивают болезнь. И большие дозы лекарства подавляют эти защитные механизмы, подаренные нам самой природой.

Для повышения эффективности действия лекарств и сведения к минимуму возможных нежелательных последствий их применения важны также время и способ приема: натощак либо после

НАУКА — ЗДОРОВЬЮ

Д. Налбандян. Род. 1906. В. И. ЛЕНИН. 1985.

С. Дудник. Род. 1913. ПАРЛАМЕНТЕРЫ МИРА. 1985.

Выставка произведений московских художников, посвященная XXVII съезду КПСС.

еды; глотать или рассасывать под языком. Раньше под язык рекомендовали помещать только некоторые препараты экстренного действия, например, нитроглицерин при болях в сердце. Ныне, в результате исследований, мы считаем, что таким способом целесообразнее принимать практически все жидкие лекарственные препараты — от валерианы до валокордина, разводя крепкие равным количеством теплой воды. Преимущества: лекарство быстро поступает из полости рта в кровь, причем непосредственно, минуя желудок и печень, где оно частично (а иногда полностью) задерживается или даже разрушается. Многие из тех лекарств, которые все же приходится глотать, эффективнее, как теперь выяснилось, принимать за 30—60 минут до еды, включая и мощные антибиотики тетрациклинового ряда. Это без преувеличения можно назвать заметным достижением фармакотерапии! И далось оно большим трудом.

Цель — создание в крови больного нужных концентраций лекарственных веществ методом, предельно «щадящим» организм. Не секрет, что составные части пищи и ферменты пищеварительных соков разлагают многие лекарства, затрудняя их поступление в кровь. Значит, на сытый желудок требуется бо́льшая доза. Да и она не всегда избегает разрушения и удерживается в кишечнике. Тем самым осложняется индивидуальный подбор доз.

Вы спросите, почему до этого додумались только сейчас. Инерция, известный консерватизм врачебного мышления (в практической медицине необходимый). Но главное — трудности фармакотерапии заставили заново, с современных научных позиций пересматривать всю практику применения лекарств. Скажут, что при приеме лекарств натощак, особенно таблеток, существует реальная опасность вызвать раздражение слизистой оболочки желудка. Но стоит растолочь таблетку, смешать ее с водой, и раздражение слизистой вам не грозит. Разумеется, здесь опять же не обходится без исключений — специальные таблетки с инструкцией на этикетке принимают, не раскусывая, и после еды...

Вот до каких, казалось бы, простых рекомендаций мы «докатились». Однако за ними стоят серьезные научные обоснования.

— Итак, раствор или взвесь в воде лекарственных веществ в принципе самые предпочтительные?

— Безусловно. Они равномерно распределяются по всей поверхности слизистой оболочки и не оказывают на нее отрицательного воздействия. Не вредит либо почти не вредит ей порошок. Часто порошковый состав заключают в капсулу, чтобы обеспечить для определенных форм лечения длительную концентрацию вещества в крови больного. Капсула растворяется в желудке и кишечнике медленно, и лекарство постепенно всасывается из нее в кровь.

К сожалению, на этом нынешние трудности фармакотерапии не кончаются. Еще Гиппократ в V веке до нашей эры писал об идиосинкрозии — индивидуальной непереносимости тех или иных лекарств. В наши дни это явление встречается повсеместно и получило название лекарственной аллергии. Некоторые не переносят хинин, сульфаниламидные препараты, другие—банальный аспирин, анальгин. У иных внутримышечное введение спасительного пенициллина вызывает скорую неотвратимую смерть. Лекарственная аллергия не передается по наследству и возникает в течение жизни под влиянием различных причин. Наиболее распространена сегодня аллергия на антибиотики. Они прочно соединяются с белком крови, клеток, изменяют белок крови и клеток, вырабатывая защитные антитела. При повторных приемах антибиотиков людьми, страдающими аллергией на них, автоматически происходит иммунная реакция: антиген — антитело. Поэтому можно наперед утверждать, что те лекарственные вещества, которые прочно соединяются с белком, чаще будут вызывать аллергию.

На практике поступают так: если препарат вызывает крапивницу, отек, обморок и другие нежелательные последствия, предполагают наличие у больного лекарственной аллергии и в дальнейшем исключают из курса его лечения этот препарат и ему подобные. Квалифицированный провизор должен уметь помочь врачу определить, какие средства противопоказаны больному, с тем чтобы занести их в лечебную карту.

Думается, каждому из нас не мешало бы всегда иметь при себе специальный перечень наших индивидуальных лекарственных аллергенов (коли таковые обнаружены), вроде тех карточек, которые носят в кармане больные диабетом. Это позволит избежать разного рода осложнений во время повторных курсов лечения и несчастных случаев, особенно когда человек находится в бессознательном состоянии и врачу необходимо срочно сделать ему инъекцию.

...Что и говорить, положение лечащего врача ныне достойно сочувствия. На него повседневно обрушивается поток новых лекарств, в которых он не успевает разобраться и которые обязан индивидуально «подгонять» к организму пациента, уберегая того от непредвиденной аллергии. Недаром во многих странах больничным врачам приданы теперь еще клинический фармаколог и клинический фармацевт. Этот триумвират в критических ситуациях коллективно выбирает препарат, дозировки и схему лечения.

— Похоже, основная задача дня — укрепить связь между развитием фармакологии, фармации и практической медицины?

— Вот именно. И социалистической системе здравоохранения эта задача по плечу, ибо только она гарантирует объективную информацию о поступающих в аптечную сеть лекарствах и их свойствах. Предпринимаются большие усилия, чтобы фармацевтическую и фармакотерапевтическую информацию расширить, обеспечить ее оперативность и доступность лечебным учреждениям, врачам, студентам-медикам и провизорам. Последних в первую очередь необходимо охватить современными лекарственными знаниями, регулярно знакомить их с перспективными теоретическими разработками и практическими рекомендациями фармакологии, способными принести медицине большую пользу...

— Не познакомите ли вы с некоторыми из этих рекомендаций наших читателей?

— Охотно. Сошлюсь на собственный опыт. После 25 лет научных разработок на кафедре фармакологии мы пришли к выводу, что вначале больному следует давать лекарственные вещества, укрепляющие мембраны (оболочки) клеток, а потом уже — специфические препараты. Теперь, без предварительной подготовки, эти препараты, включая даже давно известные, апробированные, все реже оказывают свое лечебное действие, так как общая «химизация» нашего организма, о которой я говорил, расшатала структуру мембран клеток, изменила свойства рецепторов, соединяющихся со специфическими препаратами, и соответствующих адекватных реакций на синтетические и природные лекарственные средства зачастую не происходит.

Чем же укреплять мембраны клеток? В частности, например, витамином Е, либо растительными маслами, богатыми витамином Е, аскорутином, состоящим из рутина и витамина С (рутин и провитамин А содержатся в кожуре цитрусовых, так что, скажем, дольку лимона лучше съедать целиком). Отличный природный элемент — селен, его много в чесноке. Не случайно в прежнее время врачи советовали своим пациентам побольше употреблять в пищу чеснока. Весной, когда организм испытывает острую нехватку витаминов, слабо реагирует на лекарства и наиболее подвержен всевозможным инфекционным и простудным заболеваниям, мембраны клеток особенно нуждаются в стабилизации. Ну, а если мембраны клеток стабилизированы, человек лучше сопротивляется многим заболеваниям, даже таким, как ишемия и рак.

Весьма благотворно влияют на мембраны клеток наши замечательные дальневосточные растения — элеутерококк, левзея, заманиха, золотой корень и другие, хотя механизм их действия несколько иной, он связан с улучшением обмена веществ и питания головного мозга. Сочетание первой и второй групп укрепляющих средств в комбинации со специфическими препаратами обеспечивает нужный лечебный эффект и вместе с тем снижает токсичность сильнодействующих лекарств, а также уменьшает количество отрицательных явлений в результате их применения.

— Александр Николаевич, люди издревле мечтали о чудодейственном целительном средстве, «живой воде», «эликсире жизни». Успехи современной фармакологии рождают надежду на создание вместо вереницы разных лекарств некоего универсального препарата с вариативными свойствами, который возвращал бы человеку здоровье, бодрость, молодость.

— Конечно, это было бы прекрасно. Однако человеческий организм — слишком сложная саморегулирующаяся система, к нему не подберешь единое универсальное средство от «всех» болезней, стрессов, старости. Подобного чудодейственного лекарства нет и не может быть. Зато есть **комплекс** веществ, поддерживающих нормальную жизнедеятельность организма, наш физический и умственный тонус, бесценное ощущение радости бытия. Эти вещества мы тоже получаем с воздухом, водой, пищей, их недостаток восполняют нам лекарства. Так что говорить о каком-либо унифицированном фармацевтическом средстве не приходится.

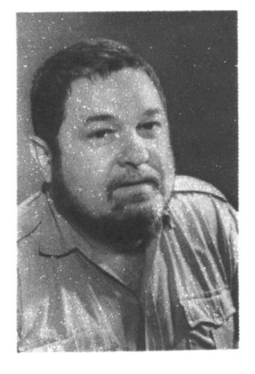
— И последний вопрос. Алкоголь и лекарства?

— Со всей определенностью могу заявить: лекарства и алкоголь — вещи абсолютно несовместимые! Даже ничтожное количество спиртного способно подорвать предыдущий курс фармакотерапии, смазать картину состояния больного. Поэтому давайте уж лечиться без «помощи» бутылки! Хорошо бы и здоровым людям держаться от нее подальше, ради продления собственной жизни и, что еще важнее, ради здоровой, полноценной жизни потомства. На это сейчас направлены усилия нашего общества, и мы, медики, фармакологи, искренне приветствуем начавшийся в стране существенный оздоровительный процесс.

Беседу вел Ю. ОСИПОВ.

Юлиан
СЕМЕНОВ

Рисунки
М. ПЕТРОВОЙ

РОУМЭН, АСУНСЬОН, НОЯБРЬ, 1946

В точно и заранее обозначенное время Роумэн позвонил — с центральной почты — в лиссабонский пансионат «Пингвин» и попросил к аппарату «сеньора Сарака»; фамилию Спарка специально произнес с ошибкой, невнятно. Если Грегори не ответит, значит, что-то случилось, надо здесь все бросать и гнать в Европу, там Криста. Я не мог ей запретить сделать то, что она решила; странно, Штирлиц словно бы знал о нашем разговоре, когда она сказала, что обязана сделать то, без чего невозможно жить; Гаузнер был одним из тех, кто сделал ее сиротой и лишил юности; я не вправе запрещать ей что бы то ни было; в конечном счете все несчастья в семьях проистекают из-за того, что обручальное кольцо становится первым звеном в той цепи, которая рано или поздно закует мужа или жену (все зависит от того, кто с первого же часа стал доминировать в союзе; равенства в браке не бывает, химера и дезинформация; обязательно, как и в любом человеческом сообществе, кто-то становится лидером). Она хочет быть со мною в д е л е, и она имеет на это право; сиди она под замком в Нью-Йорке или в Голливуде, я все равно не могу быть спокоен за нее, пока есть Кемпы и Пепе; мы живем под топором, нечего закрывать на это глаза; борьба за нашу с ней жизнь конкретно увязана с выходом на сеть наци, которые затаились в ожидании своего часа; вот она, нерасторжимость личного и общественного; голый лозунг университетских леваков оказался практикой моего существования, вот жизнь, а?!

— Сеньора Спарка нет в номере двенадцать, соединяю с сеньорой,— ответил портье. С какой еще «сеньорой», ведь Элизабет осталась с мальчиками; чертовщина какая-то!

— Да.

Говорила Криста; голос до того ровный и спокойный, что Роумэн сразу же почувствовал в нем страшную усталость; представил ее себе лежащей на тахте возле телефона с серым, отсутствующим лицом; он помнил ее такой в Мадриде; потом только понял — такое было с ней после встреч с Кемпом.

— Сеньора Сарак? — переспросил Роумэн.

— О, милый!

Голос ожил сразу же, зазвенел; она, наверное, поднялась, потянулась к аппарату, конопушка, но почему миссис Спарк, не может ведь она жить с Грегори в одном номере?! «А почему?» — спросил его какой-то чужой, подхихикивающий голос; Роумэн даже зажмурился от ненависти к себе, как можно держать внутри такую гадость?!

— Это ты?! Почему ты молчишь?! Милый?!

— Я молчу оттого, что дьявольски счастлив тебя слышать. Я так соскучился без тебя! Просто сил нет... Сеньора Сарак...

— Я караулю тебя в его комнате, милый, он у наших друзей, они больны, он ухаживает за ними, какое счастье, что ты жив и здоров, боже! Хорошо, если бы ты мог сюда прилететь! Но сначала ты должен попасть в... Ты должен полюбоваться сказочным местечком в джунглях, там, где до этого был твой друг, тебе хочет рассказать массу интересного мистер Райфель, у него там торговля электротоварами, очаровательный человек, ему раньше помогал мистер Гауз, понимаешь?

— Да,— ответил он, подумав, что об этом друге Гаузнера в Игуасу Штирлиц ничего и не слыхал.— У тебя очень уставший голос.

— Ты позвонил, и все прошло... Мне сейчас стало так хорошо, милый, так спокойно, что просто даже замечательно! Ты слышишь меня? Я ужасно д о р о г о болтаю, да? И непременно посмотри памятники архитектуры в Кордове, это Аргентина, там так много интересного, родной! Тебе много чего расскажет мистер Лопес, он инженер, живет на Калле Санта Анна, все знает об истории города. Ты запомнил, сеньор Хуан-Альфрид Лопес? Это близкие друзья того человека, которого мы отыскали, он и его босс мистер Ланхер уже выслали тебе рекомендательные письма на адрес твоего отеля (так было уговорено: окно до востребования называть «отелем»; как легко и точно она произносит слова-символы, слова пароля; молодец. «А Гаузнеру она говорила так же?» — Он ничего не мог поделать с этим страшным голосом, только еще крепче сжал трубку).

Она, словно бы почувствовав нечто, спросила:

— Почему ты молчишь, милый?

— Я тебя слушаю, конопуша, я живу твоим голосом. Мы встретимся в вашем отеле, когда я вылечу из здешней дыры? Или ты хочешь податься на север, чтобы отдохнуть от жары?

— Мы будем ждать твоего звонка здесь. Только обязательно позвони. Я не спрашиваю, сколько времени займет знакомство с теми местами, которые тебе будет так интересно увидеть, но я очень, просто ужасно жду тебя! Нам бы надо было слетать в Австрию, говорят, под Линцем уже выпал снег... И в Гамбург... Но без тебя мы не решаемся, особенно пока я не отладила все формальности дома...

— Но у вас все в порядке?

— Да, да! — слишком уж торопливо ответила Криста.— Не волнуйся о нас, теперь все в порядке, хотя мы здорово намучились в дороге...

— Но сейчас все хорошо?

— Да...

— Честное слово?

— Честное слово, не волнуйся, пожалуйста, и будь крайне осторожен в джунглях, там смертельно опасно, любимый, рыси обычно нападают со спины, мне говорили знающие люди...

Все ясно, они караулят где-то в пригородах Ригельта и его связника или босса, которого зовут Ланхер, эта фамилия мне незнакома. Они караулят их, потому что не верят ни единому их слову, и правильно делают, так было уговорено... Но неужели и ты не веришь женщине, которая стала твоей женой?

Роумэн вышел в декабрьский зной, показавшийся ему липким и грязным. Неужели ты ревнуешь ее к прошлому, спросил он себя. Ты спокоен, лишь когда держишь ее, словно вещь, около себя; фактор постоянного присутствия; вижу — спокоен, отвернулся — не верю. Но это значит, что ты не веришь себе самому, вот что это значит. Тогда грош цена твоему чувству, подумал он, просто с ней у тебя п о л у ч а е т с я, и ты с нею лишен комплексов. И нет никакой любви, если ты позволяешь себе слышать тот мерзкий голос, который подбрасывает вопросы; нет, он ничего не утверждает, этот чужой голос, он только спрашивает. Неужели вопрос — понятие, относящееся к доверчивому детству, побудитель прогресса в зрелости — в моем случае есть форма замаскированного и гнусного неверия в самого себя?

Роумэн даже зажмурился от стыда, и в черно-зеленой темноте — словно при вспышке магниевой лампы фоторепортеров — возникло лицо Кристы, обсыпанное веснушками, с копной тяжелых волос; у нее очень белая, как у всех северянок, кожа, поэтому глаза кажутся двумя озерцами в сосновом бору, это же так красиво и беззащитно; человек, хоть в чем-то отличный от окружающего его людского сообщества, беззащитен, потому слишком заметен; если человек выделяется — его не любят, завидуют или презирают; наверное, поэтому народными лидерами становятся люди, похожие на массу; редко рождаются маленькие Наполеоны или толстые Черчилли, все остальные похожи на сограждан, пусти их в толпу без свиты и орды репортеров — никто на них и не взглянет...

Грегори — твой друг, сказал он себе; он караулит гадов, рискуя жизнью; это бесстыдно думать так, как ты подумал, бессовестно и грязно. А если бы он не был твоим другом? Если бы Кристе пришлось делать наше дело с другим человеком, который не был твоим ближайшим другом, тогда как? Голос был прежний, чужой и гадкий. Или верить, как себе, навсегда и во всем, подумал Роумэн, или рвать — сейчас же, сразу! Бежать, не оглядываясь; она права, когда говорила, что не всякое знание нужно человеку, но почему же именно мужчина так норовит все вызнать о прошлом любимой, отчего?!

Он сел за руль раздрызганного «форда»; мотор заныл, сотрясаясь, как в лихорадке, потом заревел; облачко дыма из выхлопной трубы сегодня было не сахарным, г р о з о в ы м, но темным; надо подлить масла, гонки на второй скорости губят мотор, останусь без машины. Я еще не готов к тому, чтобы сейчас же ехать к Штирлицу. Я могу навести на него хвост, а этот чертов хвост где-то таится, видимо, за мной смотрят весьма квалифицированные люди; я — после разговора с Крис — слишком в себе, чтобы быть таким собранным, каким следует быть перед началом операции. Итак, Райфель в Игуасу и Хуан-Альфрид Лопес в Кордове. Я не смогу поехать в оба места, я сойду с ума, не видя Кристу; я возьму на себя Игуасу, а оттуда вернусь в Европу. За Штирлицем — Кордова. Я не выдержу, если мне придется проторчать здесь еще пару недель. Просто не выдержу, сломаюсь; нет хуже вина, чем перебродившее, нет бессильнее человека, чем тот, который ждал хотя бы на один час больше того, что по силам думающему существу...

В тот же день, двумя часами позже, обговорив срок и формы связи, Роумэн расстался со Штирлицем, который «лег на грунт», а сам отправился в Игуасу.

Главы из романа, который будет опубликован в журнале «Знамя» в 1986 году.

— Мистер Райфель? Я не ошибся? — Роумэн посмотрел на пожилого мужчину, сидевшего под вентилятором за столом, что стоял возле окна, выходившего в складское помещение.

— Сеньор Райфель принимает товар. А кто вы, простите?

— Я из Мадрида, по вопросам, представляющим для сеньора Райфеля коммерческий интерес.

— Пожалуйста, подождите его. Присаживайтесь,— предложил мужчина, оценивающе, по-торговому глянув на Роумэна.

— Как долго ждать?

— О, не более получаса...

— Нет, я не располагаю таким временем. Если сеньор Райфель свободен в обеденное время, я бы с радостью пригласил его на ланч в отель «Палома». Скажем, в тринадцать пятнадцать...

— Погодите, может, я сбегаю за ним?

— Это было бы в высшей мере любезно с вашей стороны...

Фигура человека, оторвавшегося от вентилятора, странно дисгармонировала с его головой. Лицо — крупное, в тяжелых морщинах, что прорезали щеки сверху вниз,— оказалось посаженным на тоненькую шею, которая была приделана к совершенно бабьему торсу; бедра у человека были расплывшиеся, живот торчал вздувшимся, громадным шаром, пояс на нем не держался, съехал куда-то к лобку; ножки были непропорционально тоненькие, вроде шеи, и очень маленькие; шел он тоже по-женски: семенил, раскачивая задом, словно шлюха.

Райфель был полной противоположностью толстопузой и вертлявозадой женщине с лицом страдающего монастырского аскета или же тренера по боксу. Он был поджар, степенен в движениях, ступал мягко, совершенно беззвучно, будто шел по толстому ковру, хотя в офисе пол был из красного дерева — его здесь много, разных оттенков, очень дешево.

— Я Райфель, вы искали меня, здравствуйте.

— Я Ниче,— ответил Роумэн на своем прекрасном немецком.— Думаю, мое предложение нам бы следовало обсудить с глазу на глаз.

— Сеньор Дуарте,— Райфель кивнул на женщину,— не понимает по-немецки, его британская мама очень не любит нас с вами, говорите спокойно.

— У меня нет оснований волноваться, я всегда спокоен, спокойствие — мое обычное состояние, но я приехал от Ланхера, у него сестра приболела, нужны здешние травы, да и мое к вам предложение не изложишь в такой душной комнате, может, пообедаем вместе?

— Я не знал, что вы оттуда,— сразу же поднялся Райфель.— Пошли, перед обедом можно выпить кружку пива, я приглашаю.

— Спасибо, только я плохо переношу пиво в такую жару,— улыбнулся Роумэн.

Он поднялся следом за Райфелем, с трудом выбравшись из-за низкого, очень неудобного канцелярского стола с какими-то чрезвычайно острыми углами, хотя на первый взгляд этот стол ничем не отличался от тысяч ему подобных, только разве что слишком уж был аккуратен — какая-то пронзительная гордость бедного, который вынужден скрывать свою нищету.

— Хотите посмотреть мои склады? — поинтересовался Райфель.

— Я, честно говоря, ни черта в этом не смыслю. Моя специальность — параграфы законоуложений и гарантированность банковских счетов.

— Вы получили образование в...

— И там, и там,— улыбнулся Роумэн.— Во всяком случае, немецкие законы я проходил в рейхе.

— Ах, вот как...

Когда они вышли на знойную улицу, забитую повозками, полными дарами сельвы, всадниками — лица в основном смуглые, много индейской крови,— медлительными женщинами, продававшими товар вразнос (широкополые соломенные шляпы скрывают верхнюю часть лица, губы чувственные, очень яркие, взгляд, когда вскидывают голову, обжигает), Роумэн сказал:

— У меня для вас письмо.

— Я все понял, господин Ниче... Ваш немецкий прекрасен, но все же, мне сдается, вы родились не в Германии.

— Вы правы, я родился в Ирландии. Моя мать немка, господин Райфель. Или вам хочется, чтобы здесь, на улице, когда мы одни, я называл вас настоящим именем?

— Не надо. Нет, нет. И не потому, что я боюсь... Просто это доставляет известную боль: потеря родины всегда сопряжена с личной трагедией.

— Я понимаю. Да и ваша нынешняя профессия предполагает вычленение прошлого. В противном случае возможен провал...

Райфель улыбнулся:

— Об этом я как-то не думал, господин Ниче... Мне не грозит провал, я вполне легален...

— Человек, живущий под другой фамилией, да еще немец, никогда не может быть гарантирован от провала. Так что осторожность и еще раз осторожность... Пошли ко мне в отель, там нет ни одного гостя, лишь я... Такой уникальный уголок в тропиках, водопады, охота, рыбалка — и ни одного туриста... Поле для бизнеса, подумайте об этом...

— Мы уже думали.

— Полагаю, одним Шибблом не обойтись.

— Я тоже так думаю. Нужны как минимум три-четыре проводника...

— Мы можем кое-кого порекомендовать.

— Спасибо.— Райфель отвечал односложно, выжидающе; он же еще не прочитал записку Ланхера, подумал Роумэн; только после того, как он получит «рекомендательное письмо», я могу начинать разговор, сейчас рано; можно спугнуть, они очень напряжены, когда говорят с человеком, которого не знали лично по прежней службе в СС или абвере.

...Прилетев в Игуасу, Роумэн первым делом обсмотрел маленький домик аэропорта, где ютились пограничная стража, таможня и крошечное бюро по размещению приезжающих.

Рекламы «охотничьих экспедиций», которая, по словам Штирлица, сразу же бросилась ему в глаза, не было. Девушка, сидевшая в бюро, объяснила, что эти объявления расклеивали только один раз, да и то без разрешения муниципалитета, самовольно,— приехали ночью и расклеили по всем стенам за час до прибытия рейса из Рио, не срывать же при пассажирах?! Нет, с той поры больше не расклеивали, может, договорятся с властями, тогда другое дело, но все равно надо сделать щиты из фанеры, не портить же деревянные стены, клей у нас плохой, остаются желтые следы, некрасиво.

До того как отправиться к Райфелю в его склады, Роумэн заглянул в типографию, зашел к хозяину, сеньору Карлосу Эрмида Игуэрасу (выплавляет сто слов в минуту, усы нафабрены, закручены вверх по-кавалерийски, невероятно порывист в движениях, несостоявшийся репортер, мечтает о литературной карьере, выпустил свою книгу стихов тиражом в сто экземпляров, разослал всем друзьям, родственникам и в столичные газеты, ответа ни из одной не получил, рецензий, как ни ждал, не дождался). Поинтересовавшись, можно ли к сегодняшнему вечеру напечатать пять объявлений — оплата наличными, организация отдыха и рыбной ловли на Паране,— Роумэн заметил:

— За ценою не постою, начало бизнеса предполагает вложения.

— Размер? — сразу же спросил Игуэрас.— Я могу напечатать прекрасные объявления в два цвета, черный и синий, прекрасный шрифт, возможна переработка в рифмованном стиле, стоить будет ерунду, десять процентов от общего объема работы, довольно дороги воспроизведения фотографического материала, впрочем, и качество не слишком-то хорошее, я всегда говорю правду в начале разговора, чтобы не было каких-либо недоразумений в конце, мы, аргентинцы, люди чести, прежде всего доверие друг к другу, согласитесь, что я прав?!

Дважды Роумэн пытался перебить сеньора Эрмида Игуэраса, но понял, что дело это безнадежное, солист; ну, и слава богу, в таких только надо нащупать нужную точку — скажут все, в чем заинтересован; упоминание о «рифмованном стиле» помогло Роумэну верно построить разговор, он сразу же попросил хозяина подумать, как можно положить на стихи простой текст: «Желающие отрешиться от суеты могут провести три прекрасных дня на Паране, отдаваясь рыбалке и созерцанию сказочной тропической природы».

— Вообще-то вы довольно красиво сказали текст в прозе,— заметил сеньор Эрмида Игуэрас, но в глазах его уже зажегся алчный блеск творчества, и он подвинул к себе чистый лист бумаги.— Через пять минут я предложу вам варианты.

Роумэн достал свои мятые «лаки-страйк», закурил, подумал, что бы сказала Криста об этом человеке, она давала поразительно точные и в высшей мере краткие характеристики, схватывая самую суть явления, закурил и подумал, как лучше поставить вопрос о том объявлении, что было расклеено в аэропорту: называть имя одного лишь Шиббла или Райфеля тоже? Впрочем, вероятно, хозяин сам назовет эти имена, надо только ждать, из него льется; как каждый поэт, он, видимо, алчет аудитории.

— Вот,— сказал сеньор Игуэрас; прошло не пять, а всего полторы минуты.— Извольте: «Кто хочет неги и покоя, объятий древней старины, кто хочет спать не сидя — стоя, рыбачьте в дельте Параны!» Как?

Роумэн понял, что сейчас самое время для сакраментальной фразы: «Неужели вы это сами сочинили прямо сейчас?» Ничто не делает поэта твоим другом, как открытая, некомпетентная лесть.

— Ах, ну, конечно, сам и прямо сейчас... Но это следствие той работы,— дон Карлос Эрмида Игуэрас постучал себя по лбу, а потом ткнул пальцем в сердце,— которая происходит здесь постоянно, даже во сне.

— Прекрасно,— повторил Роумэн,— просто не верится, что за одну минуту можно написать такие прекрасные строки... Только что вы подразумеваете под строкой «кто хочет спать не сидя — стоя»?

— Как это «что»?! Человек прибыл в Игуасу, вымотанный ритмом большого города, нарушение жизненно важных циклов организма, кишечник ни к черту, позывы появляются в самое неподходящее время, унизительное бурчание в животе, невозможность нормального сна, а ничто так не изводит, как бессонница, человек мечтает о часе сна, как о манне небесной, возможность уснуть на ходу, то есть стоя, кажется ему верхом счастья,— неужели непонятно?!

— Нет, нет, теперь я все понял.— Роумэн с трудом сдержал улыбку.— А вот как объяснить про дельту Параны? Она же в другом месте, людей может отпугнуть необходимость добираться до дельты...

— Во-первых, слово «дельта» можно набрать мелко, а «Парану» укрупнить. Во-вторых, если вас это смущает, я пишу просто, без искусов: «рыбачьте в водах Параны!» Пожалуйста, но, поверьте, в словосочетании «дельта Параны» есть что-то магическое, притягивающее...

— Лучше все же оставим «воды Параны»,— заметил Роумэн.— Сколько я вам должен?

— Сотня. Включая рифму. Десять объявлений — сотня. По-моему, это вполне по-божески. А где текст с адресом и телефоном вашей фирмы?

— Шиббл не рифмовал свой адрес?—усмехнулся Роумэн.

— Кто? — Сеньор Эрмида Игуэрас нахмурился.— Шиббл? Почему он должен рифмовать свой адрес?

— Ну, его фирма... Они ведь пару недель назад печатали у вас такое же объявление...

— Это не он... Откуда у него деньги? Его фирма на грани банкротства. Это печатал дон Мигель...

— Кто? Откуда он?

— Из фирмы по сбыту электротоваров. Помоему, сеньор Райфель перекупил фирму охотничьих экскурсий на корню, он здесь набирает силу, очень хваток... Но совершенно не понимает, как в рекламе важна рифма... Я здорово заработал, когда для фирмы «Дарвин» прорекламировал их крем в Буэнос-Айресе... Прислали текст: «Покупайте крем фирмы «Дарвин». Лично я бы никогда не купил крем с таким названием. Во имя чего? Я понимаю крем «Марлен Дитрих» или «Вивьен Ли». Ну, я и сочинил: «Не знал ни Дарвин и ни Брем, как популярен этот крем! Сеньоры, помажьте им кожу и станете лет на сто моложе!» Крем расхватали за неделю! О, рифма в рекламе — это золотое дно, прямой путь к человеческой

памяти, вы же помните все детские стихи, не так ли?! Ждите, я вернусь с пробным оттиском через двадцать минут.

Роумэн поблагодарил, уплатил деньги и сказал, что придет за оттиском к вечеру, не горит; он узнал все, что ему было нужно.

...В отеле было пусто, ни одного человека, даже портье куда-то ушел из-за стойки. Обычно этот креол сидел, не отлучаясь, сосредоточенно ковыряя в носу, если в холле никого не было, а когда заходил случайный посетитель, лениво, но в то же время пристально его разглядывал, чтобы вечером было о чем поговорить с друзьями.

Ресторанчик был вынесен на улицу — столики стояли под соломенными крышами, вместо стульев — пни красного дерева, совершенно неподъемные; прейскурант был довольно скудным, видимо, печатали в типографии сеньора Игуэраса, потому что под названием отеля «Сент Джордж» красовались строки: «Пьющий «натураль де колония» не знает ни подагр, ни аллергии!» Сегодня давали пиво «Шнайдер де Санта Фе», бобовый суп, мясо с салатом, жареное мясо, апельсиновый сок — вот и все, негусто.

— Хорошо кормят в «Пилинчо»,— заметил Райфель,— хозяин дон Педро Рохе раньше был немцем.— Он улыбнулся.— Забыл, бедняга, как делаются айсбайны, но прекрасно жарит мясо на огне. Если хотите, заглянем вечером.

— Спасибо, я не знаю еще, как у меня сложится вечер. Вот это вам.— И Роумэн положил на стол конверт.— Если там есть что-то такое, что может н а с л е д и т ь,— сожгите, об этом попросил тот, кто передал послание.

Райфель кивнул, вскрыл конверт, быстро прочитал письмо, снова кивнул, словно бы соглашаясь с написанным, и подвинул листок Роумэну.

— Зачем? Это же не мне адресовано, а вам.— Роумэн пожал плечами.

— Там указано, чтобы я и вас ознакомил с текстом.

— Да? Вообще-то я этого не люблю, знаете ли. Я получаю за свою работу деньги, выполняю то, что предписано, и все. Чем меньше знаешь, тем лучше. А?

— Верно.— Райфель посмотрел на Роумэна иначе, чем раньше, глаза ожили, в них появился несколько недоумевающий, но тем не менее плохо скрываемый интерес к этому человеку: письмо Ланхера давало к тому основания.

Роумэн прочитал письмо и, так же как Райфель, недоумевающе пожал плечами: «Дорогой друг! Податель этого письма уполномочен проверить, как идет наш бизнес в регионе. Его рекомендации следует учесть. Человек компетентен в сфере бизнеса и деловых связей. По прочтении ознакомь его с текстом. Затем надлежит сделать то, что положено. Передай с ним отчет о работе филиалов фирмы по пути следования товаров к границе. Полное доверие! Эрнесто Ланхер, генеральный директор «Бытовая химия, краски и лаки». Лиссабон».

Роумэн положил письмо в карман, снова закурил и, попросив появившегося портье принести два скотча, спросил:

— Ну?

— Почему вы не сожгли послание?

Роумэн усмехнулся:

— Здесь? На глазах у всех? Для чего же тогда строят сортиры в отелях и ресторанах?

— Давайте я пойду и сожгу в туалете.

— Я это тоже умею делать. Если я таскал письмо в кармане не один день и пока что ничего не случилось, оно полежит у меня еще полчаса.

— Тогда вы были один. А сейчас мы сидим вместе, сеньор Ниче.

— У вас есть какие-то основания для опасений? За вами смотрят?

— Нет... Мне так, во всяком случае, не кажется. Да и потом я пока в резерве, незачем смотреть...

— А дело с Шибблом? Кто передал вам сообщение о необходимости срочно напечатать объявление?

— Киккель. Он позвонил мне из Рио.

— Это он дал вам указание расклеить объявления без согласования с местным муниципалитетом?

Райфель усмехнулся:

— Что, возникли какие-то осложнения? Я бы узнал, у меня тут хорошие связи.

— Если я задаю этот вопрос, значит, у меня есть к тому определенные основания.

— Значит, тем более необходима осторожность. Давайте-ка я сожгу этот листок.

Не может быть, чтобы Спарк не сделал нотариальных копий, подумал Роумэн. Хотя вряд ли такое возможно в Португалии, фашизм, все нотариусы на крючке, текст при всей его деловитости тем не менее хранит в себе нечто непривычное, значит, лучше, от греха, поставить в известность тайную полицию. Но Спарк мог и обязан был сделать фото; в конечном счете графологическую экспертизу можно работать и по негативу.

— Валяйте,—Роумэн протянул Райфелю конверт,— если вам так будет спокойней.

— Нам,— поправил его Райфель.— Обоим.

Сунув конверт в карман, он отправился в туалет, там прочитал текст еще раз, в высшей мере внимательно. Точки поставлены, запятые на месте, значит, все в порядке. Случись какой провал в цепи, Ланхер был бы обязан пропустить хоть одну из точек. Предпоследняя точка, правда, очень легкая, одно касание, но тем не менее это явная точка, и чернила те же. Странно, почему я должен писать отчет? Такого еще не было, подумал Райфель (СС штурмбанфюрер Гуго Лаурих, рожден в Линце, до аншлюса Австрии работал в «пятерке» Эйхмана с правом выхода на руководителя подполья НСДАП доктора Кальтенбруннера). Я могу изложить этому Ниче на словах то, что его интересует, но зачем писать? Неужели снова начинается канцелярская мука? Разве мыслимо? Не может быть, чтобы мы уже так окрепли; архив — это риск; впрочем, фюрер организовал архив партии, когда еще мы были в подполье, ибо он верил. Посмотрим, как пойдет беседа, но что-то я не хочу ничего

писать, не знаю почему, но к себе все же стоит прислушиваться.

Он вернулся; на столе стояли два высоких стакана со скотчем; лед уже растаял, жарища декабрьская, под сорок, вот-вот рождество, будут посыпать пальмы ватой, снега здесь никогда в жизни не видели; зимой, в июле, температура падает до тридцати, это здесь называют холодом, температура воды всего двадцать четыре градуса, кто ж в такой ледяной купается?!

— Все в порядке,— сказал Райфель.— Теперь можно спокойно разговаривать.

— И раньше можно было спокойно этим заниматься,— усмехнулся Роумэн.— Пейте виски, пока оно не закипело.

А если рискнуть и связаться с Лиссабоном, подумал Райфель. Что-то мне не очень нравится эта просьба Ланхера: почему я должен писать то, что храню в голове? Но я не имею права к нему звонить, это нарушение конспирации, только связник может осуществлять контакт; положение не из приятных; посмотрим, как этот Ниче — впрочем, какой он к черту Ниче, псевдоним, ясно,— станет вести разговор, надо постараться его *открыть*.

— Это местное виски? — спросил Райфель.

— Нет. Я попросил шотландское.

— Так и дадут! Конечно, это здешнее пойло,— Райфель понюхал стакан,— сразу можно отличить.

— Какая разница? И то, и другое — дерьмо. Если бы мы пили с вами в Шотландии, в деревенском доме,— одно дело, а так... В какое время вам позвонил Риг... Киккель?

Райфель усмехнулся:

— Можете не поправляться, настоящая фамилия Киккеля мне знакома, как и вам...

— Разве вы тоже из Линца?

— Да. Кто вам сказал?

— Я прочитал объявление в газете,— усмехнулся Роумэн.— Воскресный выпуск аргентинской «Кларин»: что, мол, в Игуасу проживает СС штурмбанфюрер Лаурих, работающий ныне под фамилией Райфель, а к нему на связь едет член заграничной организации НСДАП Пол Ниче, он же Пауль Найджер, наделенный функциями инспектора,— по согласованию с *центром*.

Райфель расслабился впервые за время всего разговора:

— Если вы знаете мою настоящую фамилию, мне легче разговаривать. Согласитесь, просьба нашего с вами общего друга написать сообщение о проделанной работе выглядит несколько странно.

— Каждый уровень к делу конспирации относится по-своему,— ответил Роумэн, посмотрев на портье; тот медленно выплыл из-за своего бюро и отправился к бару наливать новую порцию скотча.— Вы обязаны бояться слова написанного, а мне, увы, с ним только и приходится иметь дело... Так вот, о Штирлице, Ригельте и Шиббле. Центр интересует это дело. Расскажите мне подробно, желательно по часам: когда позвонил Ригельт из Рио, *что* он произнес, почувствовали ли вы в его голосе волнение? Панику? Растерянность?

— Волнения не было... Особого волнения, так будет точнее...

Портье поставил два стакана, сказав при этом обязательное «сеньорес»; в Испании бы непременно сказали «кабальерос», подумал Роумэн, врожденное преклонение перед всадником, действительно на английский это слово переводится как «всадник» или «наездник»; смешно, если бы в Нью-Йорке в кафе мне говорили, передавая тарелку с сандвичем, не «мистер», а «всадник»! Сюжет для юмористического скетча.

— Принесите мне пива,— сказал Райфель, не глядя на портье,— только холодного.

— Да, сеньор.

Проводив взглядом его сутулую спину (странно, такой молодой парень), раздраженно заметил:

— Обязательно принесет теплое. Они слышат только себя или же оратора на площади, все остальное проходит мимо них.

Роумэн посмотрел на часы; Райфель понял его:

— Нет, я бы не сказал, господин Ниче, что Киккель был особенно взволнован. Он просто очень настаивающе сказал, чтобы я немедленно, прямо сейчас напечатал объявления о возможности уйти в сельву на охоту — с запоминающимся адресом, в самых броских местах аэропорта.

— В связи с чем?

— Он не объяснил...— Райфель испытующе взглянул на Роумэна.— Да и потом это не по правилам...

— А звонить по телефону, по международному телефону, это по правилам? — Голос Роумэна сделался металлическим.— У нас нет к вам никаких претензий, вы поступили верно, речь идет о том, что Ригельт завалил операцию, вот о чем идет речь...

— Неправда, господин Ниче. Мы передали информацию о том пансионате, где остановился объект наблюдения...

— Да?! В какое время?

— Как только Шиббл вернулся из Асунсьона.

— Вы получили подтверждение, что информация верная?

— Я и не должен был его получать.

— А Ригельт должен! А тот мальчишка-индеец, которого он отправил за Штирлицем, перепродался! За гроши! И сказал Штирлицу, что «инглез» поручил ему смотреть за «сеньором», пока тот покупал себе костюм, брился, снимал комнату в другом пансионате и посещал здание почты! И после этого Штирлиц *ушел*! Мы не знаем, где он. Ясно вам, отчего от вас требуют письменного отчета?! Вы звонили по цепи? Или, надеюсь, поступили не как Ригельт, а по правилам?

— Я не могу отвечать за него... Он жил в «Александере»...

— Сделаете так, чтобы получить все его счета в отеле. Они должны хранить его счета. Принесете мне квитанции за оплату телефонных переговоров, там должны быть номера, по которым он звонил. Сделаете копию, оставьте ее себе, ясно?

— Да... Но где мне ее хранить? Я стараюсь соблюдать полнейшую легальность.

— Меня совершенно не интересует, где вы будете хранить копию. Закопайте в вашем складе. Спрячьте в сортире, мне все равно. Но если мой самолет разгрохается над океаном и я не пришлю вам открытки с видом Лиссабона, отправьте копию Ланхеру... Вместе с другими документами вашей фирмы... Соберите ворох бумаг, это не вызывает подозрений на почтовой таможне...

— Вызывает. Здесь все вызывает подозрение.

— Но ведь у вас есть контакты на границе?

— Да.

— Значит, отправите телеграммы в тот день и час, чтобы номера телефонов, по которым звонил Ригельт — если он все же звонил,— соответствовали датам отправки корреспонденции, не мне вас учить азам ремесла.

— Хорошо.

— А что вы такой натянутый, Райфель? — Роумэн откинулся, полагая, что обопрется о спинку стула, и чуть не упал, забыв, что сидит на пне красного дерева; идиоты, за такой материал получили бы десять удобных кресел из сосны или пальмы, что за неповоротливость?! Совсем растеклись под солнцем, пошевелиться боятся.

— Я совершенно не натянутый, господин Ниче... Отнюдь... Просто все это несколько неожиданно...

Я иду ощупью в полнейшей темноте, подумал Роумэн. Я могу провалиться в *их* яму каждую секунду. Они умеют конспирировать, как никто другой. Но пока что я вроде бы не сделал рокового шага, я иду по краю обрыва, и первый же его конкретный вопрос будет сигналом тревоги, не пропустить бы.

— Если бы научились загодя планировать провалы, их бы не было. Увы, как правило, планируют победы, а не поражения, Райфель. Вы сможете выполнить мое поручение, скажем, к пяти часам?

— Постараюсь.

Роумэн понял, что именно сейчас настал тот момент, когда вспыхнул сигнал тревоги. Этот эсэсовец не имеет права говорить «постараюсь» посланцу из их вонючего центра, это не по их правилам, он *пробует* меня, или же я так и не понял в *них* ни черта.

Роумэн недоуменно обсмотрел собеседника, неторопливо поднялся, достал из кармана две долларовые монетки, бросил их на стол и, не попрощавшись, пошел к выходу.

Продолжение следует.

ВОКРУГ ПРОЦЕССА В РИМЕ

Вот уже восьмой месяц продолжается судебный процесс в римском зале «Форо италико» по спровоцированному западными спецслужбами делу о мнимом участии трех болгарских граждан в организации и осуществлении покушения на главу католической церкви Иоанна Павла II. Сегодня о заключительной стадии тенденциозного судилища в Риме пишет заместитель председателя Советского национального комитета в защиту С. Антонова публицист-международник Николай ПАНИЕВ.

●

После долгого и монотонного судебного разбирательства нашумевший «процесс века» вышел на финишную прямую. Нынешний январь — время заключительного диалога обвинения и защиты подсудимых. После других юридических процедур должно последовать вынесение вердикта на основании «показаний» свидетеля в лице международного террориста и провокатора-клеветника Агджи и материалов дополнительных расследований в Турции, ФРГ, Франции, Голландии, Швейцарии, произведенных председателем суда присяжных и прокурором во спасение поистине сизифова труда судебного следователя Мартеллы о «болгарском участии» в преступлении на площади Св. Петра. Каким будет исход этого странного и позорного процесса в строго охраняемом и бронированном судебном зале? Общий итог всех состоявшихся без малого ста судебных заседаний можно коротко определить как полное фиаско заокеанских инициаторов этой идеологической диверсии.

Напомним, что провал «дела Антонова», построенного на песке, то бишь на основе многотомного «досье» необъективного следователя Мартеллы, был фактически предрешен на первом же судебном заседании, 27 мая 1985 года, когда главная «опора и надежда» обвинения — жалкий позер и лжец Агджа объявил себя Иисусом Христом. И еще вспомним, что тогда многие видные юристы, общественные деятели и журналисты пришли к выводу: после подобного заявления надо прекратить процесс, дабы не делать посмешище из итальянского суда. Итальянский журналист Ф. Скоттони пишет: «Процесс по делу о покушении на папу римского все больше напоминает сказку о крестьянине, который тащил на себе мешок с орехами. Мешок оказался с дыркой, орехи один за другим высыпались на дорогу. Процесс подходит к концу, и в мешке с уликами, собранными судебным следователем Мартеллой, уже почти ничего не осталось. Подобно орехам, они вывалились...»

По всем пунктам обвинительного заключения против служащего авиакомпании «Балкан» Сергея Антонова, находящегося более трех лет под арестом, полностью отсутствуют доказательства для вынесения обвинительного приговора. Все главные свидетели не только не подтвердили измышления Агджи, но и разрушили «башню из неправдоподобных улик», способствовали раскрытию других следов в римском покушении — турецкого, итальянского, западногерманского, которые ведут далеко за океан.

В декабре высшие чины римской магистратуры при полном содействии болгарских властей допросили в Софии бывших сотрудников учреждений НРБ в Италии Ж. Васильева и Т. Айвазова. Результатом явились новые доказательства недобросовестности следователя Мартеллы.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Выделывание рогожи — одно из любимейших занятий мастеров Древней Руси. Эта традиция продолжалась и в XIX веке, однако мастеров по выделыванию рогожи с годами становилось все меньше и меньше. В наше время их уже не осталось. И вот по просьбе киностудии «Мосфильм» мастерицы йошкар-олинского объединения «Полек» («Подарок») сумели возродить выделывание рогожи. Старинные мешки и кули, как и другие изделия из рогожи, оказались необходимы для съемок различных фильмов на исторические темы. Теплое письмо в адрес мастериц «Полека» прислал народный артист СССР Сергей Федорович Бондарчук, завершающий сейчас, как уже писал «Огонек», работу над экранизацией трагедии Пушкина «Борис Годунов»,— изделия из рогожи помогли в точности воссоздать народный быт эпохи Годунова. Не обойдутся без них и создатели фильма «Ломоносов» и многих других картин...

НЕОБЫЧНЫЕ РЫБКИ ВАСИЛИЯ КУЗНЕЦОВА

Вот уже много лет Василий Владимирович Кузнецов из Майкопа интересуется проблемами управления живой природой. Пытаясь выяснить, как условия внешней среды влияют на размножение и развитие декоративных рыбок в аквариумах, Кузнецов получил поразительные результаты. Ему удалось сделать то, что удается нечасто: в домашних условиях он вывел несколько разновидностей декоративных рыбок. Естествоиспытатель учел все особенности майкопского климата и «наградил» полученные им разновидности декоративных рыбок всеми желаемыми признаками. Теперь ему не нужно поддерживать какую-то специальную температуру в аквариуме, заботиться о подсветке. В зеленоватой толще воды весело резвятся стайки краснохвостых тетров, всевозможные барбусы, рыбки-конго, неоны...

Большую часть своего «рыбного богатства» Василий Владимирович ежегодно преподносит в дар детским садам, школам, различным учреждениям — людям, которым богатства его коллекции могут доставить радость.

СОКРОВИЩА ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ

Величественное многоголосие старинных грузинских песнопений стало своеобразной музыкальной прелюдией к выставке «Средневековые фрески Грузии», открывшейся в Государственном музее искусства народов Востока в Москве. В экспозицию входят 49 копий фресок из Атени и Вардзиа, Земо Крихти и Давид Гареджи, Кинцвиси и Армази, других древнейших культурных и исторических центров Грузии.

К открытию выставки была приурочена научная конференция «Монументальная живопись средневекового Востока», в которой приняли участие видные ученые из Москвы, Тбилиси, Ленинграда, среднеазиатских республик.

— Грузию недаром называют «музеем фресковой живописи»,— сказал в беседе с журналистами видный советский ученый, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, член-корреспондент Академии наук СССР В. Янин.— Следует отметить подвижническую деятельность тех грузинских мастеров, кто создал эти великолепные копии древних фресок, тем более что некоторые из них сами стали оригиналами, так как фрески, с которых они делались, уже не существуют и известны нам только по позднейшим изображениям.

Выставка в Государственном музее искусства народов Востока стала еще одним проявлением нерасторжимой дружбы народов России и Грузии, исчисляемой уже не одним столетием.

В ПОДВАЛЕ ДОМА КУЛЬТУРЫ

Никто не может объяснить, как скульптура «Бык», одна из лучших работ известного в Вологде резчика по дереву Василия Ворноскова, экспонировавшаяся на выставках в Хельсинки и Париже и считавшаяся вот уже многие годы утерянной, оказалась в подвале городского Дома культуры. Прямо из подвала «Бык» проследовал в Вологодский областной краеведческий музей и занял одно из центральных мест в его экспозиции.

Василий Петрович Ворносков основал в 30-х годах XX века школу абрамцево-кудринской резьбы по дереву, продолжавшую традиции древнего народного промысла. Многие работы Ворноскова экспонируются не только в музеях нашей страны, но и за рубежом.

ИЗ США — НА РОДИНУ

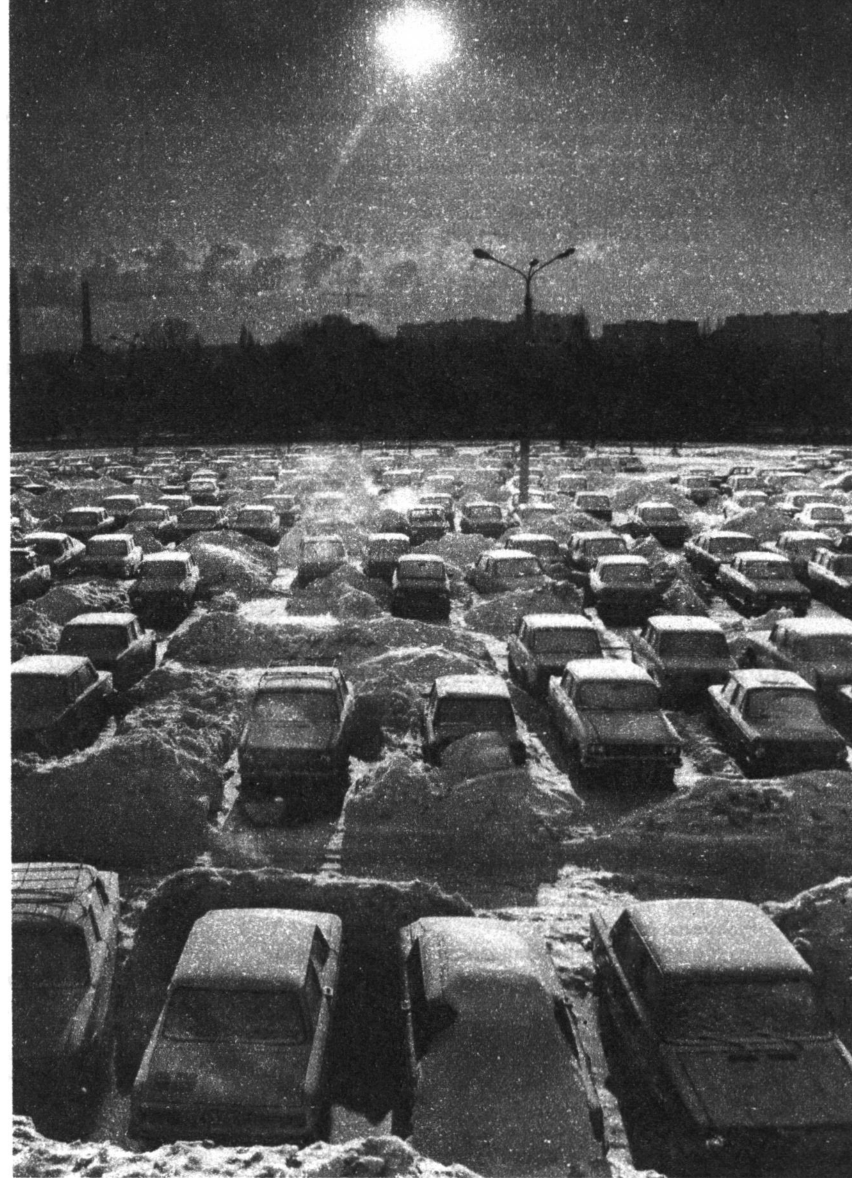
При жизни красноярского библиофила Юдина собранную им библиотеку старинных русских книг называли «национальной гордостью России». Однако царское правительство отказалось приобрести ее у Юдина. Тогда свои услуги предложили американцы. Так большая часть библиотеки красноярского библиофила оказалась в США, где она составила основу русского отдела библиотеки конгресса в Вашингтоне.

С тех пор прошло уже много десятков лет. И вот сейчас 70 старинных русских книг из собрания Юдина возвратились в Красноярск и были представлены на большой книжной выставке, собравшей сотни посетителей — не только красноярцев, но и многочисленных гостей города.

Книги пополнят фонд краевой библиотеки.

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька» подготовили к печати Д. ЯКУБОВСКИЙ, К. АНДРЕЕВ.

Урбанизация. Фото Б. Панова

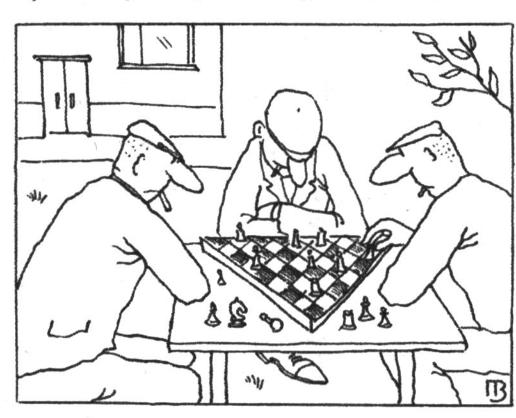

Рисунок В. Пескова

Рисунок В. Енютина.

Надежное соседство. Фото В. Корешкова

ВИКТОР МЕНЬШИКОВ

* * *

Едва начав публиковаться,
Уже он требовал оваций.
А каждое критическое мнение
Воспринимал как оскорбление.

* * *

Теперь берутся за перо и молодой, и старый:
Кого прельщает слава, а кого и гонорары.
Уж стало некому читать — все пишут!
Ну ладно б о себе — все больше-то о том,
что слышат.

* * *

Родившись с искрою от бога,
Всю жизнь он мается:
Куда б ни вывела дорога,
Он лишь искрит — не загорается.

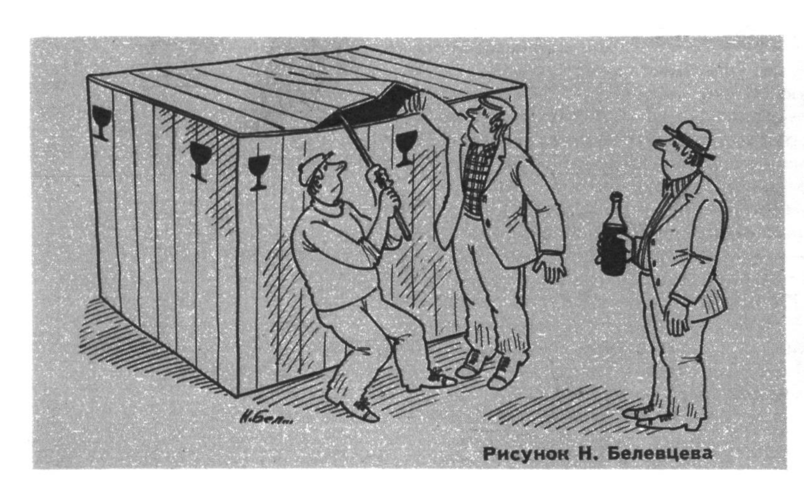

Рисунок Н. Белевцева

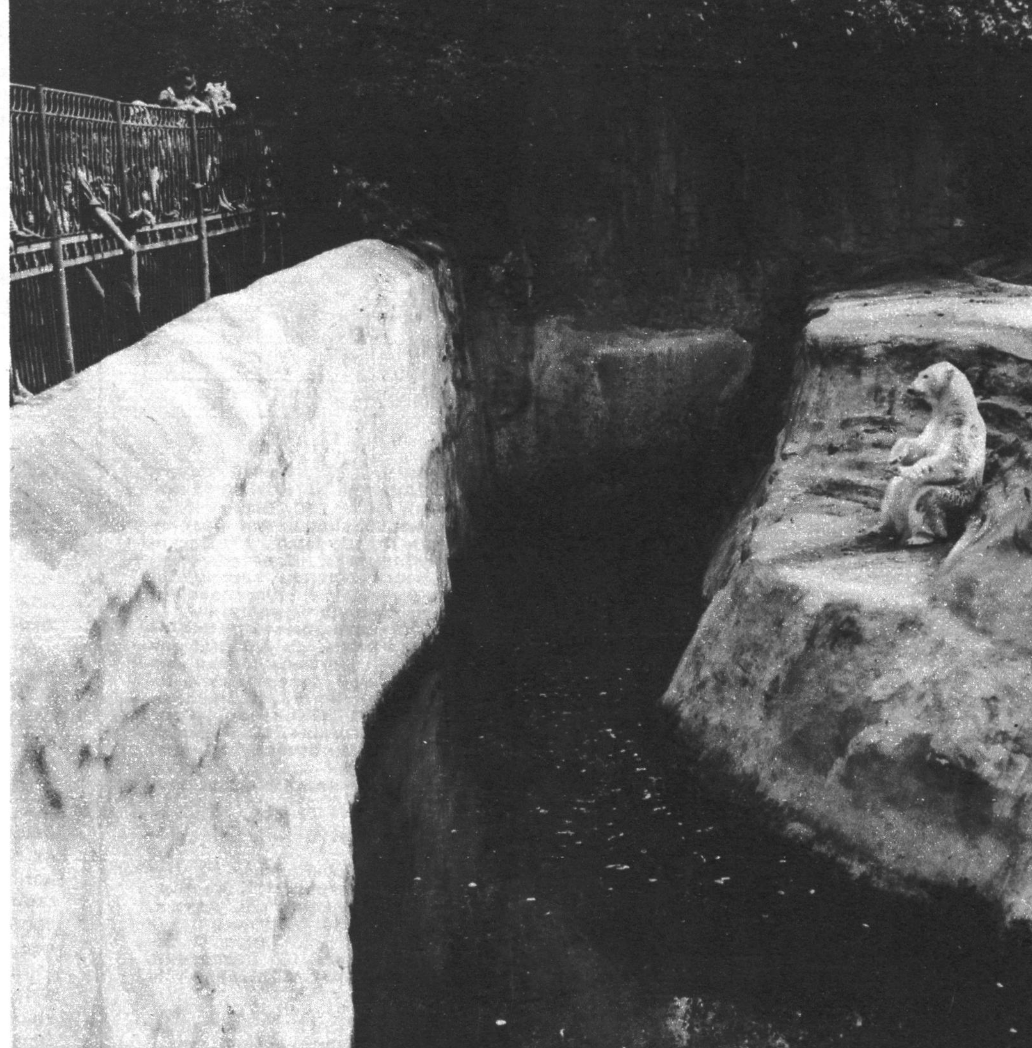
ПОЕДИНОК

ЮМОРЕСКА

— Вы не передумали?— спросила она и сурово посмотрела мне прямо в глаза.
— Нет!— твердо сказал я.
— Как бы потом жалеть не пришлось!..— В ее голосе послышались стальные нотки.
— Только не надо меня запугивать!— отрезал я.
— Напрасно вы упорствуете. Другие на вашем месте...
— Сейчас это мое место!— возразил я.
— И тем не менее вы не учли одного обстоятельства.
— Какого?— усмехнулся я.
— Что у меня есть свой план.
— Меня это не волнует,— пожал плечами я.
— Жаль, вначале вы произвели неплохое впечатление... Может, все-таки?..— сделала еще одну попытку она.
— Ни за что!— оборвал я ее.
— Ну что ж! Если это ваше последнее слово...— В ее руке сверкнула острая бритва.
Я оглянулся. Сзади выстроился длинный хвост людей с недовольными лицами.
— Ладно,— вздохнул я,— ваша взяла! Я хотел только побриться, но поскольку у вас план, помойте мне голову, подстригите, высушите феном и надушите самым дорогим одеколоном!..

Ю. ПОРТОВ

г. Симферополь.

Диалог. **Фото Ю. Садовникова**

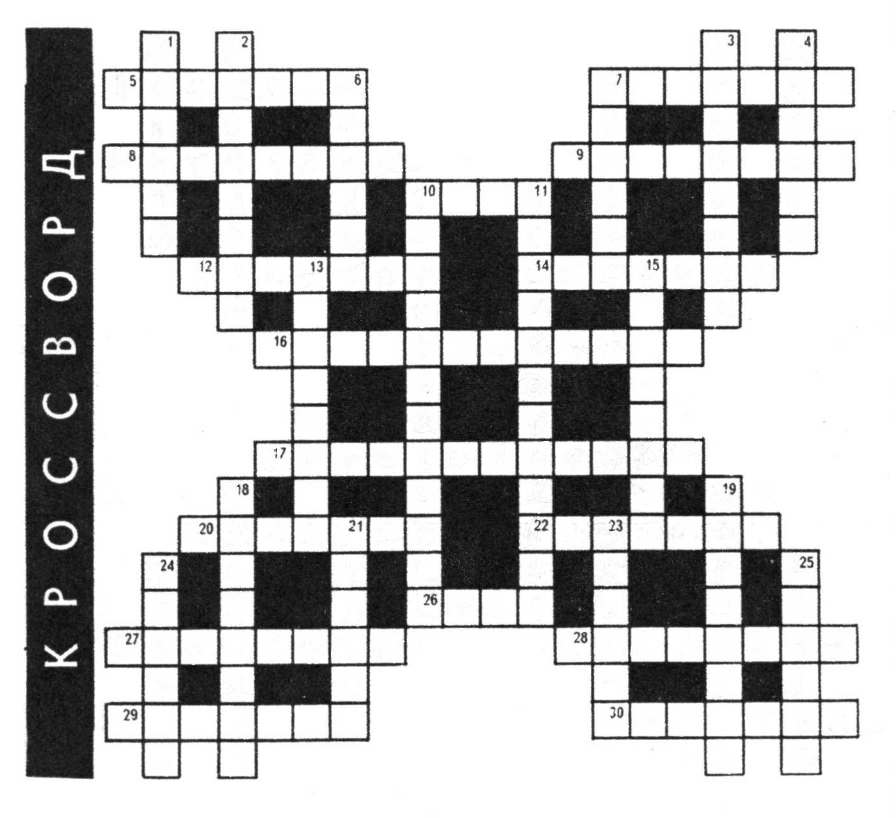

Рисунки В. Воеводина

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Сюрприз, сувенир. 7. Лунный грунт. 8. Парнокопытное животное, обитающее в Африке и Южной Азии. 9. Живописец и график, народный художник СССР. 10. Басня И. А. Крылова. 12. Устройство для определения местонахождения различных объектов. 14. Часть слова. 16. Симфония Ф. Шуберта. 17. Состязание. 20. Столица союзной советской республики. 22. Советский химик—органик, академик. 26. Отделение в пассажирском вагоне. 27. Действующее лицо в литературном произведении. 28. Югославский шахматист. 29. Рассказ М. Горького. 30. Часть пишущей машинки.

По вертикали: 1. Серия советских искусственных спутников Земли для ретрансляции телевизионных программ. 2. Здание для экспонатов на выставке. 3. Северная ягода. 4. Географическая координата. 6. Строфа в песне. 7. Неровности земной поверхности. 10. Город на Сахалине. 11. Вид познавательной деятельности. 13. Русская актриса, первая исполнительница ролей в пьесах «Ревизор», «Горе от ума». 15. Действующее лицо оперы Ж. Бизе «Кармен». 18. Русский педагог-демократ. 19. Остров в Белом море. 21. Гимнастический снаряд. 23. Лесная певчая птица. 24. Форма поощрения за достигнутые успехи. 25. Композитор, родоначальник русской классической музыки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 1. Корабль. 6. Сатурн. 7. «Казаки». 9. Пустовойт. 11. Дрель. 12. Аванс. 14. Смирнов. 16. Астров. 17. Изонцо. 18. Воскресенье. 21. Гречко. 22. «Циклон». 23. Клиника. 24. Алтын. 26. Сурок. 27. Амстердам. 30. Вокзал. 31. Бушлат. 32. Частное.

По вертикали: 2. Ранет. 3. Быков. 4. Степь. 5. Лапта. 6. Семестр. 8. Илиамна. 10. Определение. 11. Диафрагма. 13. Столетник. 14. «Свисток». 15. Винница. 19. Желтков. 20. Кларнет. 25. Наука. 26. Смола. 28. Талас. 29. Рубин.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Атомоход «Россия». (См. в номере материал «Арктические мили «России».)

Фото Д. ВОЗДВИЖЕНСКОГО

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Венесуэльский танец «Хоропо» исполняют заслуженная артистка РСФСР Лариса Аристова и Сергей Петухов, солисты Государственного академического ансамбля народного танца Союза ССР. (См. в номере материал «Театр танца».)

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото—212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 13.12.85. Подписано к печати 14.01.86. А 00607. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 515 000 экз. Изд. № 272. Заказ № 2000.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Театр ТАНЦА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

...Завсегдатаи первыми появляются в портовой таверне латиноамериканского городка. Их приветствуют официанты, заметно оживившиеся при виде долгожданных посетителей. А вот и туристы-толстосумы, которые так охочи до местной «экзотики», с ними гид, шустрый малый. И все это под звуки танго, искрящиеся весельем или полные томления, прихотливо кокетливые или щемяще грустные. Одна мелодия сменяет другую. И вот уже стихия танца захватила всех посетителей таверны. Целая галерея образов! У каждого свой характер, своя судьба. И они, как резко очерченная «линия жизни» на ладони, распознаются сразу, мгновенно, пока в центре внимания тот или иной герой.

— Ну что ж, если так будет и на премьере,— голос Игоря Александровича Моисеева возвращает к реальности,— то, видимо, можно рассчитывать на зрительский отклик.

И репетиция продолжается.

— Как родился замысел этой последней работы?

— В том, что она появилась, пожалуй, нет ничего неожиданного. В репертуаре нашего ансамбля всегда были широко представлены танцы разных народов, в том числе и латиноамериканских. Нам очень много приходится колесить по свету. И во время недавних турне мы обратили внимание на одну любопытную деталь: повсеместно возрождается интерес к танго. Это радует. Потому что танго — танец необычайно красивый и пластичный, с богатейшими хореографическими возможностями, пройти мимо которых балетмейстеру трудно. Вот так и возникла мысль создать одноактный балет «Таверна танца».

Балет, спектакль... Эти понятия теперь неразрывно связаны с творчеством Государственного академического ордена Дружбы народов ансамбля народного танца СССР, который по праву называют театром. От простого к сложному, от разрозненных концертных номеров до монументальных хореографических полотен, таких, как «Половецкие пляски» и «Ночь на Лысой горе»,— вот почти полувековой путь, пройденный коллективом.

— Своим днем рождения,— рассказывает Игорь Александрович,— мы считаем 10 февраля 1937 года, когда состоялась первая наша репетиция. Народ подобрался самый, что называется, разношерстный: кто-то пришел из самодеятельности, кто-то — из балетных школ, кто-то — с эстрады... Чтобы подготовить простейшую программу (по сегодняшним, конечно, меркам), год целый репетировали. У меня, естественно, опыта постановочной работы для такого коллектива не было. Поэтому поначалу свою миссию рассматривал как чисто редакционную: придать исторически сложившимся народным танцам сценический облик. Не более.

...Для многих тогда явилось полной неожиданностью, что талантливый танцовщик и балетмейстер Большого театра ушел «в народные танцы». Для многих. Только не для Моисеева. Для него это был закономерный итог давнего увлечения танцевальным фольклором.

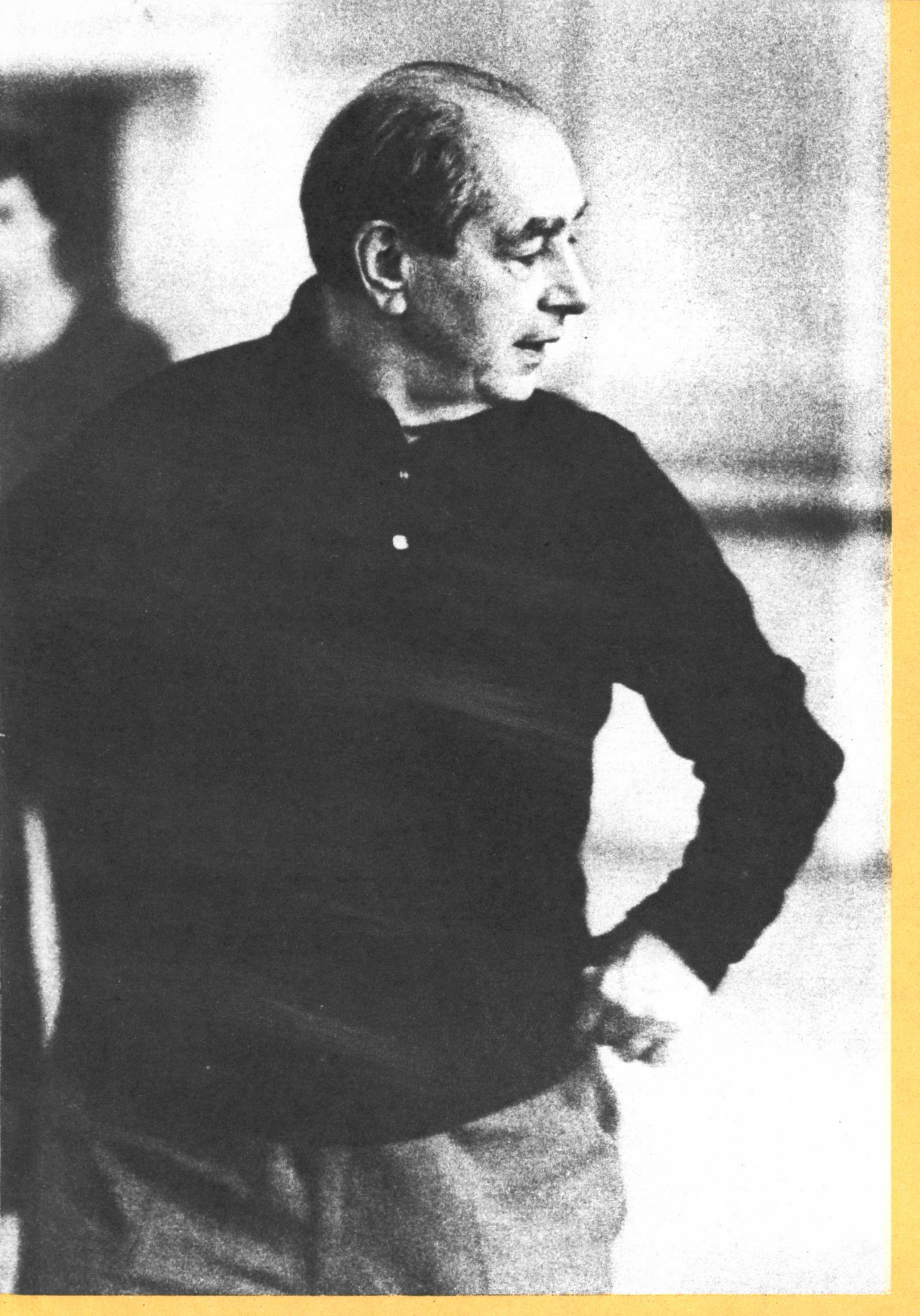
Уже первая программа ансамбля «Танцы народов СССР» снискала прочные симпатии зрителей. А потом?

— Все программы перечислить не берусь,— улыбается их постановщик.— Могу и ошибиться. Важно другое. Материал для творчества зачастую сама жизнь предлагала. Так, в годы индустриализации и становления колхозов была создана целая серия новых танцев. В военные годы появились композиция «Партизаны» и большая программа «Танцы славянских народов». Радость мирного созидания советских людей отражена в сюите «Праздник труда»...

Собеседник выразительно поглядывает на часы. Ничего не поделаешь. Перед премьерой забот много.

...Таких аплодисментов, как в тот вечер, посвященный 80-летию со дня рождения Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР Игоря Александровича Моисеева, давно не доводилось слышать!

А. БАРЫНИН

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663